

SOCI@COM

2021

ISSN 2658-5855

12+

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
Том 6 № 3

SOCIAL COMPETENCE

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

педагогические науки

социологические науки

юридические науки

Редакционная коллегия

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Заместитель главного редактора – Пахаруков Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Ларионова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия)

Поветкина Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая отделом финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Пятковская Юлия Валерьевна, доктор юридических наук, проректор по научной работе Байкальского государственного университета (г. Иркутск, Россия)

Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области (г. Иркутск, Россия)

Швецов Михаил Юрьевич, доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», профессор кафедры педагогики и психологии развития (г. Владивосток, Россия)

Редакционный совет

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Хабаровск, Россия)

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан, ЕАО, Россия)

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета. Президент Международной Академии психологических наук (г. Ярославль, Россия)

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск, Россия)

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Иркутск, Россия)

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий (г. Улан-Батор, Монголия)

Хагуров Темуэр Айтевич, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе и качеству образования Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук (г. Краснодар, Россия)

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия)

EDITORIAL COLLEGIUM

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Deputy editor-in-chief – Pakharukov Aleksandr Anatolyevitch, Candidate of Juridical Sciences, Head of Jurisprudence Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Larionova Larisa Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

Povetkina Natalia Alekseevna, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Financial, Tax and Budget Legislation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of State and Legal Disciplines Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Pyatkovskaya Julia Valeryevna, Doctor of Juridical Sciences, Vice-Rector for Research, Baikal State University (Irkutsk, Russia)

Sidorova Natalia Vasilievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region (Irkutsk, Russia)

Shvetsov Mikhail Yurievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Pedagogy and Development Psychology (Vladivostok, Russia)

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Khabarovsk, Russia)

Vorotilkina Irina Mikhailovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department, Sholem Aleichem Amur State University (Birobidzhan, Jewish Autonomous Region, Russia)

Kozlov Vladimir Vasilyevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences (Yaroslavl, Russia)

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic” (Saransk, Russia)

Podlinyaev Oleg Leonidovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department of Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Irkutsk, Russia)

Romashov Roman Anatolyevich, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Activities Department of Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honored Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Tuya Gotovyn, PhD, Professor, Head of European Studies Department of Mongolian State University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia)

Hagurov Temyr Aitechevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality of Education, Kuban State University, Leading Researcher of Sociology Institute, Russian Academy of Sciences. Full member of the Russian Academy of Social Sciences (Krasnodar, Russia)

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department of Mongolian State University (Ulan Bator, Mongolia)

СОЦИАЛЬНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	265
Струк Е.Н. Слово главного редактора.....	266

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Куликов Е.А. Евразийская философия права Н.Н. Алексева: учение о ценностях.....	267
Татарников В.Г. Санкции за преступления коррупционной направленности и проблемы их совершенствования.....	278
Тихий Р.С., Черемушкина Е.Э. Теоретико-правовые аспекты гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности.....	287
Юлбердина Л.Р. Использование опыта арбитражно-процессуальной модели протоколирования к положениям уголовно-процессуального закона.....	296

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Колесников А.С. Педагогические исследования: актуальность и востребованность.....	306
Лысуенко С.А. Роль умения управлять своим временем студентами в первый год их обучения в вузе... ..	319
Попов А.И. Совершенствование механизма демонстрационного экзамена в профессиональном образовании.....	326

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кривошеев В.В., Бейс Ю., Ерохина Е.Г. Трансформация управленческих практик коммерческих организаций в ходе пандемии: итоги социологического исследования.....	341
Нацун Л.Н. Оценка влияния нематериальных факторов на формирование человеческого потенциала детей.....	348
Сухарькова М.П. Социальный, человеческий и политический капитал олимпийских волонтеров.....	362

Contents

CONTENTS	265
Struck E.N. A letter from the editor-in-chief.....	266

JURIDICAL SCIENCES

Kulikov E.A. Eurasian philosophy of law N.N. Alekseeva: teaching about values.....	267
Tatarnikov V.G. Sanctions for corruption-related crimes and problems of their improvement.....	278
Tikhii R.S., Cheremushkina E.E. Theoretical and legal aspects of civil liability in the field of business activity.....	287
Yulberdina L.R. Using the experience of the arbitration-procedural model of record keeping to the provisions of the criminal procedure law.....	296

PEDAGOGICAL SCIENCES

Kolesnikov A.S. Pedagogical research: relevance and demand. (St. Petersburg).....	306
Lysuenko S.A. The role of the ability to manage the time by students in the first year of their studying at the University).....	319
Popov A.I. Improving the mechanism of the demonstration exam in vocational education.....	326

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Krivosheev V.V., Beis Yu., Erokhina E.G. Transformation of management practices of commercial organizations during a pandemic: results of a sociological research.....	341
Natsun L.N. Evaluation of the influence of intangible factors on the formation of Human potential of children.....	348
Sukharkova M.P. Social, human and political capital of Olympic volunteers.....	362

Уважаемые коллеги, авторы, читатели и партнеры!

С удовольствием представляю вам сентябрьский выпуск электронного научного журнала «Социальная компетентность», учредителем которого является ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».

Как и предыдущие номера, данный выпуск рассчитан на широкий круг читателей – преподавателей, студентов, аспирантов, магистрантов, докторантов, российских и зарубежных вузов, всех, кто интересуется социально-гуманитарной проблематикой формирования социальных компетенций в обществе. На страницах номера по-прежнему предлагаются публикации результатов научных исследований, передового педагогического опыта.

В разделе «Юридические науки» представлены исследовательские работы *Е.А. Куликова (г. Барнаул, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»)* об аксиологии

права *Н.Н. Алексеева, В.Г. Татарникова (г. Иркутск, Восточно-Сибирский филиал ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет правосудия»)* о проблеме соответствия санкции уголовно-правовой нормы характеру и степени общественной опасности преступления, *Р.С. Тихого, Е.Э. Черемушкиной (г. Краснодар, ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»)* о вопросах гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности, *Л.Р. Юлбердиной (г. Стерлитамак, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»)* о вопросах электронного документооборота и проведения онлайн-заседаний в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Раздел «Педагогические науки» содержит интересные статьи *А.С. Колесникова (г. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»)* о проблеме интерпретации релевантности реальной педагогической практики и влиянии исследований на результаты работы педагогов, *А.И. Попова (г. Тамбов, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»)* о различных аспектах использования механизма демонстрационного экзамена в системе среднего профессионального образования и его совершенствовании, *С.А. Лысуенко (г. Нижний Тагил, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)* о возможностях успешной учебно-профессиональной адаптации первокурсников при наличии сформированных навыков тайм-менеджмента.

Раздел «Социологические науки» включает актуальные статьи *В.В. Кривошеева, Ю. Бейс, Е.Г. Ерохиной (г. Калининград, ФГБОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»)* о трансформации системы управления в коммерческих организациях в ходе продолжающейся пандемии COVID-19, *Л.Н. Нацун (г. Вологда, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук»)* об оценке влияния нематериальных факторов на формирование человеческого потенциала детей, *М.П. Сухарьковой (г. Москва, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)* о социальном, человеческом и политическом капитале олимпийских волонтеров.

Мы благодарим всех авторов, которые приняли участие в работе над данным номером журнала. Огромная благодарность членам редакционной коллегии, редакторам, которые ведут эту серьезную, требующую больших усилий и времени работу.

Желаем вам приятного и полезного чтения!

С уважением, главный редактор журнала
«Социальная компетентность» Струж Елена Николаевна

Научная статья
УДК 340.12

Евразийская философия права Н.Н. Алексеева: учение о ценностях

Егор Алексеевич Куликов¹

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
kulikoveg@yandex.ru, <https://0000-0002-3777-665x>

Аннотация: Философия права достаточно прочно вошла в круг научных интересов как отечественной юриспруденции, так и философии. Неотъемлемым ее элементом выступает учение о ценностях, или аксиология права. Надо сказать, ценностная философия права присутствует в отечественной политико-правовой мысли достаточно давно. При этом существенный вклад в разработку правовых ценностей и ценностей в праве внес евразиец-правовед Н.Н. Алексеев. Он не только определяет философию права как учение о ценностях, но и при рассмотрении структуры права каждый из её элементов рассматривает сквозь призму ценностей. Ценностное измерение прослеживается также в трудах по теории права Н.Н. Алексеева, в его работе, раскрывающей евразийское учение о собственности, и в статье, где мыслитель анализирует возможности преобразования советского строя в «государство правды». Статья посвящена, таким образом, аксиологии права Н.Н. Алексеева. Ключевым методом выступает метод исследования первоисточников, метод их детального анализа, поскольку при исследовании истории политических и правовых учений очень важна точная передача мысли. Также автор статьи опирается на сравнительный анализ, политико-правовые идеи Н.Н. Алексеева постоянно сопоставляются как с мыслями современных ему мыслителей, так и с новыми работами по философии права. Активно используется философский метод рефлексии, каждая мысль Н.Н. Алексеева проходит осмысление и комментируется. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что философия права Н.Н. Алексеева носит ярко выраженный ценностный, аксиологический характер, а начала феноменологии, структурализма, неокантианства и даже евразийское мировосприятие играют роль методологии восхождения к правовым ценностям и идеалам.

Ключевые слова: евразийство, Н.Н. Алексеев, философия права, аксиология права, естественное право, правовые ценности, ценность права

Благодарности: Статья выполнена при финансовой поддержке фонда грантов Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № МК-483.2020.6 «Евразийская альтернатива государственно-правового развития России: генезис, содержание, современное прочтение».

Для цитирования: Куликов Е.А. Евразийская философия права Н.Н. Алексеева: учение о ценностях // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 267–277.

JURIDICAL SCIENCES

Original article

Eurasian philosophy of law by N.N. Alekseev: teaching about values

Egor A. Kulikov

Altai State University, Barnaul, Russia,
kulikoveg@yandex.ru, <https://0000-0002-3777-665x>

Abstract: The philosophy of law has firmly entered the range of scientific interests of both domestic jurisprudence and philosophy. Its integral element is the doctrine of values, or the axiology of law. It must be said that the value philosophy of law has been present in Russian political and legal thought for a long time. At the same time, a significant contribution to the development of legal values and values in law was made by the Eurasian jurist N.N. Alekseev. He not only defines the philosophy of law as a doctrine of values, but when considering the structure of law, each of the elements of this structure considers through the prism of values. The value dimension can also be traced in the works on the theory of law by N.N. Alekseev, in his work, revealing the Eurasian doctrine of property, and in his work, where the thinker analyzes the possibilities of transforming the Soviet system into a "state of truth." Thus, the article is devoted to the axiology of law of N.N. Alekseeva. The key method is the method of working with primary sources, the method of their detailed analysis, since in the study of the history of political and legal doctrines, accurate transmission of thought is very im-

¹ © Куликов Е. А., 2021

portant. Also, the author of the article relies on a comparative analysis, political and legal ideas of N.N. Alekseev are constantly compared both with the thoughts of contemporary thinkers and with new works on the philosophy of law. The philosophical method of reflection is actively used, each thought of N.N. Alekseeva is comprehended and commented on. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the philosophy of law of N.N. Alekseeva has a pronounced axiological character, and the beginnings of phenomenology, structuralism, neo-Kantianism and even the Eurasian worldview play the role of a methodology for the ascent to legal values and ideals.

Keywords: Eurasianism, N.N. Alekseev, philosophy of law, axiology of law, natural law, legal values, value of law

Acknowledgments: The article was implemented with the financial support of RF President Grant Fund for young Russian scientists – candidates of sciences, Project № МК-483.2020.6 "The Eurasian alternative to the state and legal development of Russia: genesis, content, modern interpretation".

For citation: Kulikov E.A. (2021) Eurasian philosophy of law by N.N. Alekseev: teaching about values. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 267–277. (In Russ.)

Введение

Философия и теория государства и права, разработанная Н.Н. Алексеевым в течение всей его жизни, может во многом рассматриваться как евразийская теория и философия государства и права. Помимо принадлежности мыслителя в течение достаточно длительного жизненного периода к евразийскому движению (Борщ, 2015. С. 28–32), есть, по меньшей мере, две причины, объясняющие такую оценку. Во-первых, для классического евразийства Н.Н. Алексеев выступал практически единственным профессиональным правоведом, оставившим после себя фундаментальные труды как по теории и философии государства, так и по теории и философии права. Во-вторых, что главное, наверное – это использование Н.Н. Алексеевым евразийских мировоззренческих установок в работах, посвященных государственно-правовым проблемам, которые, в свою очередь, опирались на идеи, концепции и структуры, сформулированные Н.Н. Алексеевым в период, предшествующий его участию в евразийском движении. Таким образом проявляется синтетический характер евразийской теории и философии права и государства и права Н.Н. Алексеева, и в силу этого рассматривать его политико-правовые взгляды нужно также в ключе идеи евразийского синтеза.

Проявлением синтетичности взглядов Н.Н. Алексеева выступает политико-правовая идея ценности, характерная для его теоретико-правовых и философско-правовых работ, имеющая практически сквозной характер. Как точно подметил В.В. Кожевников, существует дихотомия науки и ценностных суждений: из фактов нельзя извлечь ценностные суждения, а ценностные

суждения никогда не будут научными фактами, философия же изначально является ценностно отягощенной познавательной деятельностью, для нее бытие мира имеет значение лишь в перспективе бытия человека (Кожевников, 2016. С. 9–10). Не менее интересна мысль Н.А. Бердяева, по мнению которого «главный признак, отличающий философское познание от научного, нужно видеть в том, что философия познает бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, наука же познает бытие как бы вне человека, отрешенно от человека» (Бердяев, 2010. С. 13.). Н.Н. Алексеев, как бы в созвучии со сказанным, замечает: «Наиболее глубокой частью правовой структуры является носитель обнаруживающих ценности актов – именно тот, кто высказывает свое отношение к правовым ценностям, признает их, выполняет деятельность признания, присутствует в ней и переживает ее» (Алексеев, 1999. С. 76). Наконец, В.Н. Синюков, рассматривая значимость личности в российской правовой системе, рассуждает: «Полнота индивидуального достигается лишь в обретении его целостности с общественным, социальным. Только в этом значении право есть выражение некоего высшего начала. Российское право не может быть самоцелью, самоценно и индивидуалистично, оно традиционно надиндивидуально и потому служит опосредующим средостением между человеком и правопорядком» (Синюков, 2014. С. 282). Таким образом позиция Н.Н. Алексеева относительно необходимости ценностного измерения права, а также ценностного его рассмотрения через носителя правовых ценностей, вполне адекватна как дискурсу политико-правовой философии первой четверти XX века, так и современной проблематике,

поднимаемой в работах по теории и философии права. Достаточно оригинальное рассмотрение мыслителем политико-правовых ценностей определяет познавательную значимость исследования его трудов.

Методы

Материалы настоящего исследования представлены работами Н.Н. Алексеева «Основы философии права» (Алексеев, 1999), «Общее учение о праве» (Алексеев, 1919), «Собственность и социализм (опыт обоснования социально-экономической программы евразийства)» (Алексеев, 2003), «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)», а также научными трудами разных авторов, затрагивающих смежные с поднимаемыми Н.Н. Алексеевым проблемами философии права, ценностного правопонимания. Надо сказать, что политико-правовые взгляды евразийца-правоведа корреспондируют общим подходам, реализуемым в истории отечественной общественной мысли (Васильев & Куликов, 2013. С. 10), так и современному пониманию философско-правовых тенденций и рефлексивной проблематики (Жуков, 2013. С. 45).

Методология исследования представлена двумя основными эпистемологическими инструментами. Во-первых, это юридико-догматический метод, в данном случае представляющий собой анализ первоисточников, во-вторых – это сравнительный метод, используя который политико-правовые взгляды Н.Н. Алексеева сопоставляются с воззрениями на поднимаемые им проблемы, представленными другими авторами. Кроме того, используется системный метод – аксиология права Н.Н. Алексеева рассматривается не в рамках одной его работы, а в рамках разных работ, вышедших в различные годы, и понимается при этом как сквозная идея. Наконец, отдельным познавательным приемом выступает рефлексия, осмысление философско-правовых идей Н.Н. Алексеева.

Результаты

Учение о ценностях в праве и о правовых ценностях в целом в философии права Н.Н. Алексеева занимает, по сути, центральное место. Поэтому предварять разговор о бытии

права и о познании права мы будем разговором об аксиологической составляющей, поскольку суть и значение права в жизни социума отталкивается от его ценности для социума. Необходимо, прежде всего, определить, как на сегодняшний день рассматривается ценностный подход к праву в отечественной юридической науке. Надо сказать, что аксиология прочно вошла в философию права в качестве необходимого раздела (Данильян, 2006. С. 255). Ещё Г.В.Ф. Гегель писал, что «право субъективной воли состоит в том, чтобы то, что она должна признавать значимым, усматривалось ею как добро и чтобы поступок в качестве вступающей во внешнюю объективность цели вменялся воле как правовой или неправовой, хороший или дурной, законный или незаконный сообразно ее знанию о ценности поступка в этой объективности» (Гегель, 1990. С. 173). Как указывает В.С. Нерсисянц, «юридическая аксиология – это учение о ценности права, о правовом (ценностно-правовом) значении закона (позитивного права) и государства» (Нерсисянц, 2000. С. 6). По мнению С.С. Алексеева, «ценность права, как и ценность иных способов налаживания урегулированности и порядка, по своим главным чертам соответствует значению организованности (урегулированности и порядка), ее роли в обеспечении существования, функционирования и развития общества в соответствии с его объективными потребностями» (Алексеев, 1971. С. 51). Таким образом, понимание ценности права и ценности в праве концептуально связано с центральным вопросом философии права – вопросом о сущности права. В связи с чем понять главную идею философии права того или иного мыслителя означает, по большому счету, определить, как он трактует аксиологические вопросы права. Тот же С.С. Алексеев в более новой работе пишет: «Наиболее общим образом философия права можно охарактеризовать как область знаний о праве в жизни людей, в человеческом бытии, призванную дать мировоззренческое объяснение права, его смысл и предназначение для людей, каждого человека, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей» (Алексеев, 2010. С. 309). Аксиологи-

ческий подход к праву был известен отечественной юриспруденции начала XX века, и в рассматриваемых нами трудах евразийца-правоведа нашел вполне завершенное воплощение.

Ценностный момент присущ философии права Н.Н. Алексеева как в отдельных вопросах, так и в целом. Для начала обратим внимание, что мыслитель само понимание права связывает с ценностью. «Моменты, отличающие право от неправа, лежат не в области разума и не в области истин теоретических, – моменты эти познаются в некоторой особой интуиции, превосходящей силы теоретического разума... Право есть область ценного, а не область истин чистого разума» (Алексеев, 1999. С. 60–61). Обобщенно аксиологическую сторону философии и теории права Н.Н. Алексеева можно свести к следующим аспектам.

1) Эмоционально-психологическую теорию Л.И. Петражицкого Н.Н. Алексеев подвергает критике и наполняет ценностным содержанием некоторые ее сегменты. «Эмоционализм отнюдь не обязывает к признанию права явлением субъективной психологии. Наоборот, изучение эмоциональных актов убеждает, что они являются носителями чисто объективных содержаний. Актам этим свойственна, прежде всего, особая направленность на объект и в этом смысле их можно назвать актами интенциональными. Объектом здесь являются ценности, направляясь на которые эмоциональные акты обнаруживают адекватность их содержания, согласованность с предметом, своеобразную гармонию» (Алексеев, 1999. С. 67). Таким образом, эмоции, переживания есть лишь форма, а подлинной значимостью обладает содержание этих эмоций и переживаний, т. е. ответ на вопрос о том, по поводу чего они происходят. Получается, что таковыми выступают ценности.

Ещё более интересно продолжение рассуждений Н.Н. Алексеева, он показывает уже определенную склонность к духовно-культурологическому подходу, присущему евразийству. Вследствие чего идеи, рожденные мыслителем в первой четверти XX века подготовили его труды периода активного взаимодействия с движением евразийства.

«Так, эмоциональный акт духовной любви не есть простое психическое переживание, подобное аппетиту, голоду, но акт направленности на ценностный предмет, в результате которого устанавливается соответствие с предметом наших настроений и чувств – соответствие, которое в русском языке лучше всего назвать правдой (а не истиной). В этом смысле акт любви сходен с актом теоретического знания, который также устанавливает адекватность с объектом, но особого характера, именуемого истиной» (Алексеев, 1999. С. 67). Можно провести различие между познанием мира, научно-теоретическим, присущим теории права, и ценностным мировосприятием, характерным для философии права. Ценностная философия опирается на акт ценностного переживания, переживания ценностей, что отличает ее от интеллектуального познания.

2) Отдельно Н.Н. Алексеев ставит вопрос «о способах познания ценностей», т. е. о методологии аксиологической философии права. При этом он его формулирует как «разум в праве», т. е. продолжает анализировать соотношение интеллектуального и ценностного восприятия правовых феноменов. «Можно интеллектуально усматривать логические последствия сделанного обещания, достигая тем самым познания некоторых априорных истин, обнаруживающих логическую необходимость вытекающих из обещания последствий. Но можно «всей душой переживать обещанное», как это бывает в случае горячего обета или в случае какой-либо клятвы. Обещание может владеть душой настолько, что вытекающая из него верность слову становится как бы второй природой обещавшего, получает в нем максимальную адекватацию» (Алексеев, 1999. С. 69). Надо сказать, что границу между «нравственным обещанием» и «юридической его формой» Н.Н. Алексеев проводит исходя из «различных степеней глубины переживания ценностей». «Право с этой точки зрения является определенным уровнем восприятия ценностей» (Алексеев, 1999. С. 69). Таким образом выделяется ещё один аргумент в пользу восприятия философии права Н.Н. Алексеева как философии аксиологической.

Мыслитель находит достаточно интерес-

ный понятийный эквивалент методологии правопознания ценностей. (Может быть в связи с этим можно уточнить определение его философии права как разумной, или рациональной аксиологии?.. «Право есть «интеллектуальный» подход к ценностям, а не эмоциональный. Но в то же время право есть область ценного, – и это обстоятельство решительно отграничивает его от области чисто теоретических истин, т. е. от того, что по существу своему не открывается в актах любви и заинтересованности») (Алексеев, 1999. С. 70). «Особенности чисто правового, интеллектуального отношения к ценностям можно выразить через понятие «признания», освободив только его от специального значения, выработанного в юридической практике. Под «признанием» мы разумеем не тот коллективно-психический процесс, в результате которого правовые нормы считаются как бы вышедшими из общей воли общественно-го союза и потому соответствующими общему убеждению и настроению; и не те специальные действия, которые имеют целью объявить какие-либо нормы, факты или события обладающими юридической силой. Под признанием мы разумеем особое отношение к ценностям, сводящееся к установлению интеллектуального общения с ними» (Алексеев, 1999. С. 70–71). Таким образом, «признание», как суть правового отношения к ценностям, есть не просто их эмоциональное восприятие, но ещё и разумное осмысление: признать – значит осознать, уразуметь и принять. В связи с этим термин «рациональная аксиология» не кажется в свете приведенных высказываний так уж несовместимым с его философией права.

Надо сказать, что правовую проблематику сквозь призму признания рассматривает и И.А. Ильин, посвящая этому феномену третью аксиому правосознания. «В основе всякого нормального правоотношения лежит взаимное духовное признание; и потому действительные, повседневные правоотношения стоят на высоте и соответствуют своему назначению лишь постольку, поскольку они наполнены таким признанием, им созданы и им освящены. Поэтому правопорядок должен рассматриваться как система взаимного духовного признания. Такое признание осу-

ществляется не только правом; оно лежит в основании всего духовного общения людей: всякого спора, предполагающего способность к мысли и волю к истине, всякой эстетической совместности, предполагающей суждение вкуса и волю к красоте, всякой нравственной связи, покоящейся на акте совести и на воле к добру, наконец, всякого религиозного общения, возможного только между людьми, способными к молитве и ищущими подлинного боговосприятия. Духовное общение требует, объективно говоря, – двусторонней духовности, а субъективно говоря, – обоюдного духовного признания. Но правовое общение есть именно духовное общение; поэтому оно является разновидностью такого признания. В этом глубочайший смысл всякого правового и политического единения» (Ильин, 2006. С. 446–447). «Невооруженным» глазом видны и сходство и различия в подходах двух русских эмигрантских мыслителей XX века. Сходство в понимании права через призму признания, но Н.Н. Алексеев говорит об интеллектуальном признании, а И.А. Ильин – о признании духовном, т. е. то, что первый относит к сфере нравственности, второй распространяет на сферу права. Возможно, разница в правопонимании, но разговор об этом ещё впереди. Впрочем, в цикле метафизических работ Н.Н. Алексеев рассматривает проблемы духовно-религиозных оснований государственной власти и права, правда, при этом, приходит к несколько иному, нежели И.А. Ильин, выводам (Куликов & Суханова, 2018. С. 22).

3) Аксиологический подход Н.Н. Алексеева прослеживается и в выдержанном в сугубо феноменологическом рассмотрении структуры права. «Наиболее глубоким элементом этой структуры является то, что можно назвать «субъектом» или носителем обнаруживающихся в праве ценностей. Причем, когда мы говорим о субъекте, мы не мыслим, конечно, субъекта права, как о нем учит юридическая теория. Субъект мыслится нами как деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности, – в частности, актов признания. Предположение наличности такого субъекта является неотделимым от самих обнаруживающих ценности актов. Ценности только тогда становятся живыми и реальны-

ми, когда они находят живого носителя. Поэтому каждый реальный правопорядок предполагает того деятеля, который обнаруживает свое безразличие к миру, «обладает» признанием. «Обладать» – означает здесь не обладание природными свойствами (например, иметь цвет), и не обладание психическими качествами (иметь способность), но пребывание в актах признания, «жизнь в деятельности признания», выполнение ее, переживание и созерцание» (Алексеев, 1999. С. 74). Ценность, таким образом, через ее носителя – субъекта права, – выходит на структуру права, выступает ее сквозным элементом. Об этом также свидетельствует и понимание Н.Н. Алексеевым второго элемента структуры права. «Вторым элементом этой структуры являются самые обнаруживающиеся в праве ценности. Наличие какой-либо ценности является безусловным предположением для правовых явлений, т. к. если бы ее не было, не существовало бы также и проявлений заинтересованности и безразличия» (Алексеев, 1999. С. 74). Таким образом, сами ценности выступают неотъемлемым элементом структуры права, и этим ценностям в праве мыслитель посвящает отдельную главу своей работы.

«Наконец, третьим элементом правовой структуры нужно считать те основные определения, которыми характеризуется особое, специфическое, правовое отношение ценностей как между собою, так и к их носителям. Эти определения или предикаты являются неотделимыми от любого правового феномена, и ими как раз и характеризуются явления, поскольку они вообще могут быть правовыми и могут иметь отношение к праву... Мы полагаем, что при значительном множестве таких определений существуют однако два основных предиката всякого правового феномена, – и, именно, понятие «правомочия» и «правообязанности» (Алексеев, 1999. С. 75). Отсюда можно заключить, что феноменологически, по собственному признанию Н.Н. Алексеева, понимаемая структура права, содержит в себе ценностное начало, что дает основание для обозначения еще одного, характеризующего его философию права понятия – «феноменологическая аксиология права». Вопрос о категории «пра-

вообязанность» рассматривается мыслителем в отдельной статье «Обязанность и право» и требует отдельного изучения.

4). Надо сказать, что ценностный подход присущ не только философии права Н.Н. Алексеева, но и его теории права. В частности, сквозь призму ценности он рассматривает понятие нормы права, относя такую норму к особому роду суждениям – суждениям о возможностях. «Подобные суждения, которые можно было бы назвать суждениями о предметах эвентуальных, в свою очередь распадаются на два вида: одни из них, высказывая одну из возможностей, относятся к ней совершенно безразлично, другие же приписывают осуществлению данной возможности некоторое преимущество... Такие эвентуальные суждения, которые содержат в себе безразличное отношение к определяемому предмету, можно назвать суждениями ценности. То, что обычно называют нормами, есть род подобных суждений ценности, в которых ценное, как должное. Идея долженствования и есть один из способов для выражения того, что определенной возможности приписывается особое значение... Таким образом, нормативность и долженствование суть ничто иное как способ выражения ценности» (Алексеев, 1919. С. 45). Отсюда следует, что в понимании Н.Н. Алексеева, норма представляет собой не просто суждение, а суждение ценностного характера, или суждение о ценностях. В норме, таким образом, с точки зрения ее автора (создателя, нормотворца) производится оценка значимых обстоятельств.

5). Не утрачивается, не придается забвению ценностный подход мыслителем и в евразийский период его творчества. Прикладной, отраслевой юридический вариант использования правовой аксиологии Н.Н. Алексеев демонстрирует в работе «Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства». Он, в частности, через понятие ценности и понятие признания (терпения) определяет понятие собственности. «Собственность есть такое отношение между людьми, при котором праву собственности на господство и распоряжение над встречающимися в ограниченности и не принадлежащими к высшим ценностям предметами со-

ответствует универсальная обязанность других людей терпеть власть собственника и не вмешиваться в ее определенные проявления» (Алексеев, 2003. С. 203). Затем он в целой главе развертывает оценку частной собственности, рассматривает как позиции ее противников, так и позиции ее защитников, и делает весьма любопытный вывод в духе евразийского конструктивного синтеза: «Оправдание порядка частной собственности сводится к тому, что при его наличии дается принципиальная возможность воздействовать на собственников со стороны государства, как стоящей над собственностью высшей, нейтральной силы» (Алексеев, 2003. С. 253). Но для чего же необходима такая «внешняя сила» в связи с «абсолютным» и «естественным» правом собственности, каковым его считают первые акты буржуазной эпохи о правах и свободах? Н.Н. Алексеев отвечает на этот вопрос на примере собственности на землю. Его ответ есть не что иное как соизмерение ценностей абстрактного индивида, и социума в составе живущих, предшествующих и будущих поколений. «Наибольшей, пожалуй, специфичностью по сравнению со всеми другими объектами собственности является земля. В отличие от других объектов она – единственна и невосстановима. Землю нельзя вновь произвести, как всякое другое орудие производства, ее в некоторых отношениях можно только поддерживать в известном состоянии, не истощая и не расхищая. Земля есть основной плацдарм, на котором происходит история государства, она есть необходимое естественное условие государственной жизни. Все это вместе не может не поставить законодателя перед необходимостью относиться к проблеме земельной собственности с особой осторожностью, диктуемой чрезвычайно ярко выраженными особенностями земли как объекта права. К земле более всего неприменимы представления о неограниченной власти собственника и о полном невмешательстве в земельную политику государства. Земля есть как раз такой объект, который требует нарочитого государственного вмешательства» (Алексеев, 2003. С. 266). И хотя здесь прямо речь не идет о ценностном измерении объектов права собственности, но

оно подразумевается, и земля среди прочих объектов выделяется именно с точки зрения ее ценности для социума.

Подобный же подход Н.Н. Алексеев демонстрирует при формулировании своей позиции относительно естественного права в работе «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)». Складывается впечатление, что разработка мыслителем проблем философии права логично вела именно к такой трактовке естественного права. И точно также здесь явствует правовая аксиология. Евразиец-правовед выводит основное, неоспоримое право из идеала «государства правды», и выводимого из этого идеала понимания сущности и назначения государства. «Государство осуществляет и представляет интересы целого. Однако оно осуществляет их не в качестве чего-то обособленного от составляющих его социальных групп и индивидуумов и не в качестве одного или одной из них. Смысл государства в том, что оно объединяет и гармонизирует свободную в бессознательно направленную на интересы целого деятельность составляющих его групп и индивидуумов. Очевидно, поэтому, что государство должно определить и охранить некоторую сферу свободной деятельности индивидуума и социальной группы и что без этого оно существовать не может. Такую сферу и можно назвать сферой «основных прав» индивидуума (и группы). «Основные права» обнаруживают, следовательно, свой функциональный смысл и неразрывную связь их с обязанностями по отношению к целому, представляемому государством. Они одинаково необходимы и для государства и для индивидуума, будучи выражением своеобразного строения государства как единого множества. Из утверждения этих и так понимаемых «основных прав» и должно исходить «государство правды» (Алексеев, 2003. С. 316–317). Ну и далее Н.Н. Алексеев раскрывает, в чем же состоит это основное право, что представляет для него высшую ценность. «Но у человека, в сущности говоря, есть только одно неоспоримое право – это **право на внутреннее духовное развитие** (выделение наше – Е.К.). Отрицание этого права уничтожает у человека качество быть чело-

веком и делает нормальное развитие государства невозможным. Свойственное всем великим религиям, и особенно, браманизму, буддизму и христианству, учение о царствии Божием как о царствии внутреннем, духовном, которого человек может и должен достичь внутренним деланием, доставляет непререкаемую основу для учения о человеческих правах, которые обязано защищать праведное государство. Праведное государство призвано создать те условия, при которых человеку дана была бы возможность на полное духовное совершенствование, на достижение этого Божьего царствия. И прежде всего на праведное, христианское государство возлагается чисто отрицательная задача борьбы с нарушениями этого основного права другими людьми. Такие нарушения могут быть прямыми, открытыми, в случаях разного рода злонамеренных посягательств на человеческую жизнь и свободу, но могут быть они и косвенными, проистекающими не из тех или иных намеренных действий, но из стихийного течения событий и отношений, возникающих в пределах общественной жизни человека. И первым условием является обеспечение за человеком **права духовной свободы** (выделение наше – Е.К.) как неперемного условия его внутренней жизни. Поэтому «праведное», истинно христианское государство не может не считать основоположением своей конституции той хартии свободы, которую неправильно считают особенностью западных демократических государств» (Алексеев, 2003. С. 317). Таким образом, Н.Н. Алексеев отдает приоритет духовной сфере человека, сфере ценностного мировосприятия, и «основное» право выделяет через взаимосвязь с этими же ценностями. Точнее, два взаимосвязанных основных права: 1) право на внутреннее духовное развитие; 2) право духовной свободы. Духовная свобода рассматривается как условие реализации права на внутреннее духовное развитие. В этом смысле очень точным следует признать высказывание Р.В. Насырова применительно к формулировке ст. 2 Конституции РФ, по мнению которого «без социальной среды, то есть семьи, коллектива, общества не может возникнуть существо, которое названо «высшей ценностью», поэтому было

бы логично отнести к высшей ценности также и соответствующую социальную среду» (Насыров, 2011. С. 153). Таким образом разворачивается ценностный ряд, ядром которого выступает выделяемое Н.Н. Алексеевым «основное» право. Надо сказать, что это право имеет глубокую этико-религиозную историю, ещё во втором послании апостола Павла к Коринфянам было сказано, что «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (Библия, 2001. С. 1235).

О значимости духовного развития много пишет И.А. Ильин, удачно вписывается в контекст настоящего исследования следующая его мысль, практически открывающая работу «О сущности правосознания», задающая ей весь тон. «Ныне на наших глазах новый мир повторяет путь древнего страдания; новый опыт дает старые выводы. Эти выводы снова научают тому, что самопознание и самообразование человеческого духа должно лежать в основе всей жизни, дабы она не сделалась жертвою хаоса и деградации; они научают тому, что внутреннее разложение индивидуальной души делает невозможным общественное устройство и что разложение общественной организации ведет жизнь народа к позору и отчаянию. И ещё они научают тому, что формальная организованность индивидуальной души и народного хозяйства не обеспечивает жизнь человека от содержательного вырождения и преступных целей» (Ильин, 2003. С. 160). Отсюда следует, что обеспечение права на внутреннее духовное развитие по принципу цепной реакции способно запустить и процесс реализации всех иных прав человека.

Таким образом, аксиология права Н.Н. Алексеева, рассмотренная в совокупности его работ, представляет собой логично завершённую и целостную конструкцию. Начала она имеет в определении предмета философии права, который понимается как ценности, затем ценности определяют правовую структуру – через носителя ценностей, сами ценности и основные определения, эти ценности выражающие, затем идет ценностное понимание правовой нормы, и завершение получает в работах евразийского периода через ценностное понимание правоотношений собственности и через выведение основ-

ного права. Предмет философии права, имеющий аксиологический характер, в конечном счете кристаллизуется в виде основного права – права на внутреннее духовное развитие, и основной свободы – духовной свободы. Надо сказать, что такое выражение аксиологии в евразийских работах вполне логично, к нему ведет через труды по теории права и философии права вся логика развития политико-правовых идей Н.Н. Алексеева, в связи с чем вполне правомерно определять его теорию и философию права как аксиологическую, с использованием феноменологической и структуралистской методологии, а также духовно-культурологического подхода.

Отдельного рассмотрения в рамках настоящего исследования требуют вопрос о соотношении права и нравственности, ответ на который позволит определить как Н.Н. Алексеев обособляет право среди других социальных регуляторов, а также вопрос о праве и обязанности. Последние фундаментальные парные правовые категории, затем прорабатываемые активно в советской и современной юридической науке, в трудах Н.Н. Алексеева, получили трактовку через понятия правомочия и правообязанности, что показывает оригинальность его правовых воззрений, и имеет отсылку ко все той же правовой аксиологии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значительном аксиологическом аспекте (можно даже сказать, главным направлении) философии и теории права Н.Н. Алексеева. Причем, если в его теоретико-правовых работах ценностное измерение права (через определение нормы, например)

просто обозначается, то в философско-правовых работах идея ценности – центральная, на основе которой определяются все элементы структуры права. Важно также отметить глубокое субъективное (антропологическое) начало правовой аксиологии Н.Н. Алексеева: правовые ценности имеют смысл и значение только в привязке к их носителю – человеку как субъекту права. Кроме того, мыслитель демонстрирует ценностный подход к рассмотрению объектов права собственности, и в частности, к такому специфическому объекту, как земля, при оценке которого необходимо исходить из его характеристик и значения для существования и жизни социума более, нежели из абсолютного характера права собственности. Выделяемые Н.Н. Алексеевым основные право человека – право на внутреннее духовное развитие, и связанное с ним право духовной свободы, – представляют собой наивысшую точку в развитии его правовой аксиологии, поскольку речь идет о правах и свободах, обеспечивающих в принципе формирование человека как личности, как высшей ценности в соответствии с формулировкой статьи 2 Конституции РФ.

Исходя из этого можно заключить, что идея ценности имеет для работ Н.Н. Алексеева определяющее значение, прослеживается, несмотря на эволюцию взглядов мыслителя, на всем протяжении его деятельности. В связи с этим его философию права можно определить как аксиологическую, как учение о правовых ценностях. Такая философия права не просто характеризует право как значимый и важный для общества феномен, но определяет, каким должно быть содержание права, чтобы оно могло функционировать в социуме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / References

Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) // Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.
Alekseev N.N. (2003) On the Paths to the Future of Russia (Soviet System and Its Political Possibilities). *Russkii narod i gosudarstvo = Russian people and state*. Moscow: Agraf. (In Russ.)

Алексеев Н.Н. Общее учение о праве: Курс лекций,

прочитанных в Таврическом Университете в 1918/19 году. Симферополь: Типография Е.К. Брешко-Брешковской, 1919.

Alekseev N.N. (1919) General doctrine of law: A course of lectures given at the Taurida University in 1918/19. Simferopol': Tipografiya E.K. Breshko-Breshkovskoi. (In Russ.)

Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во Лань, 1999.

Alekseev N.N. (1999) Foundations of the philosophy of law. St. Petersburg: Lan'. (In Russ.)

Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.

Alekseev N.N. (2003) Property and socialism. Experience in substantiating the socio-economic program of Eurasianism. *Russkii narod i gosudarstvo = Russian people and state*. Agraf. (In Russ.)

Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010.

Alekseev S.S. (2010) Collected Works. In 10 Vol. Volume 6: Ascent to the Right. Moscow: Statut. (In Russ.)

Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юридическая литература, 1971.

Alekseev S.S. (1971) The social value of law in Soviet society. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)

Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010.

Berdyayev N.A. (2010) About the appointment of a person. Moscow: AST: Astrel': Poligrafizdat. (In Russ.)

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 2001.

(2001) Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Moscow: Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo. (In Russ.)

Борщ И.В. Николай Алексеев как философ права. М.: Юрлитинформ, 2015.

Borshch I.V. (2015) Nikolay Alekseev as a philosopher of law. Moscow: Yurлитinform. (In Russ.)

Васильев А.А., Куликов Е.А. Методологические аспекты исследования генезиса категории меры в истории отечественной государственно-правовой мысли // История государства и права. 2013. № 6.

Vasil'ev A.A., Kulikov E.A. (2013) Methodological aspects of the study of the genesis of the category of measure in the history of Russian state-legal thought. *Istoriya gosudarstva i prava = History of state and law*. No. 6. (In Russ.)

Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.

Gegel' G.V.F. (1990) Philosophy of Law. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Информация об авторе

Егор Алексеевич Куликов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, и.о. заведующего кафедрой, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61, Россия, kulikoveg@yandex.ru, [https:// 0000-0002-3777-665x](https://0000-0002-3777-665x)

Данильян О.Г. Философия права. М.: Эксмо, 2006.

Dani'lyan O.G. (2006) Philosophy of Law. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М.: Юрлитинформ, 2013.

Zhukov V.N. (2013) Philosophy and Sociology of Law: Experience of a Pluralistic Approach. Moscow: Yurлитinform. (In Russ.)

Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: Хранитель, 2006.

Il'in I.A. (2006) General doctrine of law and state. Moscow: Khranitel'. (In Russ.)

Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Изд-во Зерцало, 2003.

Il'in I.A. (2003) Theory of law and state. Moscow: Zertsalo. (In Russ.)

Кожевников В.В. Философия права как наука. М.: Юрлитинформ, 2016.

Kozhevnikov V.V. (2016) Filosofiya prava kak nauka. Moscow: Yurлитinform. (In Russ.)

Куликов Е.А., Суханова Е.П. Проблема соотношения светской и духовной власти в работах Н.Н. Алексеева // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 28.

Kulikov E.A., Sukhanova E.P. (2018) The problem of the relationship between secular and spiritual power in the works of N.N. Alekseeva. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk state university journal. Law*. No. 28. (In Russ.)

Насыров Р.В. Человек как самоценность: о формулировке статьи 2 Конституции РФ 1993 г. М.: Юрлитинформ, 2011.

Nasyrov R.V. (2011) Man as an intrinsic value: on the wording of Article 2 of the Constitution of the Russian Federation of 1993. Moscow: Yurлитinform. (In Russ.)

Нерсисянц В.С. Политико-правовые ценности: история и современность. М.: Эдиторал УРСС, 2000.

Nersesyants V.S. (2000) Political and legal values: history and modernity. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2014.

Sinyukov V.N. (2014) Russian legal system. Introduction to general theory. Moscow: Norma. (In Russ.)

Information about the author

Egor A. Kulikov, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department, and about head of the department, Altai State University, 61 Lenin Avenue, Barnaul, 656049, Russia, kulikoveg@yandex.ru, [https:// 0000-0002-3777-665x](https://0000-0002-3777-665x)

Вклад автора

Егор Алексеевич Куликов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13.08.2021; одобрена после рецензирования 27.08.2021; принята к публикации 01.09.2021.

Contribution of the author

Egor A. Kulikov performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the article

The article was submitted 13.08.2021; approved after reviewing 27.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Научная статья
УДК 343.2

Санкции за преступления коррупционной направленности и проблемы их совершенствования

Владимир Германович Татарников¹

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Иркутск, Россия, voldemar55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7349-3075>

Аннотация: В статье анализируются нормы уголовного законодательства об ответственности за преступления коррупционной направленности, поднимается проблема соответствия санкции уголовно-правовой нормы характеру и степени общественной опасности преступления. Характер общественной опасности преступления определяется совокупностью всех обстоятельств, учтенных при описании того или иного состава преступления в нормах Особенной части Уголовного кодекса. Количественным выражением характера общественной опасности является санкция. Справедливость наказания обеспечивается, с одной стороны, законодателем, который дает стандартную оценку характера общественной опасности преступления, с другой, судом при назначении меры наказания в конкретном случае. Поэтому предпосылкой назначения справедливого наказания конкретному лицу за конкретное преступление является установление законодателем санкции, соответствующей характеру и степени общественной опасности деяния. Цель работы: внесение предложений по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за преступления коррупционной и корыстной направленности путем приведения санкций за совершение указанных деяний в соответствие с характером и степенью их общественной опасности. Предлагается отказаться от установления штрафа в качестве основной меры наказания в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, в том числе такие как получение взятки. Предусмотреть в качестве основной меры наказания за их совершение лишение свободы. Также включить в Уголовный кодекс России конфискацию имущества в качестве дополнительной меры наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, прежде всего, коррупционной и корыстной направленности.

Ключевые слова: характер и степень общественной опасности преступления, преступления коррупционной направленности, получение взятки, санкции, лишение свободы, штраф, конфискация имущества, принцип справедливости

Для цитирования: Татарников В.Г. Санкции за преступления коррупционной направленности и проблемы их совершенствования // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 278–286.

JURIDICAL SCIENCES

Original article

Sanctions for corruption-related crimes and problems of their improvement

Vladimir G. Tatarnikov

East Siberian Branch of FSBEI "Russian State University of Justice", Irkutsk, Russia, voldemar55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7349-3075>

Abstract: The article raises the problem of compliance of the sanction of the criminal law norm with the nature and degree of public danger of the crime. The nature of the public danger of a crime is determined by the totality of all the circumstances taken into account when describing a particular corpus delicti in the norms of the Special Part of the Criminal Code. A quantitative expression of the nature of a public danger is a sanction. The fairness of punishment is ensured, on the one hand, by the legislator, who gives a standard assessment of the nature of the public danger of the crime, on the other hand, by the court, assigning the measure of punishment in a particular case. The purpose of the work: to make proposals for improving the criminal legislation on responsibility for crimes of corruption and self-interest by bringing sanctions for the Commission of these acts in accordance with the nature and degree of their public danger. The author compares the sanctions for crimes of corruption and self-interest in the modern criminal legislation of the

¹ © Татарников В. Г., 2021

criminal legislation of the Soviet period. It is proposed to abandon the establishment of a fine as the main penalty in sanctions for the most dangerous crimes of a corrupt nature, including such as taking a bribe, and to provide for imprisonment as the main penalty for their Commission. It is also proposed to include in the criminal code of Russia the confiscation of property as an additional measure of punishment for serious and especially serious crimes, primarily corruption and self-interest.

Keywords: The nature and degree of public danger of the crime, crimes of corruption, receiving a bribe, sanctions, imprisonment, fine, confiscation of property, the principle of justice

For citation: Tatarnikov V.G. (2021) Sanctions for corruption-related crimes and problems of their improvemen. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 278–286. (In Russ.)

Введение

Важнейшим свойством преступления, определяющим размер ответственности за его совершение, является характер и степень общественной опасности деяния, запрещенного уголовным законом. Статья 6 УК РФ устанавливает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Формулируя общие начала назначения наказания ч. 3 ст. 60 УК РФ требует при назначении наказания учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного. Аналогичное положение содержалось и в ст. 37 УК РСФСР 1960 г., также посвященной общим началам назначения наказания. Ни современное, ни ранее действовавшее уголовное законодательство не раскрывало содержание таких критериев оценки общественной опасности преступления как ее характер и степень.

Методы

Предметом исследования является законодательство Российской Федерации об ответственности за преступления коррупционной направленности. Исторический метод исследования и метод сравнительного правоведения позволяют сделать выводы о тенденциях развития российского законодательства об ответственности за рассматриваемые преступления. Для решения поставленных задач по совершенствованию действующего законодательства и оценки масштаба проблемы используются статистические данные, отражающие судебную практику по делам о преступлениях данной категории. При анализе собранных материалов, статистиче-

ских данных, результатов ранее проведенных научных исследований и т. д., с использованием формально-юридического и социально-правового методов, сделаны выводы и внесены предложения, направленные на совершенствование действующего законодательства и практики его применения.

Результаты

В результате исследований ранее действовавшего и современного российского законодательства, практики применения, предложений, направленных на его совершенствование, научных трудов по избранной проблематике, высказаны следующие предложения. Во-первых, в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве основного наказания должно предусматриваться только наказание в виде лишения свободы. Во-вторых, следует отказаться от установления в санкциях за такие преступления штрафа в качестве основной меры наказания. Применительно к преступлениям коррупционной направленности, не относящимся к тяжким или особо тяжким, штраф может использоваться в качестве дополнительной меры наказания к основному наказанию (лишение свободы, принудительные, исправительные работы). В-третьих, альтернативные санкции за преступления коррупционной направленности, не относящиеся к тяжким или особо тяжким, должны предусматривать наказания, близкие по характеру правоограничений, например, лишение свободы и принудительные работы. Недопустимо установление за тяжкие и тем более за особо тяжкие преступления штрафа в качестве альтернативы мерам, связанным с изоляцией от общества. В-четвертых, за преступления коррупционной направленности, относящиеся к тяжким или особо тяжким,

в качестве дополнительной меры наказания должна предусматриваться конфискация имущества. В этой связи она должна быть восстановлена в качестве дополнительной меры наказания в Общей части УК РФ и предусмотрена в санкциях норм Особенной части за тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной и коррупционной направленности. При этом в санкциях за особо тяжкие преступления она должна предусматриваться в качестве дополнительной обязательной меры наказания.

Обсуждение

Пленум Верховного Суда разъяснил, что характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред².

Можно сказать, что характер общественной опасности преступления определяется совокупностью всех обстоятельств, учтенных при описании того или иного состава преступления в нормах Особенной части Уголовного кодекса. Поэтому каждое преступление, описанное в нормах Особенной части, обладает своим неповторимым характером общественной опасности. Количественным выражением характера общественной опасности является санкция (Татарников, 2007. С. 76). Поэтому предпосылкой назначения справедливого наказания конкретному лицу за конкретное преступление является установление законодателем санкции, соответствующей характеру и степени общественной опасности деяния.

Однако законодатель устанавливает, так сказать, стандартную меру наказания, которая применительно к конкретному лицу, ви-

новному в конкретном преступлении, должна быть индивидуализирована. Поэтому ст. 60 УК РФ требует, чтобы суд учитывал еще и степень общественной опасности преступления. Пленум Верховного Суда РФ в названном постановлении разъяснил, что степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный), либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления³.

Таким образом, справедливость наказания обеспечивается, с одной стороны, законодателем, который дает, так сказать, стандартную оценку характера общественной опасности преступления, устанавливая пределы санкции за его совершение, с другой стороны, судом, который при назначении наказания конкретному лицу, учитывает как оценку общественной опасности преступления, данную законодателем, так и степень общественной опасности содеянного, а также иные обстоятельства дела, в том числе личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства и т. д.

Характер и степень общественной опасности преступления тесно взаимосвязаны. Устанавливая пределы санкции как некий стандарт, законодатель должен учесть возможные колебания степени общественной опасности конкретных преступлений с тем, чтобы наказание соответствовало не только характеру общественной опасности, но и всем обстоятельствам дела. Поэтому санкции в нормах Особенной части УК РФ традиционно конструируются как относительно-

² П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

³ См. там же

определенные или альтернативные.

Ошибка законодателя в оценке характера общественной опасности препятствует суду должным образом реализовать принцип индивидуализации наказания. Как показывает практика, законодатель не всегда оценивает характер общественной опасности преступления адекватно его реальной тяжести, что отрицательно влияет на судебную практику и не способствует достижению предусмотренных ст. 43 УК РФ целей наказания, к которым относятся: восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Обращает также на себя внимание, что установившаяся практика внесения законодателем многочисленных и не всегда обоснованных изменений в уголовное законодательство в части, касающейся санкций, нередко приводит к искажению в оценке общественной опасности преступления и к несогласованности санкций в нормах Особенной части УК РФ. Такие негативные моменты наглядно видны при анализе изменений, которым подверглись в период действия УК РФ 1996 г. нормы о преступлениях коррупционной направленности.

В российском уголовном законодательстве советского периода (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.) по отношению к должностным преступлениям коррупционной направленности традиционно отражались следующие тенденции. Во-первых, основной мерой наказания за наиболее опасные коррупционные преступления (получение взятки, дача взятки) устанавливалось лишение свободы. Во-вторых, в качестве дополнительной меры наказания за совершение указанных преступлений предусматривалась конфискация имущества. В-третьих, за совершение других преступлений коррупционного характера без отягчающих обстоятельств (злоупотребление властью, превышение власти) в качестве альтернативы лишению свободы допускалось применение мер наказания без изоляции от общества, но связанных с исправительно-трудовым воздействием (принудительные, исправительные работы). В целом же альтернативные санкции за преступления коррупционной направленности строились так:

на первом месте находилось лишение свободы, а в качестве альтернативы указывалось наказание, не связанное с изоляцией от общества. В-четвертых, при наличии квалифицирующих признаков в санкциях за должностные преступления в качестве основной меры наказания предусматривалось только лишение свободы.

Указанные тенденции в целом сохранились и в первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, принятого в 1996 г.⁴ Так за получение взятки при отягчающих обстоятельствах (ч.ч. 2,3,4 ст. 290 УК РФ в редакции 1996 г.) в качестве основной меры наказания предусматривалось только лишение свободы. За совершение данного преступления неоднократно, с вымогательством взятки, также за получение взятки в крупном размере (ч. 4 ст. 290 УК РФ в той же редакции) предусматривалась дополнительная мера наказания – конфискация имущества. И лишь за получение взятки без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 290 УК РФ) была установлена альтернативная санкция, которая допускала применение штрафа, либо лишения свободы. При этом деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 290 УК РФ, были отнесены к преступлениям средней тяжести, ч. 2 и 3 ст. 290 УК РФ – к тяжким, а ч. 4 ст. 290 УК РФ – к особо тяжким. Такой подход выглядел в целом логично.

Однако в дальнейшем, вследствие неоднократных изменений, внесенных в уголовное законодательство, нормы об ответственности за указанное преступление претерпели существенные и далеко не всегда обоснованные изменения. Так Федеральным законом от 08.12.2003. № 162-ФЗ из Общей части УК РФ и, соответственно, из норм Особенной части, была исключена конфискация имущества⁵.

В последующем произошли еще менее логичные изменения в санкциях за получение взятки. Так Федеральный закон от 04.05.2011. № 97-ФЗ предусмотрел штраф в качестве основной меры наказания за все

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

⁵ Собрание законодательства РФ", 15.12.2003, N 50, ст. 4848.

виды взяточничества, в том числе относящиеся к тяжким и даже особо тяжким преступлениям⁶. При этом штраф находится на первом месте в санкциях даже за наиболее опасные коррупционные преступления, например, такие как получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления (ч. 3 ст. 290 УК РФ), получение взятки организованной группой (п. "а" ч. 5 ст. 290 УК РФ), в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ) и т. д. Надо признать, что такая позиция законодателя иногда встречает поддержку и в юридической литературе. При этом даже предлагается расширить применение системы штрафов за должностные преступления (Чупрова, 2013. С. 369).

На наш взгляд, подобный подход по существу стирает границу между тяжкими и особо тяжкими преступлениями и деяниями, относящимися к категории преступлений средней или небольшой тяжести, поскольку в равной степени допускает применение за их совершение самой мягкой меры наказания, из всех возможных. Например, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019 г. из 1247 лиц, осужденных за получение взятки, к штрафу были приговорены 304 человека или 24 %. И даже из 696 лиц, осужденных за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч.ч. 2,5-6 ст. 290 УК РФ, каждый пятый (21 %) был приговорен к штрафу в качестве основной меры наказания. Значительному числу осужденных по ст. 290 УК РФ (30 %) было назначено лишение свободы условно и лишь 43 % виновных осуждены к реальным срокам лишения свободы⁷.

Такая трансформация санкций в совре-

⁶ Федеральный закон от 04.05.2011 N 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» //Собрание законодательства РФ, 09.05.2011, N 19, ст. 2714.

⁷ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения 15.01.2021).

менной редакции Уголовного кодекса России 1996 г. и практика их применения не учитывает повышенную общественную опасность преступлений коррупционной направленности и не отвечает целям борьбы с ними. Установление штрафа в качестве основной меры наказания за коррупционные преступления, тем более такие как получение взятки, по существу, представляет законодательно закрепленную возможность для коррупционера «откупиться» от реальной меры наказания, связанной с лишением или ограничением его личной свободы. Применительно к преступлениям коррупционной направленности применение штрафа уместно лишь за преступления, не относящиеся к тяжким или особо тяжким в качестве дополнительной меры к основному наказанию, связанному с лишением или ограничением личных прав осужденного (исправительные работы, принудительные работы и т. д.).

Подход же современного законодателя выглядит особенно нелогичным, поскольку за многие другие корыстные преступления, ненасильственного характера, относящиеся к категории тяжких и тем более особо тяжких, законодатель в качестве основной меры наказания безальтернативно устанавливает лишение свободы. Это, например, мошенничество, совершенное организованной группой, либо в особо крупном размере, или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ), мошенничество с использованием электронных средств платежа, совершенное организованной группой, либо в особо крупном размере (ч. 3 ст. 159.3 УК РФ) и др.

При таком подходе должностное лицо, получившее путем обмана денежные средства в особо крупном размере от потенциального взяточника за совершение в его интересах каких-либо действий, которые он якобы мог бы совершить в интересах дающего, но в действительности не собиравшееся их совершать, несет ответственность за мошенничество в особо крупном размере по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, если должностное лицо путем обмана или злоупотребления доверием получило ценности за совершение в интересах дающего или иных лиц действий

(бездействие) либо за содействие таким действиям, которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения⁸.

При этом санкция ч. 4 ст. 159 УК РФ в качестве основной меры наказания предусматривает только лишение свободы. В тоже время, если указанные денежные средства получены должностным лицом за реальное выполнение в интересах тех или иных действий по службе, виновный несет ответственность за получение взятки в особо крупном размере по ч. 6 ст. 290 УК РФ. При этом в качестве основной меры наказания за указанное преступление предусмотрены штраф либо лишение свободы. Очевидно, что реальное выполнение должностным лицом действий в интересах взяткодателя обладает совершенно другим, более высоким характером общественной опасности, поскольку качественно отличается от мошенничества, которое посягает на право собственности в отличие от взяточничества, направленного против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Также непонятно почему за присвоение или растрату имущества, совершенное организованной группой, либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ) в качестве основной меры наказания установлен только один вид наказания (лишение свободы на срок до десяти лет), а за получение взятки в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ) и другие опасные формы взяточничества, например, совершенные лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления (ч. 4 ст. 290 УК РФ), группой лиц по предварительному сговору или организованной груп-

пой и т. д. (ч. 5 ст. 290 УК РФ), в качестве основной меры наказания предусмотрен штраф. Очевидно, что применительно к лицам, совершающим из корыстных побуждений особо опасные посягательства, направленные против интересов государственной власти, государственной службы, службы в органах местного самоуправления, установление в качестве основной меры наказания штрафа не отвечает ни принципу справедливости, ни целям профилактики преступлений такого рода. Не следует забывать, что если мошенничество посягает только на право собственности, то коррупция несет в себе опасность для всех сфер общественной жизни населения – экономической, политической и социальной (Мухамодеева, 2021. С. 109, 15, С. 261–262).

Поэтому будет логично убрать из санкций антикоррупционных уголовно-правовых норм мягкие виды наказания и ужесточить нижний предел санкций за коррупционные преступления (Фролов, Лясович, 2014. С. 139). В юридической литературе справедливо отмечается, что существующие «экономические» виды наказаний блокируют мотивированность на совершение общеуголовных преступлений, но они неадекватны применительно к коррупционным преступлениям (Сурихин, Бабурин, 2018.). Следует согласиться, что в настоящее время у правоохранительной системы отсутствуют эффективные механизмы борьбы со взяточничеством, особенно осуществляемыми в крупном размере (Безручко, Осадчая, 2019. С. 73–74).

В целом же, как справедливо отмечается в юридической литературе, либерализация наказания за коррупционные преступления ошибочна и не принесла желаемого результата (Мазуров, 2016. С. 314).

Необходимо признать, что применение к коррупционерам мер, не соответствующих повышенной общественной опасности преступлений данной категории, порождает у граждан обоснованные сомнения в желании и способности государства справиться с этим негативным явлением. По данным проведенных опросов каждый третий россиянин убежден, что руководство страны может, но не хочет бороться с коррупцией. Примерно столько же опрошенных заявили о том, что

⁸ П. 24 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2013. № 9. сентябрь.

власти хотят, но не могут решить эту проблему (Сухаренко, 2019. С. 72).

В юридической литературе неоднократно подвергалась критике позиция российского законодателя по исключению конфискации имущества из перечня наказаний (Татарников, 2014. С. 289; Побегайло, 2004. С. 133; Кузнецова, 2020. С. 396–400). Поскольку рассмотрение этого вопроса находится за рамками данной работы отметим, что возвращение конфискации имущества в перечень наказаний, предусмотренных в Общей части УК РФ и включение ее в качестве дополнительной меры наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления коррупционной и корыстной направленности, является необходимым условием обеспечения принципа справедливости при назначении наказания за преступления рассматриваемой категории. Заслуживают также внимания и другие предложения, направленные на совершенствование мер уголовной ответственности за преступления коррупционного характера. Предлагается, например, исключить возможность назначения условного срока для лиц, обвиняемых в совершении коррупционного преступлений (Петрова, 2016. С. 83).

Выводы

Необходимо, по нашему мнению, выделить следующие направления совершенствования санкций за преступления коррупционной направленности.

Во-первых, в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве основного наказания должно предусматриваться наказание в виде лишения свободы.

Во-вторых, следует отказаться от уста-

новления в санкциях за такие преступления штрафа в качестве основной меры наказания. Применительно к преступлениям коррупционной направленности, не относящимся к тяжким или особо тяжким, штраф может использоваться в качестве дополнительной меры наказания к основному (лишение свободы, принудительные работы, исправительные работы).

В-третьих, альтернативные санкции за преступления коррупционной направленности должны предусматривать наказания, близкие по характеру правоограничений, например, лишение свободы и принудительные работы. Недопустимо установление за тяжкие и тем более за особо тяжкие преступления штрафа в качестве альтернативы мерам, связанным с изоляцией от общества.

В-четвертых, за преступления коррупционной направленности, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве дополнительной меры наказания должна предусматриваться конфискация имущества. В этой связи конфискация имущества должна быть восстановлена в качестве дополнительной меры наказания в Общей части УК РФ и предусмотрена в санкциях норм Особенной части за тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной и коррупционной направленности. При этом в санкциях за особо тяжкие преступления она должна предусматриваться в качестве дополнительной обязательной меры наказания.

Разумеется, борьба с коррупцией не исчерпывается мерами ответственности, она является одним из наиболее актуальных направлений деятельности как международного сообщества, так и всех институтов российского государства и гражданского общества (Карпычев, 2016. С. 43–45).

Список источников / References

Безручко Е.В., Осадчая Н.Г. Актуальные уголовно-правовые проблемы борьбы со взяточничеством // Юрист-Правоведъ. 2019. № 1 (88). С. 73–78.
Bezruchko E.V., Osadchaya N.G. (2019) Actual criminal law problems of bribery. *Yurist-Pravoved = Lawyer-lawyer*. No. 1 (88). P. 73-78. (In Russ.)

Босхолов С.С. Актуальные проблемы уголовной политики в сфере противодействия коррупции // Пролог. Журнал о праве. Изд-ство Иркутский институт (фили-

ал) Минюста РФ. 2013. № 1. С. 42.
Boskholov S.S. (2013) Actual problems of criminal policy in the field of anti-corruption. *Prolog. Zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*. Irkutskii institut (filial) Minyusta RF. No.1. P. 42. (In Russ.)

Карпычев М.В. Имущественные санкции за коррупцию // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 8 (8). С. 43–45.
Karpychev M.V. (2016) Property sanctions for corruption.

Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii = Herald of the Nizhny Novgorod academy of law. No. 8 (8). P. 43-45. (In Russ.)

Кузнецова И.С. Роль конфискации имущества в борьбе с коррупцией // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года): сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция. Кострома. 2020. С. 396–400.

Kuznetsova I.S. (2020) The role of confiscation of property in the fight against corruption. *Suverennoe gosudarstvo i ego pravo: aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki i pravoprimeritel'noi praktiki v sovremennoi Rossii» (k 370-letiyu so vremeni prinyatiya Sobornogo Ulozheniya (1649 goda): sbornik trudov XVI Vserossiiskikh dekabr'skikh yuridicheskikh chtenii v Kostrome. Vserossiiskaya nauchno- prakticheskaya konferentsiya = Sovereign state and its right: Actual problems of legal science and law enforcement practice in modern Russia "(by the 370th anniversary of the adoption of cathedral deposits (1649). Collection of works of the XVI All-Russian December legal readings in Kostroma.* Kostroma. P. 396-400. (In Russ.)

Мазуров В.А. Уголовно-правовые меры противодействия коррупции в современной России // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе: материалы международной научно-практической конференции (конференция посвящена 15-летию Алтайского филиала РАНХиГС). Алтайский филиал РАНХиГС. 2016. С. 312–315.

Mazurov V.A. (2016) Criminal and legal measures to combat corruption in modern Russia. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v Rossii na sovremennom etape: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (konferentsiya posvyashchena 15-letiyu Altaiskogo filiala RANKhiGS) = Actual issues of improving the state and municipal management system in Russia at the present stage. Materials of the International Scientific and Practical Conference (the conference is dedicated to the 15th anniversary of the Altai Branch of Ranjgis).* Altaiskii filial RANKhiGS. P. 312-315. (In Russ.)

Петрова Е.С. Справедливость и соразмерность уголовных наказаний за коррупционные преступления на примере взяточничества // Правовые и гуманитарные исследования: сборник научных статей студентов и аспирантов. Санкт-Петербург, 2016. С. 81–85.

Petrova E.S. (2016) Justice and proportionality of criminal penalties for coofer crimes on the example of bribery. *Pravovye i gumanitarnye issledovaniya: sbornik nauchnykh statei studentov i aspirantov = Legal and humanitarian research: a collection of scientific articles of students and graduate students.* Sankt-Peterburg. P. 81-85. (In Russ.)

Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уго-

ловной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 133.

Pobegailo E.F. (2004) Crisis of modern Russian criminal policy. *Ugolovnoe pravo = Criminal law.* No. 4. P. 133. (In Russ.)

Сурихин П.Л., Бабурин В.В. Коррупционные преступления – уголовно-правовые санкции: недостаточная системность нормы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 504–510.
Surikhin P.L., Baburin V.V. (2018) Corruption crimes – criminal law sanctions: *insufficient system of norm. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of Mia of Russia.* No. 4 (34). P. 504-510. (In Russ.)

Сухаренко А.Н. Современные криминальные угрозы экономической безопасности России: масштабы и меры нейтрализации // Диалог: политика, право, экономика. 2019. № 2 (13). С. 63–80.

Sukhareno A.N. (2019) Modern criminal threats to the economic security of Russia: the scale and neutralization measures. *Dialog: politika, pravo, ekonomika = Dialogue: Politics, Law, Economics.* No. 2 (13). P. 63-80. (In Russ.)

Татарников В.Г., Босхолов С.С. О конфискации имущества как мере уголовного наказания // Вестник ИрГТУ. 2014. № 5. С. 289.

Tatarnikov V.G., Boskholov S.S. (2014) About confiscation of property as a criminal punishment. *Vestnik IrGTU = Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta.* No. 5. P. 289. (In Russ.)

Татарников В.Г. Уголовно-правовая охрана личности. Иркутск, 2007. С. 76.

Tatarnikov V.G. (2007) Criminal law. Irkutsk. P. 76. (In Russ.)

Фролов В.В., Лясович Т.Г. Проблемы противодействия коррупции в современной России // Альманах современной науки и образования. 2014. № 5–6 (84). С. 137–141.

Frolov V.V., Lyasovich T.G. (2014) Problems of combating corruption in modern Russia. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = Almanac of modern science and education.* No. 5-6 (84). P. 137-141. (In Russ.)

Чупрова А.Ю. Совершенствование санкций норм об ответственности за коррупцию в уголовном праве: аргументы «против» // Юридическая техника. 2013. № 7–1. С. 368–371.

Chuprova A.Yu. (2013) Improving the sanctions of the norms on liability for corruption in criminal law: arguments "against". *Yuridicheskaya tekhnika =* No. 7-1. P. 368-371. (In Russ.)

Мухамодеева Г.З. Коррупция как угроза национальной безопасности современной России // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития территорий: сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов,

молодых ученых. Севастополь, 2021. С. 108–109.
Mukhamodeeva G.Z. (2021) Corruption as a threat to the national security of modern Russia. *Effektivnoe gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii: sbornik nauchnykh statei II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov, molodykh uchenykh = Effective state and municipal governance as a factor in the socio-economic development of territories. Collection of scientific articles of the II All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students, young scientists*. P. 108-109. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир Германович Татарников, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23А, Россия, voldemar55@mail.ru

Вклад автора

Владимир Германович Татарников выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11.08.2021; одобрена после рецензирования 28.08.2021; принята к публикации 01.09.2021.

Чекмарев Вл.В., Чекмарев В.В. Коррупция как внутренняя угроза экономической безопасности государства // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 1. № 8. С. 258–263.

Chekmarev V.V., Chekmarev V.V. (2019) Corruption as an internal threat to the economic security of the state. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve = Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*. Vol. 1. No. 8. P. 258-263. (In Russ.)

Information about the author

Vladimir G. Tatarnikov Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Professor of Criminal Law Department, East Siberian Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice», 23A Ivan Franko Street, Irkutsk, 664074, Russia, voldemar55@mail.ru

Contribution of the author

Vladimir G. Tatarnikov performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the article

The article was submitted 11.08.2021; approved after reviewing 28.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Научная статья
УДК 347.51

Теоретико-правовые аспекты гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности

Роман Сергеевич Тихий^{1✉}, Елена Эдемовна Черемушкина²

^{1,2} Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,

¹ roman_tihiy@bk.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4077-6458>

² arkowen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4606-9148>

Аннотация: Статья посвящена анализу теоретических положений и нормативных правовых актов по вопросам понятий «гражданско-правовая ответственность», «гражданское правонарушение» как основания гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательства. В работе использованы следующие методы: диалектический, системный, аналитический, а также сравнительно-правового анализа. Вопросы применения мер гражданско-правовой ответственности являются сложными, поскольку в действующем законодательстве Российской Федерации не закреплено понятие «ответственности» и не обозначены её признаки. Четко не определяются субъекты и элементы состава гражданского правонарушения. Кроме того, действующее законодательство не содержит понятия «гражданского правонарушения». Наличие данных пробелов и обуславливает возникновение теоретических вопросов, связанных с применением мер гражданско-правовой ответственности, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. На основе анализа научной теории и положений законодательства разработаны подходы к понятиям гражданско-правовой ответственности, гражданского правонарушения. Научная новизна исследования заключается в том, что авторами впервые на уровне комплексного теоретического анализа рассмотрены теоретико-правовые аспекты гражданско-правовой ответственности, обозначены проблемы и разработаны подходы для их решения. Результаты могут быть использованы в качестве теоретических положений гражданского и предпринимательского права, а также в законодательной практике.

Ключевые слова: юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, гражданское правонарушение, состав гражданского правонарушения

Для цитирования: Тихий Р.С., Черемушкина Е.Э. Теоретико-правовые аспекты гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 287–295.

JURIDICAL SCIENCES

Original article

Theoretical and legal aspects of civil liability in the field of business activity

Roman S. Tikhyy^{1✉}, Elena E. Cheremushkina²

^{1,2} Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia,

¹ roman_tihyy@bk.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4077-6458>

² arkowen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4606-9148>

Abstract: The article is devoted to the analysis of theoretical provisions and regulatory legal acts on the concepts of "civil liability", "civil offense" as the basis for civil liability in the field of entrepreneurship. The following methods were used in the work: dialectical, systemic, analytical, and comparative legal analysis. The issues of applying measures of civil liability are complex, since the current legislation of the Russian Federation does not enshrine the concept of "responsibility" and does not indicate its signs. The subjects and elements of the composition of the civil offense are not clearly defined. In addition, the current legislation does not contain the concept of "civil offense". The presence of these gaps gives rise to theoretical issues related to the application of civil liability measures, including in the field of entrepreneurial activity. Based on the analysis of scientific theory and legislative provisions, approaches to the concepts of civil liability, civil offense have been developed. The scientific novelty of the research lies in the fact that the authors for the

¹ © Тихий Р. С., Черемушкина Е. Э., 2021

first time at the level of a comprehensive theoretical analysis considered the theoretical and legal aspects of civil liability, identified problems and developed approaches to their solution. The results can be used as theoretical provisions of civil and business law, as well as in legislative practice.

Keywords: legal responsibility, civil liability, civil offense, the composition of a civil offense

For citation: Tikhly R.S., Cheremushkina E.E. (2021) Theoretical and legal aspects of civil liability in the field of business activity. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 287–295. (In Russ.)

Введение

На современном этапе развития отечественной правовой теории гражданского права вопрос о понятии гражданско-правовой ответственности различных субъектов гражданско-правовых отношений становится актуальным и дискуссионным. Это связано с тем, что гражданско-правовая ответственность, как вид юридической ответственности, является комплексным правовым институтом, охватывающим различные сферы и отрасли правового регулирования мер ответственности. С их помощью обеспечивается защита личных и имущественных интересов различных субъектов гражданского права, как участников правовых отношений. Не менее ценным для российской юридической науки является комплексное исследование мер гражданско-правовой ответственности, применяемых к юридическим и физическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Субъектами являются индивидуальные предприниматели, юридические лица различных форм собственности как коммерческие, так и некоммерческие, (деятельность которых связана с извлечением прибыли), а также публично-правовые образования участников хозяйственно-правовых отношений. В рамках данной статьи проводится анализ положений научной теории и законодательства по вопросам гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности. При применении мер гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности возникают различные проблемы, связанные с установлением вины и наличием последствий гражданского правового деликта, а также причинно-следственной связи между гражданско-правовым деликтом и наступившими последствиями от причинения вреда интересам различных субъектов предпринимательской деятельности. Данные теоретические проблемы имеют не менее важное значение для отраслевой

научной теории гражданского и предпринимательского права. Вышесказанное и обуславливает актуальность заявленной темы нашей научной статьи.

Методы

В качестве методов исследования применялись следующие: диалектический, системный, аналитический, а также метод сравнительно-правового анализа.

Результаты

В современных условиях развития имущественных и личных неимущественных отношений гражданско-правовая ответственность выступает основным инструментом защиты гражданских прав как физических, так и юридических лиц. Меры данной защиты необходимы для обеспечения личных и имущественных интересов субъектов гражданского права, которые могут являться участниками предпринимательской деятельности. Здесь гражданско-правовая ответственность позволяет достичь применения различных мер гражданско-правовых санкций при допущении нарушения установленных норм гражданского права в процессе осуществления предпринимательства. Гражданско-правовая ответственность для субъектов предпринимательской деятельности служит самостоятельным видом юридической ответственности и поэтому относится к правовым институтам смежных отраслей гражданского и предпринимательского права. В связи с чем рассмотрим теоретико-правовые аспекты гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности, субъектами которой являются юридические и физические лица без образования юридического лица, выступающие как индивидуальные предприниматели.

В российской научной литературе по вопросам понятия гражданско-правовой ответственности имеются разные точки зрения. Поэтому изучение следует проводить с поня-

тия «ответственности» как вида юридической ответственности, имеющей социальный и экономический характер. Так, например, известный советский теоретик права С.С. Алексеев рассматривал юридическую ответственность в социальном аспекте как неуклонное, строгое, предельно инициативное осуществление всех своих обязанностей (Алексеев, 1972. С. 371). Другие ученые, например, С.Н. Братусь приводит определение юридической ответственности как «исполнение обязанности на основе государственного и приравненного к нему общественного принуждения» (Братусь, 1978. С. 371). Данная позиция связывает понятие «ответственности» с возможностью субъекта претерпевать меры принуждения в случае нарушения нормы права. В этом и раскрывается социальный характер юридической ответственности, направленной на субъекта, допустившего нарушение.

Не менее ценным является проведение исследования научной теории по вопросам понятия «гражданско-правовой ответственности», которое было разработано в советской и современной научной литературе. При этом единых подходов к данному понятию в литературе нет. Приведем примеры некоторых из них. Так, по мнению Братусь, «гражданско-правовая ответственность» – это мера государственного или общественного принуждения, включающая понуждение должника исполнить свои обязанности (Братусь, 1976. С. 82).

Современные цивилисты теории гражданского права приводят и свои точки зрения по вопросам гражданско-правовой ответственности. Например, Е.А. Суханов рассматривает понятие «гражданско-правовая ответственность – как одну из форм государственного принуждения, которая выражается во взыскании с нарушителя в пользу потерпевшего санкций имущественного характера, невыгодных имущественных последствий его поведения, направленной на восстановление имущественной сферы потерпевшего» (Суханов, 2008. С. 531).

Другие исследователи, например, А.А. Бабаев приводит определение гражданско-правовой ответственности – «последствия нарушения субъективных гражданских прав,

имеющего основания и условия наступления ответственности» (Бабаев, 2008. С. 865). По мнению ученого В.В. Гарамита, «гражданско-правовая ответственность – форма частно-правовой ответственности, которая наступает на основе норм гражданского законодательства в отношении лица, виновного (за исключением отдельных случаев) в нарушении имущественных и личных неимущественных прав субъекта гражданско-правовых отношений, и выражается в возмещении причиненного ущерба» (Гарамит, 2008. С. 10). Другой российский исследователь, В.А. Хохлов, рассматривает гражданско-правовую ответственность как «урегулированное нормами права (в том числе из договора) особое правовое состояние, возникающее в результате нарушения прав участников гражданских правоотношений и характеризующееся юридической возможностью обеспечить восстановление этих прав с помощью специальных санкций – мер ответственности» (Хохлов, 1998. С. 53).

На наш взгляд, гражданская правовая ответственность – это мера воздействия в форме государственного принуждения, состоящая в применении санкций имущественного и материального характера к лицам, совершившим гражданское правонарушение. К данным мерам могут относиться меры имущественного характера, возмещение вреда или взыскание убытков. Гражданская правовая ответственность в сфере предпринимательства – вид юридической ответственности, система мер государственного принуждения, применяемых к правонарушителю при неисполнении или ненадлежащем исполнении ими гражданских прав и обязанностей, повлекших последствия, связанные с реализацией имущественных санкций, в целях восстановления нарушенных прав, либо положения, существовавшего до нарушения права.

В современной интерпретации гражданско-правовая ответственность становится инструментом защиты прав и интересов субъектов частного и публичного права, поскольку посредством мер ее применения обеспечивается воздействие на личные неимущественные и имущественные правоотношения в сфере предпринимательской деятельности. Меры гражданско-правовой от-

ветственности широко применяются в договорной практике субъектов предпринимательства при неисполнении и ненадлежащем исполнении договоров, а также затрагивают вопросы права собственности. В результате причинения вреда личным неимущественным правам, а также имущественным правам и интересам происходит восстановление нарушенного права путем применения способов обеспечения исполнения обязательств (неустойки, пени, штрафов или денежной компенсации). В гражданском праве недопустимо воздействие на личность правонарушителя (лишение свободы, задержание и т. п.). Меры ответственности в гражданском праве всегда затрагивают имущественную сферу правонарушителя. Их применение предполагает возложение дополнительного имущественного обременения (обязанности), либо лишение имущественного права. Как и любая правовая ответственность, она обеспечивается принуждением. Но если чаще всего ответственность немыслима без принуждения, то в гражданском праве в одних случаях к правонарушителю применяются меры принуждения (например, по решению суда взыскивается неустойка), а в других существует лишь угроза применения таких мер. Правонарушитель может и добровольно возложить на себя какие-либо лишения (например, возместить убытки, причиненные нарушением обязательства).

Гражданское право основывается на необходимости обеспечения восстановления нарушенных прав. Меры ответственности направлены на возмещение затрат (потерь) потерпевшего. Таким образом, меры ответственности в гражданском праве характеризуются компенсационной (восстановительной) функцией. Но не во всех случаях происходит именно компенсация – восстановление положения, существовавшего до правонарушения, бывает ограниченная ответственность (об этом далее). А также применяется штрафная функция для обеспечения предупреждения правонарушений. Ответственность в гражданском праве – это ответственность участников правоотношения друг перед другом (должника перед кредитором, причинителя вреда перед потерпевшим). Строится она на началах юридического ра-

венства: нет власти и подчинения; каждый участник отвечает за допущенное им правонарушение перед другим. Ответственность участников перед государством (публично-правовая ответственность) возможна лишь в исключительных случаях, предусмотренных законом.

В большинстве других отраслей права, напротив, ответственность перед государством является общим правилом. Правовая ответственность всегда нормативно обоснована. Законом предусматриваются юридические факты, порождающие охранительное правоотношение, формы и способы защиты субъективных прав и т. д. В гражданском праве к ответственности привлекаются не только граждане (физические лица), но и организации (юридические лица), а также Российская Федерация, её субъекты и муниципальные образования. В гражданском праве вина правонарушителя предполагается. Поэтому бремя доказывания отсутствия вины лежит на правонарушителе.

Экономический характер гражданско-правой ответственности заключается в том, что данная ответственность позволяет обеспечить защиту имущественных прав при их нарушении, которые связаны с объектом права собственности (также права оперативного управления, права хозяйственного ведения), получением прибыли от предпринимательской деятельности, оказывающей влияние на развитие экономических отношений. Это определяет имущественную составляющую гражданско-правовой ответственности, меры применения которой воздействуют на имущественную сферу правонарушителя, лица, совершившего гражданско-правовой деликт (гражданское правонарушение) (Канев, 2008. С. 191).

С учетом положений научной теории можно выделить следующие виды гражданско-правовой ответственности (Юкша, 2021):

– договорная ответственность, основанием ее наступления служит нарушение договора, т. е. соглашения сторон;

– внедоговорная ответственность возникает при причинении личности или имуществу потерпевшего вреда, не связанного с неисполнением нарушителем обязанностей, вытекающих из договора. Внедоговорную от-

ветственность нередко называют деликтной;
– деликтная ответственность (возникающая из причинения вреда) регулируется только законом, а договорная (определенная сторонами в своем договоре) законом, и договором.

Как договорная, так и внедоговорная ответственность, в зависимости от числа обязанных лиц (множественность лиц в обязательстве), может быть долевой, солидарной или субсидиарной. Первая означает, что каждый из ответчиков по обязательству несет ответственность в точно определенной доле, установленной законом или договором. Правила о долевой ответственности применяются, когда иной вид для нескольких субъектов (должников) не предусмотрен законом (иным правовым актом) или договором. Если при этом законодательство или договор не определяют доли сторон, они считаются равными, т. е. каждый из ответчиков несет ответственность в одинаковом с другими ответчиками размере (ст. 1080, ч. 2 ст. 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации)². Солидарная ответственность, при наличии которой потерпевший-истец вправе предъявить требование как ко всем ответчикам (должникам) совместно, так и к любому из них, причем как в полном объеме нанесенного ущерба, так и в любой его части. Не получив полного удовлетворения от одного из солидарных ответчиков, потерпевший вправе по тем же правилам требовать недополученное у остальных ответчиков, которые остаются перед ним ответственными до полного удовлетворения его требований (ст. 323 ГК РФ)³. Субсидиарная ответственность является дополнительной по отношению к ответственности, которую несет перед потерпевшим основной правонарушитель (должник) (ч. 1 ст. 399 ГК РФ). Субсидиарная ответственность наступает в случае, когда основной ответчик отказался удовлетворить требования потерпевшего. При этом лицо, несущее такую дополнительную ответствен-

ность, совсем не обязательно является сопричинителем имущественного вреда, нанесенного потерпевшему.

Ответственность в порядке регресса возникает в случае, когда должник, исполнивший обязательство по возмещению вреда за его причинителя, предъявляет к этому причинителю требование о возмещении понесенных затрат (ч. 2 ст. 1081, ч. 1, 2 ст. 325 ГК РФ). Увеличить размер ответственности стороны могут в случаях и в размере, предусмотренных законом. Например, размер законной неустойки может быть увеличен соглашением сторон, если закон этого не запрещает (ч. 2 ст. 332 ГК РФ). По общему правилу при определении убытков по ст. 15 ГК РФ (т. е. реального ущерба и упущенной выгоды) принимаются во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно было быть исполнено, в день добровольного удовлетворения должником требования кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было, – в день предъявления иска (ч. 3 ст. 393 ГК РФ).

Для применения мер гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности необходимо наличие двух субъектов: кредитора и должника. Кредитор – юридическое лицо и индивидуальный предприниматель, имеющий права требования в отношении применения мер ответственности, а должник – юридическое лицо и индивидуальный предприниматель, совершивший гражданско-правой деликт (правонарушение), претерпевающий последствия применения мер гражданско-правовой ответственности. Для наступления гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности необходимо наличие основания, которым является гражданское правонарушение. В связи с чем проведем исследование понятия «гражданского правонарушения», разработанного в отечественной правовой теории.

В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации не закрепляется понятие «гражданское правонарушение» (Маштаков, 2021). Так, например Н.Н. Волленко справедливо указывает, что отсутствие в Гражданском кодексе четкого понятия «гражданского правонарушения» «разрывает

² Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая: Федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 29 января.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая: Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.

и недооценивает внутренние межотраслевые связи правовой системы, связи координации и согласования» (Вопленко, 1997. С. 6). В отечественной теории понятие «гражданского правонарушения» разработано учеными советской цивилистической науки. Так, например, по мнению Л.В. Слесарева, гражданское правонарушение «представляет собой противоправное действие (бездействие), посягающее на общественные отношения, урегулированные нормами гражданского права» (Слесарева, 1980. С. 5).

Гражданскому правонарушению присущи общие признаки юридического правонарушения. Так, например, Р.Л. Хачатуров называет следующие признаки правонарушения, образующие в совокупности это понятие: 1) правонарушение – это виновное деяние (действие или бездействие); 2) деяние общественно опасное и вредное; 3) деяние, противоречащее нормам права (противоправное); 4) деяние, за которое предусмотрена юридическая ответственность (Хачатуров, 1998. С. 18).

В общем понятии «правонарушения» отражаются юридические и социальные признаки. Юридические связаны с нарушением нормы права, социальные – с наступлением неблагоприятных последствий для субъекта права. На наш взгляд, гражданское правонарушение – это деликт (деяние), выражающееся в невыполнении требований договора или причинении вреда, которое влечет имущественный или моральный ущерб, либо материальные потери, убытки. Гражданское правонарушение в сфере предпринимательской деятельности – это противоправное виновное действие (деяние, деликт), связанное с неисполнением или ненадлежащим исполнением гражданских прав и обязанностей при осуществлении предпринимательства, которые повлекли за собой причинение вреда, имущественного ущерба, возникновение убытков или упущенной выгоды. Гражданское правонарушение в сфере предпринимательской деятельности связано с совершением деликта (деяния) в результате нарушения договорных прав и обязанностей, а также причинения вреда имуществу юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Договорные обязательства возникают в

случае, когда сторона сделки не выполняет ее условия, либо действует недобросовестно, или незаконно по отношению к другой. Например, законом предусмотрена ответственность, наступающая вследствие заключения недействительной сделки, неосновательного обогащения сторонами договора или нарушения сроков, установленных договором (Антонов, 2021). Обязательства, связанные с причинением вреда (деликтные), возникают в случае, если физическим лицом, государственным органом, должностным лицом и т. д. причинен вред третьим лицам. При этом потерпевшие имеют право на возмещение причиненного ущерба и компенсацию морального вреда.

Противоправное поведение (как в договорных, так и в деликтных обязательствах) выражается в нарушении норм законодательства, а также прав физических и юридических лиц, повлекшее вред. При этом понятие вреда ГК РФ не определяет. В статье 15 ГК РФ есть лишь понятия убытков, которые включают в себя реальный ущерб и упущенную выгоду. В теории права сложилась презумпция, что вред – это любое умаление какого-либо блага, которое может иметь как имущественный, так и неимущественный характер. Таким образом, вред и ущерб можно рассматривать как синонимы. Причинение имущественного вреда (ущерба) влечет за собой возникновение обязанности причинителя потребовать возмещения убытков в полном объеме, если законом не предусмотрено иное. Кроме того, гражданско-правовая ответственность реализуется в виде неустойки (штрафа, пени) или процентов за пользование чужими денежными средствами.

Гражданское правонарушение как основание гражданско-правовой ответственности имеет свой состав правонарушения. Под составом гражданского правонарушения следует понимать совокупность условий (элементов), которые характеризуют правонарушение с объективной и субъективной стороны.

В их числе следует назвать:

- противоправность поведения;
- наличие ущерба (убытков);
- причинная связь между противоправным поведением и ущербом (убытками);
- вина правонарушителя.

Состав гражданского правонарушения должен быть полным, состоять из названных четырех элементов. Поскольку он является формальным и необходим для реализации формы гражданско-правовой ответственности – возмещения убытков. Во всех остальных случаях состав правонарушения является усеченным. Например, взыскание неустойки предполагает наличие двух условий – противоправного поведения и вины, а если субъектом ответственности выступает субъект предпринимательства – лишь факта противоправного поведения⁴.

Противоправное поведение является необходимым условием гражданско-правовой ответственности, отсутствие которого исключает ответственность. Под противоправным понимается поведение (действие, бездействие), противоречащее нормам объективного права. Так, например, противоправным является неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, влекущее ответственность (ст. 395 ГК РФ), причинение вреда личности или имуществу гражданина или имуществу юридического лица (ст. 1064 ГК РФ). Необходимым условием гражданско-правовой ответственности в форме убытков является причинная связь между противоправным поведением должника и убытками, возникшими у кредитора. Данная причинная связь носит известный характер и не вызывает проблем при доказывании.

Вина представляет собой психическое отношение лица к совершенному правонарушению и его последствиям. Она выражается в форме умысла или неосторожности. Вина, согласно ст. 401 ГК РФ, рассматривается как условие ответственности, если иное не предусмотрено законом или договором. Вина, как субъективное условие гражданско-правовой ответственности, одинаково применима как к лицу физическому, так и юридическому. Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборо-

та, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Особые правила предусмотрены законодательством для субъектов предпринимательской деятельности. Лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. К таким не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника денежных средств. Законом или договором могут быть предусмотрены иные условия применения вины, но закон запрещает заключение соглашений об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства. Основанием ответственности управляющего (основного предприятия) органа перед предприятием своей системы является предпринимательское правонарушение (противоправное поведение). Гражданский кодекс РФ исходит из презумпции виновности должника, а это значит, что вина такого лица предполагается пока он сам не докажет обратное. В свою очередь истец доказывает сам факт правонарушения, размер причиненных убытков, а также может приводить доводы, свидетельствующие о виновности должника.

Основанием освобождения от ответственности является непреодолимая сила. На практике к ней относят явления как природного (наводнения, засухи), так и социального (войны, забастовки, эмбарго) характера, перечень которых не может быть исчерпывающим из-за постоянного развития природы и общества. Более того, вопрос о том, относится ли конкретное явление к непреодолимой силе или нет, подлежит разрешению в каждом отдельном случае. Дело в том, что одно и то же явление может иметь характер чрезвычайного для одной местности и не иметь для другой. Отметим также такой при-

⁴ Гражданское правонарушение: понятие и состав [Электронный ресурс]. URL: <https://pravobez.ru/articles/Grazhdanskoe-pravonarushenie---poniatie-i-sostav-7223.html> (дата обращения 08.06.2021).

знак непреодолимой силы как непредотвратимость. Поэтому, если будет установлено, что конкретное лицо, несмотря на создавшуюся ситуацию, могло предпринять необходимые меры и воспрепятствовать наступлению вреда, то оно будет признано виновным и понесет ответственность в соответствии с законом и договором.

Применительно к отдельным видам договорных обязательств в законодательстве установлены особые основания освобождения от ответственности. К примеру, согласно п. 2 ст. 754 ГК РФ, подрядчик не несет ответственности за допущенные им без согласия заказчика мелкие отступления от проектно-сметной документации, если докажет, что они не повлияли на качество объекта строительства. Комиссионер, продавший имущество по цене ниже цены, согласованной с комитентом, освобождается от уплаты комитенту разницы, если докажет, что у него не было возможности продать имущество по согласованной цене, и продажа по более низкой цене предупредила еще большие

убытки. Таким образом, гражданское правонарушение является основанием для наступления гражданско-правовой ответственности и имеет свой состав, образующий совокупность признаков.

Заключение

Гражданское правонарушение в сфере предпринимательской деятельности связано с нарушением договорных прав и обязанностей, причинением вреда имуществу юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Гражданская правовая ответственность в сфере предпринимательства – вид юридической ответственности, предполагающий обеспеченные государственным принуждением неблагоприятные для правонарушителя последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения им его обязанностей, повлекших нарушение гражданских прав другого лица, которые выражаются в возложении на правонарушителя имущественных санкций, направленных на восстановление нарушенных имущественных прав.

Список источников / References

Алексеев С.С. Проблемы теории права. М.: Юридическая литература, 1972. Т. 1. С. 371.

Alekseev S.S. (1972) Problems of the theory of law. Moscow: Yuridicheskaya literatura. Vol. 1. P. 371. (In Russ.)

Антонов А.А. Основание и условия гражданско-правовой ответственности. [Электронный ресурс]. URL: <https://naparah.com/grazhdanskoe-pravo/12312887.html> (дата обращения: 08.06.2021).

Antonov A.A. (2021) Basis and conditions of civil liability. Available from: <https://naparah.com/grazhdanskoe-pravo/12312887.html> (accessed: 08.06.2021). (In Russ.)

Бабаев А.Б. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2008. С. 865.

Babaev A.B. (2008) Civil law: topical problems of theory and practice. Moscow: Yurait-Izdat. P. 865. (In Russ.)

Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1978. С. 83.

Bratus' S.N. (1978) Legal responsibility and legality. Moscow: Yuridicheskaya literatura. P. 83. (In Russ.)

Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. С. 82–84.

Bratus' S.N. (1976) Legal responsibility and legality. Moscow: Yuridicheskaya literatura. P. 82-84 (In Russ.)

Вопленко Н.Н. Общественная опасность или социаль-

ная вредность? // Вестник Волгоградского государственного университета. Волгоград, 1997. С. 6.

Voplenko N.N. (1997) Public danger or social harm? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Journal of Volgograd State University*. Volgograd. P. 6. (In Russ.)

Гарамита В.В. Вина как основание гражданско-правовой ответственности. М.: Российский государственный социальный университет, 2008. С. 10.

Garamita V.V. (2008) Guilt as a basis for civil liability. Moscow: Russian State Social University. P. 10. (In Russ.)

Канев Д.Р. Понятие гражданско-правовой ответственности в науке и законодательстве // Правоведение. 2008. № 4. С. 191.

Kanev D.R. (2008) The concept of civil liability in science and legislation. *Pravovedenie = Pravovedenie*. No. 4. P. 191. (In Russ.)

Маштаков И.В. Гражданское правонарушение: определение понятия и юридические признаки.

[Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-pravonarushenie-opredelenie-ponyatiya-i-yuridicheskie-priznaki> (дата обращения 08.06.2021).

Mashtakov I.V. (2021) Civil offense: definition of the concept and legal signs. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe>

pravonarushenie-opredelenie-ponyatiya-i-yuridicheskie-priznaki (accessed: 08.06.2021). (In Russ.)

Слесарев В.Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С. 167.
Slesarev V.L. (1980) Object and result of a civil offense. Tomsk. P. 167. (In Russ.)

Суханов Е.А. Гражданское право. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 546.
Sukhanov E.A. (2008) Grazhdanskoe pravo. Vol. 1. Moscow: Volters Kluver. P. 546. (In Russ.)

Хачатуров Р.Л. Правонарушение как юридический факт, порождающий правоотношение ответственности // Межвузовский сборник научных статей. Серия: Юриспруденция. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1998. № 2. С. 18.
Khachaturov P.L. (1998) Offense as a legal fact giving rise to a legal relationship of responsibility. *Mezhvuzovskii*

Информация об авторах

Роман Сергеевич Тихий, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Краснодарский университет Министерства внутренних дел России, 350005, г. Краснодар, Ярославская улица, 128, Россия, roman_tihiy@bk.ru

Елена Эдемовна Черемушкина, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Краснодарский университет Министерства внутренних дел России, 350005, г. Краснодар, Ярославская улица, 128, Россия, arkowen@mail.ru

Вклад авторов

Роман Сергеевич Тихий, Елена Эдемовна Черемушкина сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 19.08.2021; принята к публикации 01.09. 2021.

sbornik nauchnykh statei. Seriya: Yurisprudentsiya = Interuniversity collection of scientific articles. Series: Jurisprudence. Tol'yatti: Mezhdunarodnaya akademiya biznesa i bankovskogo dela. No. 2. P. 18. (In Russ.)

Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора. Самара: Самарская экономика академия, 1998. С. 53.
Khokhlov V.A. (1998) Civil liability for breach of contract. Samara: Samara Academy of Economics. P. 53. (In Russ.)

Юкша Я.А. Гражданско-правовая ответственность. [Электронный ресурс]. URL.: <http://yuksha.ru/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost> (дата обращения 08.06.2021).
Yuksha Ya.A. (2021) Civil liability. Available from: <http://yuksha.ru/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost> (accessed: 08.06.2021). (In Russ.)

Information about the authors

Roman S. Tikhyy, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 128 Yaroslavskaya Street, Krasnodar, 350005, Russia, roman_tihiy@bk.ru

Elena E. Cheremushkina, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 128 Yaroslavskaya Street, Krasnodar, 350005, Russia, arkowen@mail.ru

Contribution of the authors

Roman S. Tikhyy, Elena E. Cheremushkina contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of this manuscript.

Information about the article

The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 19.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Научная статья
УДК 343.1

Использование опыта арбитражно-процессуальной модели протоколирования к положениям уголовно-процессуального закона

Ли́ра Радиковна Юлбердина¹

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия,
lira-y@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2555-3288>

Аннотация: Пандемия коронавируса затронула все стороны нашей жизни и, в частности, заставила пересмотреть взгляды на традиционные формы правосудия. В этой связи представляется интересным исследование вопросов цифровой трансформации процесса, а именно: обеспечение полного перехода к цифровизации процессуальных документов, отказ от бумажных носителей информации, возможность беспрепятственного пользования информационными сервисами судов, а также проведения онлайн-заседаний. Поэтому становление электронного правосудия, происходящее в условиях общемировой тенденции цифровизации, предполагает внедрение в судопроизводство новых инструментов и сервисов, которые обеспечат электронное взаимодействие участников процесса, суда и будут способствовать защите их прав, но ни в коем случае не умолять их. В статье исследованы вопросы электронного документооборота и проведения онлайн-заседаний в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Автором использованы аналитический метод и метод сравнительно-правового анализа. Результаты показывают, что, несмотря на положительные тенденции развития цифровизации судопроизводства, существует много вопросов, препятствующих доступности и транспарентности правосудия по гражданским делам, в частности, речь идет не только о технической составляющей, но и о нежелании судей вести процесс в соответствии с гражданской и арбитражно-процессуальной формами. Кроме того, огромное значение имеет отсутствие в законодательстве соответствующих норм. На основе сделанного анализа автором сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в сфере электронного правосудия, среди которых: закрепление в процессуальных нормах соответствующих положений об онлайн-заседаниях, принятии и исследовании электронных доказательств.

Ключевые слова: электронное правосудие, электронный документооборот, онлайн-заседание, цифровые технологии, информатизация, гражданское судопроизводство

Для цитирования: Юлбердина Л.Р. Использование опыта арбитражно-процессуальной модели протоколирования к положениям уголовно-процессуального закона // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 296–305.

JURIDICAL SCIENCES

Original article

Using the experience of the arbitration-procedural model of record keeping to the provisions of the criminal procedure law

Lira R. Yulberdina

Sterlitamak branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia,
lira-y@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2555-3288>

Abstract: The coronavirus pandemic has affected all aspects of our lives and, in particular, forced us to reconsider views on traditional forms of justice. In this regard, it is interesting to study the issues of digital transformation of the process, namely: ensuring a complete transition to digitalization of procedural documents, rejection of paper media, the possibility of unhindered use of information services of courts, as well as conducting online meetings. Therefore, the emergence of electronic justice, taking place in the context of the global trend of digitalization, presupposes the introduction of new tools and services into legal proceedings that will ensure electronic interaction between the participants in the process and the court and will help protect the rights of the participants in the process, but in no case plead with them. The

¹ © Юлбердина Л. Р., 2021

article examines the issues of electronic document management and online meetings in the practice of courts of general jurisdiction and arbitration courts. The author used the analytical method and the method of comparative legal analysis. The results of this study show that despite the existing positive trends in the development of digitalization of legal proceedings, there are many issues that hinder the accessibility and transparency of justice in civil cases, in particular, we are talking not only about the technical component, but also about the reluctance of judges to conduct the process in accordance with civil and arbitration procedural forms. In addition, the lack of relevant norms in the legislation is of great importance. On the basis of the analysis made, the author formulated proposals for improving legislation in the field of e-justice, including: fixing in the procedural rules the relevant provisions on online meetings, the acceptance and study of electronic evidence.

Keywords: electronic justice, electronic document management, online meeting, digital technologies, informatization, civil proceedings

For citation: Yulberdina L. R. (2021) Using the experience of the arbitration-procedural model of record keeping to the provisions of the criminal procedure law. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 296–305. (In Russ.)

Введение

Тенденции развития цифровых технологий в сфере осуществления судебной формы защиты прав привели к внедрению электронного правосудия, наряду с общепринятым сочетанием устной и письменной формами ведения судопроизводства. Пандемия Covid-19 также внесла свою лепту в развитие электронного правосудия. Так, существенно возросла востребованность электронных ресурсов судебной системой: в период с 18 марта по 20 апреля 2020 года в суды поступили 225,2 тыс. документов в электронном виде – это в полтора раза или на 77,3 тыс. документов больше, чем за аналогичный период предыдущего года².

Положительные тенденции развития информатизации и автоматизации судов заключаются в следующем:

- а) организации дистанционного участия в заседаниях;
- б) расширении сервисов электронного правосудия;
- в) внедрении в судах новых интеллектуальных информационных технологий;
- г) автоматизации рутинных трудоемких процессов (например, регистрация процессуальных документов, ведение протоколов заседаний);
- д) ведении электронного документооборота между судами;
- е) взаимодействию с заявителями в дистанционном формате.

Тем не менее, на практике встречается большое количество проблемных моментов,

в частности, технического характера, влекущих невозможность применения электронных возможностей при реализации своих прав участниками судопроизводства, что в свою очередь, ограничивает доступность правосудия и является недопустимым. Так, внедрение таких глобальных интернет-ориентированных решений в действующий Гражданский процессуальный кодекс России (ГПК РФ) пока сдерживается отсутствием у большей части населения компьютерной техники (и умения ею пользоваться), а также выхода в сеть Интернет (Денисов, 2012. С. 186).

Техническая составляющая представляет собой важнейшее условие корректного и эффективного функционирования электронного правосудия. Суды в разных регионах оснащены неодинаково, порой такой разрыв становится критичным, например, между судами общей юрисдикции, особенно в отдаленных районах, и арбитражными судами. Некоторые судьи, в прямом смысле слова, избегают соблюдение установленного порядка ведения судебного заседания. Например, при разрешении дела у мирового судьи с истца взяли ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие (при явке истца в судебное заседание) для того, чтобы не вести аудиозапись судебного заседания.

Поэтому в настоящее время, когда нет общеправового подхода в законе, отдельное внимание хочется уделить тенденциям развития электронного правосудия в условиях развития пандемии и возможным положительным моментам, которые необходимо использовать в практике судов.

² Сайт Верховного Суда РФ // [Электронный ресурс]. URL.: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28858 (дата обращения 01.08.2021).

Методы

Автором использованы аналитический и сравнительно-правовой методы исследования.

Результаты

Цифровая трансформация – это лишь один из аспектов судебной реформы, она должна идти параллельно с решением имеющихся глобальных вопросов другими, не цифровыми средствами.

Надо отметить, что понятие «электронное правосудие» содержит в себе несколько аспектов:

1. Электронный документооборот между участниками процесса и судом. Электронный документооборот в суде – это деятельность суда и его аппарата, а также участников процесса по работе с движением документов, их обработке, направленная на оптимизацию таких процессуальных действий, как:

– обращение в суд (например, в рамках уголовного судопроизводства обращение в суд может быть подано в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью участника уголовного судопроизводства, его подающего);

– обмен процессуальными документами (лица, участвующие в деле вправе представить исковое заявление, встречное исковое заявление, отзыв на иск, проект мирового соглашения, а также доказательства);

– получение судебных извещений (информация о принятии обращения, о времени и месте судебного заседания размещается судом на официальном сайте соответствующего суда в сети Интернет);

– изготовление судебных актов в форме электронного документа и их размещение в сети Интернет.

Положительные аспекты развития информатизации и автоматизации судов заключаются в следующем:

а) организации дистанционного участия в заседаниях;

б) расширении сервисов электронного правосудия;

с) внедрении в судах новых интеллектуальных информационных технологий;

д) автоматизации рутинных трудоемких

процессов (например, регистрация процессуальных документов, ведение протоколов заседаний);

е) ведении электронного документооборота между судами;

ф) взаимодействию с заявителями в дистанционном формате.

Надо отметить, что суды не должны формально подходить к вопросу приема документов. В основном, их незаинтересованность в принятии заявления, а зачастую и нежелание, приводит к ограничению права на обращение в суд. Эта проблема имеет также другой аспект: отсутствие навыков владения технологиями может сказываться на неточном оформлении документов, поступающих в суд в электронном виде, а это в свою очередь, повлечет за собой неблагоприятные последствия для заинтересованного лица (Яковлева, Блинков, 2020. С. 76). Поэтому обращение в суд в электронном виде имеет, с одной стороны, своей целью беспрепятственную реализацию заинтересованным лицом своих прав, но, с другой, на практике существует ряд определенных негативных аспектов, препятствующих реализации принципа доступности правосудия. Это, на наш взгляд, недопустимо.

Используемая в настоящее время веб-ВКС имеет ряд недостатков. К примеру, осуществление веб-ВКС подразумевает проведение заседания по незащищенным Интернет-каналам связи. Это повышает риск утечки персональных данных и сведений, составляющих охраняемую законом тайну (Порохов, Данилов, 2020. С. 142).

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день процедуры виртуального проведения судебных заседаний и онлайн-ознакомления с материалами дела имеют свои достоинства, однако требуют законодательных и правоприменительных доработок.

Также имеет место возможность принятия арбитражно-процессуальной модели ведения онлайн-заседаний, поскольку транспарентность арбитражного судопроизводства в очередной раз доказывает свою эффективность. В частности, положительным моментом является тот факт, что для лиц, участвующих в деле, добавлена возможность в ИС «Карто-

тека арбитражных дел» ознакомиться с аудиопотоками судебных заседаний.

Несмотря на существующие пробелы, считаем возможным внедрение практики проведения онлайн-заседаний в дальнейшем, после пандемии, для чего необходимо предусмотреть право лица, участвующего в деле подавать ходатайство в электронном виде о проведении судебного заседания в онлайн-формате. Также в процессуальных кодексах (АПК РФ и ГПК РФ) необходимо детально регламентировать процедуру подачи электронных документов: правила оформления, порядок подачи и основания отклонения таких документов; порядок исследования доказательств, представленных в электронном виде в судебном заседании.

Обсуждение

Под электронным правосудием в науке понимают способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и имеющий своей целью обеспечение гласности, открытости и доступности судопроизводства (Сухаренко, 2020). По мнению А.В. Аносова, электронное правосудие, как результат информатизации судебной власти, должно пониматься как способ и форма осуществления участниками судопроизводства процессуальных действий с использованием информационных технологий (Аносов, 2016. С. 78). Со второй точки зрения мы не совсем согласны, поскольку не считаем возможным отождествлять понятия «способ» и «форма». Если обратиться к понятию «правосудия» в целом, то более корректной дефиницией является определение его как формы осуществления деятельности, заключающейся в рассмотрении и разрешении отнесенных к компетенции судов дел. Нельзя согласиться с мнением, что в широком смысле электронное правосудие предлагается определять как совокупность различных автоматизированных информационных систем, предоставляющих возможность для совершения всех, имеющих для этого необходимую правовую основу, процессуальных действий в электронной форме (Борисова, 2020. С. 107).

При этом термин «электронное правосу-

дие» необходимо отделять от термина «цифровое правосудие»: в первом случае речь идет о свойствах носителя информации, во втором – о форме существования данных (Козырев, 2019).

Нельзя полностью согласиться с мнением К.Л. Брановицкого, что «информационные технологии сегодня выступают исключительно как средство решения задач правосудия, играя, в сущности, вспомогательную роль» (Брановицкий, 2020. С. 10). Однако нельзя не отметить, что развитие современного правосудия невозможно рассматривать в отрыве от цифровых технологий. По мере перехода судопроизводства на новый (или, если угодно, альтернативный) технологический базис, роль технических и организационных документов в регулировании гражданского процесса будет только возрастать (Незнамов, 2020. С. 192–193).

Надо сказать, что наиболее успешно электронная формы подачи документов и обращения в суд реализована в арбитражных судах, где документы подаются через личный кабинет, созданный в информационной системе «Мой арбитр». Личный кабинет создается в автоматическом режиме путем подтверждения личных данных физического лица, в том числе его фамилии, имени и отчества (при наличии).

На практике встречаются различные ошибки при подаче документов в электронном виде. К наиболее типичным относятся:

– когда документы нечитаемы, или не отвечают требованиям полноты, (документ содержит не все страницы; в файле отсутствует электронный документ или электронный образ документа, связанный текст);

– файл обращения в суд и (или) файлы прилагаемых к нему документов представлены в форматах, не предусмотренных Порядком подачи документов;

– обращение в суд и (или) прилагаемые к нему документы не представлены в виде отдельных файлов, наименование которых не позволяет идентифицировать документы, в них содержащиеся;

– обращение в суд в виде электронного документа не подписано усиленной квалифицированной электронной подписью, либо обращение в суд в виде электронного образа

документа не заверено усиленной квалифицированной электронной подписью;

– электронная подпись не соответствует виду или формату, установленным Порядком подачи документов. Усиленная квалифицированная электронная подпись не прошла проверку: на момент подписания документа срок действия сертификата электронной подписи истек, электронная подпись не соответствует документу, документ был изменен (модифицирован) после подписания его электронной подписью;

– номер дела (производства), указанный пользователем при подаче документов, не соответствует номеру дела (производства), указанному в обращении в суд;

– к обращению в суд, подаваемому представителем, не приложен документ, подтверждающий полномочия представителя на предъявление документов в суд.

И это только краткий перечень оснований, служащих причиной отклонения заявлений заинтересованных лиц. Как известно, процессуальные нормы, например, ГПК РФ, в ст. 134, 135, 136 четко прописывают основания для отказа, возвращения, оставления иска без движения. В связи с этим, абсолютно справедливо в науке высказано замечание относительно того, что лица, обращающиеся в суд посредством сети Интернет, и лица, подающие заявления в суд на бумажном носителе, поставлены в неодинаковые условия: у них разная возможность для реализации права на судебную защиту и доступность правосудия для них реализуется по-разному, что недопустимо в правовом государстве (Яковлева, Блинков, 2020. С. 76).

Также в целях обеспечения легитимности электронных документов целесообразно расширить сферы применения технологии электронной цифровой подписи при обращении в суды общей юрисдикции (Боголейко, 2019. С. 495.)

Предоставление суду доказательств в электронном виде. Электронный документ – это не только способ фиксации, но и средство закрепления правоотношений, иногда и объект материальных прав и обязанностей. Предоставление суду доказательств в электронном виде позволяет интенсифицировать электронное судебное делопроизводство,

минимизировав нагрузку на работников аппарата суда. К сожалению, проблемы выделения электронных доказательств в качестве самостоятельной категории в связи, со специфическим характером, а также аутентификации и идентификации электронной информации, остаются актуальными и по сей день, что на практике приводит к возникновению проблем в использовании такого рода доказательств, а многие вопросы остаются на усмотрение суда. Большинство юристов здесь едины в том, что в настоящее время существует острая необходимость в надлежащей законодательной регламентации использования электронных доказательств. «Цель электронной формы подачи документов и обращения в суд – привлечь научное внимание к обсуждению теоретической модели «электронного» доказывания не только с позиций информационных технологий, а уяснить необходимость, пределы и особенности трансформации существующего процесса доказывания с позиций классической теории доказательств» (Голубцов, 2019. С. 170–188).

Проведение судебных заседаний в онлайн-режиме. Впервые рекомендация о проведении судебных заседаний в онлайн-режиме была указана в п. 5 Постановления Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. N 821. Также в данной норме было указано на обязанность участников процесса для участия в судебном заседании подавать в суд ходатайство в электронном виде с приложением копий документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия. Однако срок действия данного акта истек. Постановление Пленума ВС РФ, регулирующее такой формат судебных заседаний, на сегодняшний день отсутствует. В процессуальных кодексах также нет нормы, посвященной вопросам проведения онлайн-заседаний.

Как справедливо отмечает М.О. Дьяконова: «Развитие государственной системы защиты прав также не может происходить в отрыве от новых электронных возможностей, поскольку это означало бы ограничение доступа к правосудию» (Дьяконова, 2020. С. 22). И это справедливо с учетом того, что

в судебной практике нередко наблюдались проблемы рассмотрения дел в отсутствие лиц, участвующих в деле. При этом многие судьи игнорировали правило о возможности приостановления производства по делу в случае необходимости (часть 4 статьи 1, абзац второй статьи 216 ГПК РФ, часть 5 статьи 3, пункт 4 статьи 144 АПК РФ, часть 4 статьи 2, пункт 4 части 1 статьи 191 КАС РФ), если лица, участвующие в деле, лишены возможности присутствовать в судебном заседании в связи с принимаемыми ограничительными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции³.

Необходимо разграничивать понятий видеоконференцсвязи с системой веб-конференции (Кондрашов, 2020. С. 145). Как и в случае с судебными заседаниями посредством видеоконференцсвязи, участие в онлайн-заседании представителю необходимо согласовать с судом.

К участию в судебном онлайн-заседании допускаются только пользователи с учетными записями, подтвержденными в единой системе идентификации и аутентификации (система «Госуслуги»). То есть можно сказать, что представитель для участия в судебном онлайн-заседании подтверждает свою личность дважды: сначала вводя пароль при входе в систему «Госуслуг», а позднее – в онлайн-заседании, демонстрируя в камеру суду документ, удостоверяющий личность и полномочия.

Отметим, что такой тип идентификации не вступает в противоречие с действующими нормами арбитражно-процессуального законодательства, поскольку законом предусмотрена возможность подачи искового заявления в суд в электронном виде.

Несомненно, такой формат судебных заседаний как онлайн позволяет представителям из отдаленных регионов участвовать в судебных заседаниях и при этом минимизировать свои транспортные расходы, а также

экономить время.

Между тем, в электронной форме проведения судебных заседаний присутствует много недостатков и «недоработок» как со стороны законодательства, так и со стороны практического применения.

Как в 2020 году, так и на сегодняшний день правила проведения онлайн-заседаний публикуются на сайте каждого конкретного суда и не являются единообразными.

К примеру, в Арбитражном суде г. Москвы не проводятся и не проводились судебные заседания в режиме онлайн. Суд при этом ссылается на отсутствие в АПК РФ соответствующей нормы и на истечение срока действия Постановления Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. N 821, которым было рекомендовано проводить судебные заседания такого формата. Также в своих определениях Арбитражный суд г. Москвы указывает на отсутствие технической возможности провести онлайн-заседания⁴. В данном случае нельзя не согласиться с судом: правовое регулирование судебных заседаний онлайн-формата на сегодняшний день полностью отсутствует, как и какие-либо единые правила проведения такой процедуры.

Так, на сайте Арбитражного суда Уральского округа указано, что в проведении онлайн-заседания может быть отказано не только по причине отсутствия копий документов, удостоверяющих личность, но также и по причине технической возможности⁵.

Что касается срока подачи ходатайства о проведении судебного заседания в онлайн-формате, то срок подачи такого ходатайства не установлен регламентом ни одним судом. Однако при этом на практике суды отказывают в удовлетворении ходатайства по причине якобы нарушения заявителем срока. При этом информация о том, какой установленный срок, остается тайной за семью печатями

³ «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2020. N 5. Май.

⁴ Определение АС г. Москвы от 10.08.2020 г. по делу № А40-33717/16-4-51Б // СПС «Консультант».

⁵ Регламент организации участия в судебном заседании Арбитражного суда Уральского округа с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания) // [Электронный ресурс]. URL.: <https://fasuo.arbitr.ru> (дата обращения 19.07.2021).

ми. Так, заявитель узнает срок для подачи ходатайства лишь после устного обращения в суд по телефону. То есть, во-первых, в большинстве случаев такой срок на сайтах судов не опубликован, а во-вторых, – каждый суд устанавливает свой срок для подачи ходатайств. Например, в Арбитражном суде Республики Башкортостан такой срок негласно установлен в пять рабочих дней. Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд также считает, что такое ходатайство подается не позднее, чем за пять рабочих дней до начала судебного заседания⁶. А вот на сайте Арбитражного суда Воронежской области указано, что суд отклоняет ходатайство об участии в онлайн-заседании в случае поступления ходатайства менее чем за 10 рабочих дней до даты судебного заседания⁷. На сайте Десятого арбитражного апелляционного суда вообще отсутствует какой-либо регламент для участия в онлайн-заседаниях, указано лишь на такую возможность⁸.

Интересно отметить, что в большинстве случаев при отклонении ходатайства о проведении онлайн-заседания суды не выносят определения. Процедура отклонения ограничивается отметкой «отклонено» в карточке дела системы «кад арбитр», а также уведомлением заявителя о таком отклонении по электронной почте. Поэтому обжаловать отказ суда представляется достаточно проблематичным.

Особо важной проблемой представляется нарушение участников процесса их права на участие в судебном заседании при проведении заседания в режиме онлайн. Если сравнить онлайн-заседание с заседанием путем видеоконференцсвязи, то становится очевидным, что во втором варианте суд, проводящий такое заседание, выступает неким посредником между представителем и судом,

рассматривающим дело. Также очевидно, что именно на этот суд возлагаются обязанности по обеспечению технической возможности связи представителя и суда, а также все риски, связанные с функционированием надлежащей видео- и аудиосвязи между судами. В случае возникновения технических неполадок связи судебное разбирательство подлежит отложению (ч. 5 ст. 158 АПК РФ).

При проведении онлайн-заседания ситуация обстоит совсем иначе. Здесь представитель сам несет бремя устранения технических проблем при подключении. В случае их возникновения и невозможности одной из сторон подключиться к онлайн-заседанию, судебное заседание проводится без его участия. При этом лицо считается не явившимся в судебное заседание, о чем суд указывает в определении. Причем по неизвестным причинам судами презюмируется неучастие в онлайн-заседании как надлежащим образом уведомленное и уклонившееся от явки. Однако суды «упускают» тот момент, что лицо, не принявшее участие в онлайн-заседании, предварительно просило суд обеспечить участие в нем и получило уведомление суда об удовлетворении этого ходатайства. В таком случае следует предположить наличие у такого лица каких-либо препятствий к участию в онлайн-заседании. Недобросовестность уклонившегося от участия в онлайн-заседании можно предположить, но никак нельзя презюмировать при формировании общего правила. Среди таких препятствий можно назвать наиболее часто встречающиеся: отсутствие в месте нахождения участника процесса интернет-соединения достаточной скорости, перебои электроснабжения, программные и иные технические неполадки устройства связи. Многие из них лицо не может предвидеть или устранить, даже действуя с разумной степенью предусмотрительности. Следовательно, несмотря на то, что участник процесса принимает на себя риски, связанные с вероятностью технической невозможности участвовать в судебном заседании с его стороны, гораздо более разумным было бы пересмотреть общее правило о процессуальных последствиях неявки участника в онлайн-заседание.

Еще одной проблемой в его проведении

⁶ Постановление пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2020 N 15АП-17317/2020 по делу N А32-23423/2020 // СПС «Консультант».

⁷ Сайт Арбитражного суда Воронежской области // [Электронный ресурс]. URL: https://voronej.arbitr.ru/process/online_zasedan (дата обращения 01.08.2021).

⁸ Сайт десятого арбитражного апелляционного суда // [Электронный ресурс]. URL: <https://10aas.arbitr.ru/node/14151> (дата обращения 02.08.2021).

является отсутствие у представителей возможности убедить суд в обоснованности своей позиции, так как при непосредственном выступлении через невербальные реакции это сделать гораздо проще. Таким образом, с психологической точки зрения, убедительность «выступающего» представителя в онлайн-заседаниях снижается.

Кроме того, появилась также возможность ознакомиться с материалами дела в режиме онлайн. Для этого представители подают ходатайство об ознакомлении с материалами дела и при его подаче через систему «Мой арбитр» и указывают на желание ознакомиться в режиме ограниченного доступа, после чего специалист суда предоставляет доступ к документам. В личном кабинете заявителя появляется специальный код для доступа к материалам дела, который действует достаточно ограниченное количество времени.

Следует отметить, что правила по ознакомлению с материалами дела в электронном виде в различных судах также различны. Например, по правилам Арбитражного суда города Москвы такой код действует 72 часа⁹, а по правилам Арбитражного суда Республики Башкортостан – всего лишь 24 часа¹⁰. Заявитель в течение данного количества времени может загрузить необходимые документы на жесткий диск устройства. При этом ознакомиться можно лишь с теми документами, которые были поданы через систему «Мой арбитр», а также отсканированы специалистом суда. Также на сайте Арбитражного суда Республики Башкортостан указано,

что материалы дела, превышающие 300 листов, для ознакомления в онлайн-режиме не предоставляются. В «столичном» же суде имеется «компромисс» – для ознакомления с материалами многотомного дела в электронном виде сроки предоставления доступа обговариваются устно по телефону со специалистом суда.

Таким образом, мы видим, что возможность ознакомления с материалами дела в режиме «онлайн» также не урегулирована законодательством. Более того, отсутствует единообразие данной процедуры. В различных судах действуют различные правила, что не представляется целесообразным и комфортным для участников процесса.

Остается открытой проблема совмещения различных форм участия в одном судебном процессе (один представитель участвует в судебном заседании лично, другой участвует в онлайн-режиме. При таком формате устройство (как правило, – ноутбук) находится около председательствующего судьи и представителю, участвующему в судебном заседании лично, практически не видно и не слышно своего «виртуального» оппонента.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день процедуры виртуального проведения судебных заседаний и онлайн-ознакомления с материалами дела имеют свои достоинства, однако требуют законодательных и правоприменительных доработок.

Список источников / References

Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации. М.: Институт государства и права РАН, 2016. С. 78.

Anosov A.V. (2016) Information and legal issues of the formation of electronic justice in the Russian Federation. Moscow: Institute of State and RAS RAS. P. 78. (In Russ.)

⁹ Электронный сервис «Судебное дело» // [Электронный ресурс]. URL.:

https://msk.arbitr.ru/process/poryadok_oznakoml/remotely (дата обращения 09.07.2021).

¹⁰ Инструкция по онлайн-ознакомлению с материалами дела в электронном виде // [Электронный ресурс]. (дата обращения 09.08.2021).

Брановицкий К.Л. Роль информационных технологий в арбитражном процессе в условиях пандемии Covid-19 // Судья. 2020. № 11. С. 9–14.

Branovitskii K.L. (2020) The role of information technologies in the arbitration process in a Pandemic COVID-19. *Sud'ya = Judge*. No. 11. P. 9-14. (In Russ.)

Боголейко А.М. Совершенствование порядка подачи электронных обращений в контексте обеспечения доступа к электронному правосудию // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 490–495.

Bogoleiko A.M. (2019) Improving the procedure for submitting electronic applications in the context of ensuring

access to electronic justice. *Konstitutsionno-pravovye osnovy razvitiya Respubliki Belarus' kak sotsial'nogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Constitutional and legal foundations of the development of the Republic of Belarus as a social state in modern conditions. Materials of the international scientific and practical conference.* P. 490-495. (In Russ.)

Бойко Н.Н., Юлбердина Л.Р. Ведение электронного документооборота и электронного документа как доказательства в суде // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 108–109.

Boiko N.N., Yulberdina L.R. (2019) Maintaining electronic document management and electronic document as evidence in court. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice.* No. 8 (176). P. 108-109. (In Russ.)

Борисова Л.В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. (115). С. 105–111.
Borisova L.V. (2020) Electronic justice as a form of judicial protection in Russia. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law.* Vol. 15. No. 6. (115). P. 105-111. (In Russ.)

Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 170–188.

Golubtsov V.G. (2019) Electronic evidence in the context of electronic justice. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Bulletin of civil process.* Vol. 9. No. 1. P. 170-188. (In Russ.)

Денисов И.С. Электронное правосудие как элемент электронного государства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22). С. 186–190.

Denisov I.S. (2012) Electronic justice as an element of the electronic state. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 3 (22). P. 186-190. (In Russ.)

Дьяконова М.О. Цифровизация судебного процесса: защита прав и электронные технологии // Судья. 2020. № 11. С. 21–24.

D'yakonova M.O. (2020) Digitalization of litigation: protection of rights and electronic technologies. *Sud'ya = Judge.* No. 11. P. 21-24. (In Russ.)

Капустин О.А. Информационные технологии как фактор системной трансформации институтов судопроизводства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 97–107.

Kapustin O.A. (2019) Information technology as a factor in

the systemic transformation of judicial institutions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest state university. Series: History and law.* Vol. 9. No. 4. P. 97-107. (In Russ.)

Кондрашов С.В. Судебные заседания онлайн: проблемы и пути решения // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 144–146.

Kondrashov S.V. (2020) Online court hearings: problems and solutions. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal.* No. 10 (149). P. 144-146. (In Russ.)

Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // [Электронный ресурс]. URL.: <https://medium.com/cemi-ras/цифровая-экономика-и-цифровизация-в-исторической-ретроспективе-1ad034c16373> (дата обращения: 25.07.2019).

Kozyrev A.N. (2021) The digital economy and digitalization in historical perspective. Available from: <https://medium.com/cemi-ras/tsifrovaya-ekonomika-i-tsifrovizatsiya-v-istoricheskoi-retrospektive-1ad034c16373> (accessed: 25.07.2021). (In Russ.)

Незнамов А.В. О влиянии цифровых технологий на институт гражданского процессуального законодательства // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 191–193.

Neznamov A.V. (2020) On the impact of digital technologies on the Institute of Civil Procedure Law. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal.* No. 9 (148). P. 191-193. (In Russ.)

Порохов М.Ю., Данилов Д.Б. К вопросу о перспективах развития онлайн-правосудия по гражданским делам // Общество и право. 2020. № 3 (73). С. 140–144.

Porokhov M.Yu., Danilov D.B. (2020) On the Prospects for the Development of Online Justice in Civil Cases. *Obshchestvo i pravo = Society and Law.* No. 3 (73). P. 140-144. (In Russ.)

Сухаренко А.В. Электронное правосудие // [Электронный ресурс]. URL.: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/17835> (дата обращения: 09.09.2019).

Sukharenko A.V. (2021) Electronic justice. Available from: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/17835> (accessed: 09.08.2021). (In Russ.)

Яковлева А.П., Блинков И.А. Некоторые вопросы внедрения электронных ресурсов в гражданское судопроизводство // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 2. С. 72–78.

Yakovleva A.P., Blinkov I.A. (2020) Some issues of introducing electronic resources into civil proceedings. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Herald of the Russian law academy.* No. 2. P. 72-78.

Информация об авторе

Лира Радиковна Юлбердина, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, 453103, Башкортостан, Стерлитамак, ул. Ленина, 49, Россия, Lira-y@yandex.ru

Вклад автора

Лира Радиковна Юлбердина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19.08.2021; одобрена после рецензирования 29.08.2021; принята к публикации 01.09.2021.

Information about the author

Lira R. Yulberdina Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Sterlitamak branch of Bashkir State University, 49 Lenin Street, Bashkir, Sterlitamak, 453103, Russia, Lira-y@yandex.ru

Contribution of the author

Lira R. Yulberdina performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the article

The article was submitted 19.08.2021; approved after reviewing 29.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Научная статья
УДК 37.01

Педагогические исследования: актуальность и востребованность

Анатолий Сергеевич Колесников¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Санкт-Петербург, Россия,
kolesnikov1940@yandex, <https://orcid.org/0000-0002-3493-1829>

Аннотация: Вопрос об актуальности педагогических исследований стоит постоянно. Эта проблема интерпретации релевантности реальной педагогической практики и влияния исследований на результаты работы педагогов. Концептуализация релевантности показывает, что на карту поставлено нечто большее. По всей видимости, стоит рассматривать образование и обучение с точки зрения осмысленного поведения людей в постоянно меняющемся мире, тогда актуальность образовательных исследований будет видна в их синхронизации, т. е. в непрерывной настройке с текущими делами и генерацией будущего, включая и те ценности и суждения, которые исследователи предлагают обществу. Такая синхронизация зависит от дисциплинарной и этической приверженности принципам актуальности и воспроизводимости. Они предполагают иной вид педагогического исследования, чем то, которое основано на логике воздействия. Здесь по крайней мере четыре сложных последствия: переход от неисторической социальной науки к исторической; это необходимость понимания микрогенетических проявлений обучения, включая онтогенетические временные рамки (учет продолжительности жизни людей) и социогенетические (учет изменений в социальных группах); отношения к людям, ибо этика исследований выходит далеко за рамки технических и эпистемологических вопросов информированного согласия и конфиденциальности; в отличие от теоретических, описательных и пояснительных исследований, где воздействие зависит от запоздалой мысли и реакции, интервенционные исследования устанавливают воздействие уже в непосредственной связи и сотрудничестве с участниками и автохтонными условиями.

Ключевые слова: человеческое развитие, совершенствование педагогики, полифоническое исследование, философия, методология исследования, социальный контекст

Для цитирования: Колесников А.С. Педагогические исследования: актуальность и востребованность // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 306–318.

PEDAGOGICAL SCIENCES

Original article

Pedagogical research: relevance and demand

Anatoly S. Kolesnikov

St. Petersburg State University, Institute of philosophy, St. Petersburg, Russia,
kolesnikov1940@yandex, <https://orcid.org/0000-0002-3493-1829>

Abstract: The question of the relevance of pedagogical research is constantly raised. This is the problem of interpreting the relevance of real pedagogical practice and the impact of research on the results of the work of teachers. Conceptualizing relevance shows that there is more at stake than results and impact. It seems worth considering education and learning from the point of view of meaningful behavior of people in an ever-changing world, then the relevance of educational research will be visible in their synchronization, that is, in continuous tuning with current affairs and generating the future, including the values and judgments that researchers offer to society. This synchronization appears to depend on disciplinary and ethical adherence to the principles of relevance and reproducibility. They suggest a different kind of pedagogical study than a study based on the logic of influence. There are at least four complex consequences: the transition from a non-historical social science to a historical one; this is the need to understand the micro genetic manifestations of learning, including ontogenetic time frames (taking into account the life expectancy of people) and socio genetic time frames (taking into account changes in social groups); attitudes towards people, for the ethics of research goes far beyond technical and epistemological issues of informed consent and confidentiality; unlike theoretical, descriptive and explanatory studies, where the impact depends on late thought and response, interventional studies establish the impact already in direct connection and cooperation with participants and autochthonous conditions.

¹ © Колесников А. С., 2021

Keywords: human development, improvement of pedagogy, polyphonic research, philosophy, research methodology, social context

For citation: Kolesnikov A.S. (2021) Pedagogical research: relevance and demand. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 306–318. (In Russ.)

Введение

Разговор об улучшении образования волнует не только учителей, школьников и студентов, родителей, политиков и различных профессионалов, но и всех тех, кто заботится об образовании как о залого совершенствования производства, увеличения экономического потенциала государства, улучшения положения молодых и старых в более справедливом обществе в поляризованном мире. Последнее время в нашей стране активно осваиваются «точки роста», предпрофессиональные классы с лабораториями, компьютерами, оснащенными по последнему слову техники школы, колледжи, вузы. Инфраструктура важна, но главное – это педагогические коллективы.

Этот учебный год они встречают более оптимистично и уверенно, чем прежний. Прошел сложный период, вызванный коронавирусной пандемией, которая оказала серьезное влияние на все сферы современной жизни, отразилась и на образовательной деятельности. Новые условия привели к поиску эффективных решений. Школы и учащиеся были обеспечены компьютерами и связью, широко распространение получили цифровые образовательные ресурсы. И сегодня уже понятно, как организовать смешанное обучение, как выстроить лучше очное – с учетом введенных ограничений в ряде городов и населенных пунктах. Идут стремительные перемены и в сознании школьников всех уровней, имеющих клиповое мышление, способных к многозначным задачам с использованием информационных технологий. Интернет-пространство способствует приобретению дополнительных возможностей, чтобы определиться с мотивацией и целями, больше опираться на самообразование, и вести поиск дополнительных знаний.

Ситуация

В быстро меняющемся мире профессия педагога претерпевает существенные изменения. Новые запросы в системе образова-

ния, глубокое проникновение гаджетов и Интернета в повседневную жизнь, растущая популярность концепции непрерывного образования (Lifelong Learning), набирающий обороты формат смешанного обучения – лишь некоторые из факторов, трансформирующие традиционную модель взаимодействия между педагогом и учеником. Сегодня преподаватель должен быть и координатором, и практиком, и наставником, обладать развитым эмоциональным интеллектом, цифровой грамотностью, умением и желанием не только учить, но и непрерывно учиться самому.

Чтобы проследить, как меняются ученики, нужно взглянуть на них через призму поколенческого подхода и обратиться к ценностному профилю так называемого поколения Z, к которому и относятся наши сегодняшние школьники и студенты. Для «зумеров» становится актуальной виральность – то есть не прямой обмен «знания-оценки», «знания-знания» или «знание-деньги», а процесс обмена. Это понятие подразумевает, что образовательная деятельность влияет на статус в социальных медиа и в виртуальном пространстве.

Образование в большей степени стало дигитальным, почти ушло в онлайн. До ковидной эпидемии оно существовало несколько лет, но в пандемию прошло проверку боем. Здесь смешанные чувства: одни открыли для себя возможности, до которых они дошли бы чуть позже; другие разочаровались. Третьи интенсивно стали развивать эти ресурсы, типа «Яндекс.Учебник», исследовательское бюро Edutainme, конференций EdCrunch, на которых рассказывали о самом передовом в мировом образовании. Развивается проект Натальи Чеботарь «Нормальная школа» – в сфере онлайн-дополнительного образования: литературу здесь изучается через киносценарии, с Аристотелем знакомятся через виртуальные миры, а Конституцию исследуют не только как правовой документ, но и как интересный текст.

Оказалось, что трудности дистанционной

учебы не только в нехватке персональных компьютеров, планшетов, смартфонов, а бедствия создает человеческий фактор в многоступенчатой системе образования. Лекции – ещё не обучение. Необходим прямой доступ школьника к учителю. Так стали развиваться проекты типа «Сириус»: дети не просто приезжают в лагерь, но и после смены продолжают общаться с преподавателями, мировой ресурс «Курсера», на который университеты выкладывают свои курсы. В России с 2015 г. работает «Открытое образование», где можно пройти обучение Вышки, МГУ, ИТМО, СПбГУ и т. д. Сама цифровизация образования касается возможностей решения проблем, которые возникают у разных пользователей – учителей, предметников, у администрации школ и колледжей, управленцев в образовании, у родителей. Учеба (как и работа) должна стать интересной, когда удастся перейти невидимую черту: от кайфа, получаемого в развлечении, к кайфу от труда. Кайф – это счастье в познании мира, себя самого и общества. У него по меньшей мере четыре пути – путь ощущений, разума, традиций и интуиции. Если путь разума включает профессиональную деятельность, достижения, учёбу, карьеру, развитие, то последний реализуется через смыслы, желания, планы на будущее, ценности и принципы.

На первый план вышли рекомендации и исследования всевозможных институтов, касающихся сферы образования. Ожидается, что они дадут научную информацию для продолжающихся дебатов о хорошем образовании и обучении на протяжении всей жизни, в частности, в нынешнем поляризованном мире. На пересечении таких дисциплин как педагогические исследования, педагогическая психология, науки об обучении и связанные с ними развивающие, поведенческие, социальные, предметные и организационные дисциплины, образовательные исследования стали устоявшейся областью. Однако большие ожидания связаны с повторяющимися опасениями по поводу его актуальности (Farley-Ripple et al., 2018). Мы видим различные критические замечания, например, что результаты исследований не считаются полезными, применимыми, обобщаемыми или воспроизводимыми (Broekkamp & van Hout-

Wolters, 2007; Kim, 2019; Vanderlinde & Van Braak, 2010).

Эти жалобы иллюстрируют то, что ученые в области образования из Европы и Северной Америки видят в качестве тенденции оценку актуальности на основе результатов и местного или длительного воздействия на общество. Такая же ориентация на эффекты очевидна в обзорах исследовательских предложений и публикаций. Они могут оказывать воздействие на общество, но не являются подходящим руководящим принципом для достижения или оценки актуальности. Влияние фокусируется на том, что происходит с итогами и игнорирует, в первую очередь, какие результаты исследований должны быть от них. Возможно, что исследование окажет серьезное влияние, но, возможно, будет оспариваться (Hattie, 2009). Синтез метаанализов стал очень популярным, но литература изобилует критикой его подхода и нежелательных последствий (Vergeron & Rivard, 2017). Другой пример – исследование стилей обучения, которое также оказало значительное влияние на общество. Однако некоторые оспаривают концепцию стилей обучения и сетуют на основанную на ней индустрию оценивания (Kirschner & van Merriënboer, 2013). Можно также представить исследовательский проект, результаты которого отрицательны или не готовы к распространению. Тогда самым мудрым решением будет не пытаться повлиять на образование. Учитывая текущее внимание к влиянию, человек должен быть сильным в сопротивлении этому призыву как главному основанию для оценки релевантности, особенно если в первоначальном предложении исследования были обещаны горы.

Согласимся, что существует проблема релевантности, но это более важно, чем разочаровывающие результаты или влияние. Релевантность можно определить как «отношение к рассматриваемому вопросу» (Merriam-Webster, nd.). Стоит разделить актуальность образовательных исследований с точки зрения ключевых вопросов и отношения исследователей к ним. Так возникают отклики: какова природа обучения? Что происходит и что имеет значение, когда дело доходит до образования в современном обще-

стве? Как исследователи в области образования определяют, реагируют и вмешиваются в то, что происходит и имеет значение в образовании и процессах обучения на протяжении всей жизни? Задавая эти вопросы, мы присоединяемся к критическим дискуссиям в этой области (Bang & Vossoughi, 2016; Roth, 2018). Поскольку онтология включает в себя эпистемологию и аксиологию, это означает, что рассмотрение онтологии по своей сути включает такие вопросы: как мы узнаем и каковы последствия знания? Какие ценности и взгляды мы сообщаем и как мы приходим к ним? Ответ на последний вопрос требует, чтобы мы уделяли особое внимание местам исследований социальных и экономических систем, сетей власти, истории и других позиций, которые, как известно, формируют точку зрения в научных работах. Но, что делает их актуальными и стоящими для проведения, даже если еще не ясно, насколько полезными будут результаты или продукты, или какое влияние они окажут. Иными словами, необходимо точное представление о природе и целях исследований в области образования (Winch, 2001).

Концептуализация релевантности не принимает ни одной стороны в отношении того, какая форма исследования более актуальна; она не предназначена для предложения конкретных тем или методологий, а для того, чтобы предложить ученым-педагогам подход, позволяющий решить вопрос о том, какое исследование является значимым. Вначале требуется четкие утверждения о природе обучения и воспитания. Известно, что образование и обучение – это особые виды исторических и движущихся явлений, которые имеют и отрицательные черты. Исходя из критических взглядов на философию и социологию, можно предложить подход, который вправе назвать *онтологической синхронизацией*. Он влечет за собой соблюдение двух принципов: актуальности и генеративности, где первый – это постоянное внимание к тому, что происходит и имеет значение в настоящем и присутствии людей, а второй – понимание того, какое будущее им предлагается в определенных условиях в обществе, и в том числе в исследованиях.

Онтология значимых поступков

Будем исходить из того, что ключевым в сути образования является человеческий и естественный мир, каким он есть и каким он становится. Образовательные исследования связаны с бытием в *движении* – с переходами во времени, которые могут быть такими маленькими, как изучение нового слова, такими длинными и широкими, как коллективное развитие практик из поколения в поколение, и такими большими, как глобальный переход к онлайн-образованию, благодаря вспышке пандемии. *Смысл* таких переходов находится в собственных народных *движениях*. Они определяются более конкретно людьми, действующими с определенных *позиций* в мире (например, институциональное положение ученика или учителя) с определенными *целями*, определены сами по себе (например, как студенты, желающие стать врачами) с возникающим *потенциалом* в будущем.

Идея обучения и образования, как относящихся к осмысленным поступкам в движении, наряду с множеством позиций, целей и возникающего потенциала, является неким синтезом исследований многих ученых. Например, и Дьюи (Dewey, 2013) (Original work published 1915); Dewey, 1916; Dewey, 1938); и Выготский (Vygotsky, 1980) описали обучение и развитие как процесс, начинающийся с определенных позиций (например, ребенок определенного возраста, с определенными интересами и способностями, находящийся в какой-либо семье, с ситуации внутри более крупной социальной системы, которая определенным образом стратифицирована) и всегда движется в определенных одушевленных направлениях (например, под руководством родителей или учителей). Эти указания могут быть более или менее мотивированными и преднамеренными, но во всех случаях у них есть цели; они значимы просто потому, что они основаны на индивидуальных и коллективных историях (то есть как пережитые, фиксированные, переосмысленные), и оценены людьми и обществами с учетом историчности и некоего предвосхищения.

Таким образом, образование является нормативной практикой и по сути своей яв-

ляется политической; его идеальная форма и организация могут различаться и развиваться в зависимости от учреждения, общества и с течением времени, в зависимости от основных социальных мотивов и целей (Biesta, 2015; Dewey, 1915/2013). Как и несколько современников в области психологии и философии (например, Михаил Бахтин, Уильям Джеймс, Джордж Герберт Мид), Дьюи и Выготский подчеркивали, что, несмотря на мотивы людей и обществ, результаты в конечном итоге открыты. Суть образования, как пространства для обучения и развития, состоит как раз в том, что оно может принести людям что-то новое. Тогда обучение – это не процесс изменения с заранее определенной конечной точкой, а движение из позиции с целями, где потенциал по определению открыт.

Понятие потенциала соответствует идее обучения, как разворачивающегося с течением времени в мире (Bakhtin, 1981, 1993; Dewey, 1916), будучи, возможно, обширным. Такой развертывающийся характер обучения указывает на то, что речь идет не только о значимом движении (например, процесс обучения, имеющий место в контексте и практиках или между ними; (Akkerman, & Bakker, 2011), но и о значимой деятельности в *движении* (Bang, 2020). Здесь термин «движение» относится к продолжающемуся и необратимому процессу перехода в пространственно-временных местоположениях, который постоянно ведет к новым (не) возможностям, возникающим внутри, между людьми и вокруг них (Bakhtin, 1981, 1993) и с более или менее преемственностью направлений во времени (Akkerman, & Meijer, 2011). Макдермотт и Пи пишут, обучение – это «работа, которую люди делают, рефлексивно реорганизуя прошлое, уходящее в будущее» (McDermott & Pea, 2020. P. 105). Говоря более конкретно, обучение – это не только обнаружение и достижение определенного места на горизонте, как в «Я надеюсь стать космонавтом и полететь на Марс», но и движение к горизонту, который уже меняется вместе с любым движением к нему.

Наряду с людьми, учреждениями и обществами, которые с нетерпением ждут того, чем они намерены или надеются стать, ис-

следователи в области образования также ожидают и надеются. Обычно они исследуют достигают ли отдельные лица или коллективы намеченной учебной цели, квалификации или желаемого положения в обществе и каким образом, с предпосылкой, что такие новые должности позволят им делать то, что они не могли делать раньше. Часто исследователи следуют здесь логике (включая цели) людей, занимающих определенные должности, конкретных условий (например, школа, досуг, рабочее место), учреждений (образовательных, компаний) или программ и политик в более широком смысле (например, в отношении таланта, цифровой грамотности, инклюзивности, участия сообщества). Они также встроены в сети влиятельных отношений с другими людьми, организациями, и учреждениями. Становится видно, как образовательные исследования сами по себе являются частью бытия: они определяют в своем собственном настоящем и контексте то, что кажется важным для будущего людей и обществ.

Проблема онтологизации осмысленных поступков

Хотя взгляд в будущее вместе с обществом, кажется, обеспечивает актуальность образовательных исследований, онтологизация процессов – акт превращения их в определенный объект для изучения – ставит под угрозу актуальность. Объективация процессов сразу же сужает будущее, которое уже предполагалось заинтересованными сторонами в сфере образования или исследователями с точки зрения некоторого желательного направления, вместо того, чтобы рассматривать движения как нечто естественное для людей и мира, непрерывно во времени и пространстве, также независимо от исследований и в потенциальные альтернативные и новые направления, которые могут быть предусмотрены или предвидены вмешательством, формой или гипотезой исследователя. Возможно, объективизация процессов необходима для того, чтобы иметь возможность следить за изменениями и конкретными событиями (например, отсеив студентов из программ высшего образования).

Дело в том, что образовательные иссле-

дования часто изображают объективацию как нейтральный акт. Однако Пашлер пишет: «Мы были выбраны *психологической наукой в интересах общества*, как можно более беспристрастно оценить научные данные, лежащие в основе практического применения оценки стиля обучения в школьной среде» (Pashler et al. 2009. P. 106). Любое предположение о нейтралитете, как неоднократно утверждается в различных дисциплинах, является искусственным, но также проблематичным и, возможно, вредным. Оно упускает из виду, что объект исследования касается людей и мира, в котором укоренились точки зрения, возможно противоречащие тому, как исследователь начинает рассматривать, изучать людей и их окружение. Предложения о нейтралитете игнорируют то, что ученые сами являются субъектами объектов исследования, то есть уже информированны и позиционируются обществом определенным образом. Призывы к нейтральности затемняют нормативный характер всех исследований, а также позиции и точки зрения, которые всегда высказывают ученые. Подводя итог, можно сказать, что объективизация сопряжена с риском игнорирования как человеческой, так и моральной природы исследования.

Развивают ли людей предметные рамки в меняющихся обществах?

Как известно, опредмечивание значимой деятельности происходит в нормативном пространстве: оно опирается на особую логику, определяющую исходные позиции изучаемых групп и индивидов, цель, на которую их движения ориентированы или должны быть ориентированы, и потенциал, который, как ожидается, появится в результате этой деятельности. Так, изучение учащихся в области профессиональных навыков, как бы подготовили их особым образом с учетом настроек и новых политик, и программ в обществе (Akkerman & Bakker, 2019). Тем не менее, у самих молодых людей могут быть другие взгляды на должности, которые они занимают или должны занимать, причем помимо академических и карьерных мотивов, которые определяют их действия (например, более насущные цели, связанные со здоровьем, семьей или религией). Фактически все

подростки, за которыми наблюдали в ряде проектов по интересам, сообщили, что имеют множество академических, развлекательных и семейных интересов, которые они одинаково ценят при принятии сбалансированных решений в области учебы и карьеры (Vulperhorst et al., 2020).

Хотя логика, по которой исследователи начинают свои работы, может быть оправдана отходом от социальных намерений в целевой обстановке или вмешательстве, или любой правдоподобной теории, вытекающей из аргументации или предыдущих исследований. Эта логика по своей сути частична и частная и поэтому может вступать в противоречие с альтернативными способами исследования, анализу того, кто такие люди и к чему они должны стремиться. Образовательные исследования постоянно выносят суждения о людях, связанные с заранее присвоенными им ярлыками (например, студенты, учителя или эксперты), но часто также путем их четкой квалификации как средних, исключительных, проблемных или идеальных, с такими понятиями как обычные, талантливые, эмотивированные, устойчивые, маргинализированные или «подверженные риску» ученики, бросившие школу, знающие учителя или адаптивные эксперты. Поступая таким образом, мы концентрируем определенные позиции и цели над другими, тонко принимая или усиливая ценность и потенциал, приписываемые им посредством исследований.

Напротив, имея в виду бытие значимых движений, мы можем видеть мир как управляемый множеством логик, сообщающих, что, как и почему люди живут в определенных направлениях. На уровне личной экологии не только образовательная среда, но и семья, сверстники и окрестности создают позиции, цели и планы на будущее вместе с идеями о том, как сказать свое слово в школе, при изучении предметов, как сделать образовательный, профессиональный или альтернативный выбор. На общественном уровне образовательные учреждения, клубы досуга и компании формируют инфраструктуру с различными представлениями о том, кем являются или должны стать их ученики, учителя и сотрудники. Также материалы,

наше собственное тело и природа призывают действовать определенным образом, их простое присутствие и условия, например, уже просят нас позаботиться о них (например, изменение климата). Хотя многие логики подталкивают и наводят людей (онтология как «полилогия»), что они являются агентами, создающими собственное ощущение себя и мира. Это означает, что люди всегда уникальны в своих ответах и всегда лучше, чем о них думают другие. А это означает, что они могут как подчиняться, так и игнорировать или противодействовать тому, что им предлагают или от них ожидают. Кроме того, воображать и создавать вещи или находить позицию, цель и потенциал, еще не заложенные для них.

В свете такой полилогической, творческой и подвижной онтологии любая объективация людей в рамках ожидаемого или предполагаемого процесса обучения и развития является частичной и частной, следовательно, потенциально несправедливой (Bang, & Vossoughi, 2016). Но даже само понятие справедливости требует внимания к множественности. Например, в контексте политики инклюзивного образования, включение тех, кто исключен, также сопровождается парадоксальной формой исключения в виде «включения», создавая совокупное позиционирование индивидов. Так в контексте совместных исследований, пространство для множественности и разнообразия позиций на коллективном уровне всегда проявляется в противоречии с множественностью и разнообразием позиций на индивидуальном уровне, бросая вызов открытому диалогу не только между некоторыми «Мы» или «Я», но и между многими «Я в Мы» и многими «Мы в Я». Проблема, с которой сталкивается объективация, также отражается в исследованиях образовательной инфраструктуры, и таких замыслов как «проблемное образование», «сообщества практиков», «школы профессионального развития». При проведении работ учёный рискует упустить из виду не только то, что, как и почему обстановка стала такой, какая она есть, но также и то, что привлекало преподавателей и студентов в их повседневную, многоголосую и межпоколенческую практику.

Особенность и пристрастность в объективации людей и условий не только показывают нормативное пространство, в котором проводятся исследования, они также становятся важными, поскольку раскрывают методы, используемые для отслеживания, картирования и оценки перемещений, включая решения о том, какие области жизни людей и настройки отображаются видимыми, а какие части остаются невидимыми. Так формируются заключения и оценки того, достигнуты ли цели и ожидаемый потенциал людей и условий. Образовательные исследования часто проходят с заявлениями о том, «что это работает», иногда довольно конкретным образом, на основе чего принимаются долгосрочные решения, связанные с программами и политиками.

Вопрос в том, позволяют ли частичные перспективы исследователям делать такие смелые и устойчивые заявления. Любой проект многое упускает, если он сосредотачивается, например, на целевом развитии интереса к предмету. Рассмотрев жизненные перспективы участников, можно увидеть различные интересы. Признание того, как подростки искали свои собственные, часто гибридные, должности и цели в различных дисциплинах и других сферах жизни показало, как они могут быть успешными в их собственных отношениях (Vulperhorst, van der Rijst & Akkerman, 2020). Осведомленность об особенностях и пристрастности исследовательских перспектив также требует более критического отношения к желанию контролировать обучение, которое часто отражается в образовательных исследованиях. Так вмешательства срабатывают в достижении намеченных результатов «в людях» с поразительной линейностью причинно-следственных связей (Akkerman & Bakker, 2019). Мы видим это в желании предсказать убеждения, поведения или пути людей, а также в предпосылках анализа воспроизводимости. Учёные часто выражают разочарование, когда их модели объясняют свою вариативность, когда условия не показывают значительных различий или, когда, в случае исследований воспроизводимости, результаты противоречат друг другу (Herrington & Maynard, 2019; Lortie-Forgues & Inglis, 2019).

Примечательно то, как ученые часто обвиняют используемые методы, ставя под сомнение, например, надежность или внутреннюю валидность используемых операционализаций и методов измерения, тогда как результаты могут также раскрыть проблему с иной стороны (Sfard, 2008) для контекстно-исторической интерпретации.

Подвижное бытие неизбежно приведет к различным результатам у разных людей и обнаружит, что репликация с течением времени также будет изменчивой. Люди и общества меняются вместе с целыми базами знаний, технологиями, сетями, учреждениями, профессиями, мотивами и даже концепциями обучения и образования. Конечно, на социальном, культурном и экологическом уровнях мир не обязательно меняется быстрыми темпами; он также обладает стабильностью и даже упорной системностью, благодаря своей историчности, реляционности и естественной среде.

Есть утверждение, что образовательные, вместе с другими социальными науками, были слишком ориентированы на естественные науки вместе с онтологическими предположениями о людях как взаимозаменяемых элементах, которые нужно изучать объективно. Такая ориентация порождает желание отобрать людей для исследования и сделать их нейтральными; в процессе работы рассматривать как токены какого-то рода, а затем целенаправленно или случайным образом отбирать людей, группы и параметры в качестве участников для нашего исследования, называть их успешными или неудачными поставщиками данных в наших измерениях чего-либо, и, в конечном итоге, как общие или отклоняющиеся точки данных, которые должны быть включены или исключены в категориальные агрегаты или статистические модели, к которым стремятся исследователи (Gutiérrez & Rogoff, 2003).

Назовите это эффектом казино, заключающимся в обмене денег на фишки, с эффектом потери чувства вреда от трат и, возможно, потери фишек. Этот бесчеловечный эффект примечателен тем, что образовательные исследования судят о людях и их будущем. Чтобы вернуть внимание к человеческой и моральной природе исследований в

области образования, необходимо также рассмотреть самих себя как части того, что мы изучаем.

Как отражает объект логику и положение исследователей в обществе

Как известно, исследователи не являются нейтральными наблюдателями, а участниками систем, привнося отчетливые и наблюдаемые дисциплинарные перспективы в отношении того, что, как, почему и где они изучают свой объект (Flyvbjerg, 2001; Latour & Woolgar, 2013; Star, 2010). Чтобы увидеть моральное значение этого, мы подчеркнем, что, определяя какое-либо явление или тему, как объект исследования, ученые становятся его субъектом, посвящая ему свое время и ресурсы, легитимируя объект, предоставляя с научным интересом и авторитетом свой способ рассмотрения и оценки людей и мира. Какой же логике следует учёный как субъект в этом процессе объективации? Здесь имеет значение его базовая позиция в области образования.

Естественно, образовательные исследования обычно ориентированы на текущие проблемы и надежды на будущее и, следовательно, уже основаны на том, что волнует общество. Ученые часто следуют идеям и намерениям диктуемых условиями, программами или политикой, иногда с явными ссылками на потребности в знаниях, выраженные заинтересованными сторонами. Учитывая эту тенденцию, работы в области образования организованы, как правило, в соответствии с инфраструктурой, которую они изучают. Эпистемические культуры Карин Кнорр-Цетина использует как инструмент анализа форм познавательной деятельности в науке (Knorr-Cetina, 2009) в форме групп с особыми интересами, ориентированным на определенные учебные заведения, уровни, школьные предметы, определенные академические дисциплины или на «неформальные». «Профессиональное» или «пожизненное» обучение как области жизни, явно отличаются от формального школьного. Такая структура исследовательской практики показывает, как ученые не только индивидуально, но и коллективно берут на себя обязательство изучать определенные части обучения и воспитания. Не-

смотря на такие преимущества, как специализация и продвижение знаний в данной области, долгосрочное участие и должности исследователей несут дополнительные риски, связанные с объективизацией.

После того как ученые обосновались в какой-либо области, а также преуспевали в ней, они могут почувствовать, что у них достаточно оснований и аргументов, чтобы продолжить исследование в этом направлении. Они рискуют упустить из виду свою собственную роль в принятии осознанного решения в отношении такого направления исследований, а также избежать ответственности за свою точку зрения и «категориальные платформы», которых они придерживаются. Так упускаются из виду образовательная инфраструктура и инфраструктура параллельных исследований. Акцент на учебных заведениях, предметах, дисциплинах и уровнях образования, даже если они кажутся всеобъемлющими, также делает невидимым то, что находится между этими разделами или за их пределами, включая все горизонтальные и вертикальные движения, которые «учащиеся» и «профессионалы» совершают в школе и на работе, и за ее пределами.

Обзор относительно недавней литературы о переходах и пересечении границ (Akkerman & Bakker, 2011; Bronkhorst & Akkerman, 2016) говорит о том, насколько много может быть поставлено на карту именно в таких переходах, когда люди чувствуют не только преимущество, но и разрывы в том, кем они должны или хотят стать. Широкий акцент, который в настоящее время делается на потребности в более личностно-ориентированных, агентных и внутрииндивидуальных исследованиях, кажется, позволяет этой области преодолеть то, что она потеряла в своей сегментированной логике: люди как целые личности, для которых обучение и развитие не обязательно ограничены заданиями и временными периодами, в которые мы их обучаем и изучаем. Конечно, риск фрагментированной работы, основанной на бытующих потоках и стандартах исследований, остается. Очевидно, что несправедливость является наиболее устойчивой и нерешенной проблемой в сфере образования, поскольку, как убедительно утверждают ав-

торы (Nzinga et al., 2018), является и будет оставаться в значительной степени невидимым, просто уже до тех пор, пока исследования в области образования продолжают стремиться к выборкам участников, которые обеспечивают достаточную «статистическую мощность» для предполагаемого анализа.

Синхронизация практики, актуальности и интереса

Если область образовательных исследований не стоит и не действует вне общества, значит это практика, ориентированная на общество и внутренне вложенная в него. Следовательно, обеспечение релевантности – это разговор о качестве понимания исследователями того, что происходит и что имеет значение сегодня. При этом, любое воплощение до некоторой степени может упростить или игнорировать вопросы, которые все же имеют реальные человеческие и моральные последствия.

Что же тогда обеспечивает актуальность? Образовательные исследования связаны с движущимся бытием и релевантность требуют *бытийной синхронизации*: непрерывной диалогической настройки на то, как люди, окружение и их социальный ландшафт осмысленно продвигаются вперед. Настроенность – не сходство в какой-то конечной точке, а непрерывный процесс вовлечения, слушания и ответа с готовностью слушать и отвечать снова. Она полифоническая, а не синхронная с «одной нотой»; как и музыканты в ансамбле, играющие вместе, настройка может включать гармонию, диссонанс и прерывание регулярного потока ритма. Это постоянное усилие принимает разные формы. Она начинается еще до начала работы и не заканчивается, когда заканчивается проект. *Еще до* исследования вопрос состоит в том, на какие темы мы склонны ориентироваться и с какими допущениями и категориями. Задача состоит в том, чтобы иметь возможность пересмотреть то, что имеет значение, не придерживаясь предыдущих выводов о неотложных проблемах, темах исследования или соответствующих методах ради их существования или накопления знаний.

Мы исходим из того, что мир и дела меняются. Таким образом, выгода «предпро-

ектной» работы – это и время для (повторно-го) рассмотрения того, что есть в различных обществах, сферах, практиках или местах, прежде чем строить планы. В процессе исследования, и пока оно продолжается, проблема кажется более тонкой, с вниманием к справедливости принятого подхода и гибкостью, чтобы изменить его, когда это необходимо, особенно когда тема, образец, категория, концепция, мера или отношение к участникам, похоже, несправедливо относится к тому, что происходит и имеет значение. После исследования и публикаций не стоит утверждать, что идеи и выводы окончательные. Ссылки на предыдущие работы или опора на них, требует учёта ситуативного характера, но также и с точки зрения её исторической специфики (Bang, 2020). Это подразумевает нюансирование «того, что работает», на «то, что когда-то работало», для кого, когда, где, как и для какой цели» и с какими широкими возможностями» (Engeström, 2015).

Пример такой синхронизации можно увидеть при исследовании обучения детей в процессе образования и того, как взрослые профессионалы поддерживали это обучение в рамках партнерства между музеем науки и внешкольной программой. Подобная синхронизация предполагает иной вид педагогического исследования, чем то, которое основано на логике воздействия. Здесь по крайней мере четыре сложных последствия: переход от неисторической социальной науки к той, которая по определению является исторической, то есть намеренно адаптируется к тому, как явления появляются и проявляются в определенные эпохи, с участниками, а также с нами, как с соответствующими историческими акторами (Bakhtin, 1981, 1983; Biesta, 2015).

Второе, это необходимость понимания микрогенетических проявлений обучения и развития как процессов на протяжении всей жизни, которые не могут быть осмысленно поняты только на определенных выборках и ограниченных периодах наблюдения. Исторически значимый анализ обучения и развития всегда требует временных рамок, включая онтогенетические временные рамки (т. е. учет продолжительности жизни людей) и социогенетические временные рамки (т. е. учет

изменений в социальных группах, экологии и культурах) (Cole, 2016). Такие широкие генетические перспективы важны для восприятия и понимания того, где позиции, цели и потенциал значимо меняются с течением времени, а также для определения того, где возникают новые, более отдаленные явления, которые начинают более тонко изменять реальные условия и будущие ориентации людей. или глобальные (изменением климата, робототехникой, квантовыми компьютерами, фейками, или инвазивной пандемией COVID-19, которая внезапно изменила условия обучения для всех на планете).

Третий вывод касается нашего отношения к людям, которых мы изучаем, и связанной с этим этикой исследования. Дело в том, что работы в области образования являются в основном человеческим делом; объект образовательного исследования касается субъектов (Roth, 2018) людей с более свободной жизнью и собственными взглядами, которых мы изучаем, для которых исследование может иметь долгосрочные последствия. Есть и непосредственная связь между исследователями и участниками как *субъектами*. Людей не просто отбирают, а *приглашают в качестве участников*, и работа зависит от их участия: они тратят время, энергию, готовность отвечать и раскрывать себя, т. е. следование мотивам, обоснованиям и подходам ученых. Так этика выходит далеко за рамки технических и эпистемологических вопросов информированного согласия, конфиденциальности, хранения данных и прозрачности отчетов. Она включает этические вопросы изучаемых, их положение и условия, а также и собственную культурно-историческую позицию ученого. Непосредственность отношения дает возможность признать голоса участников, их интерпретацию, актуальность или уместность.

Четвертое следствие бытийной синхронизации связано с тем, как мы стремимся к результату исследования и справляемся с ним. Полилогическая и подвижная онтология требует осторожности с обещаниями или заявлениями о воздействии, вплоть до нескольких веков. В качестве эпистемических продуктов теории, концепции и открытия являются инструментами осмысления для ученых

и общества; их можно переоткрыть, перефразировать или изменить с учетом новых условий и наблюдений, поэтому их значение и ценность будут зависеть от использования и контекста (Star, 2010). В отличие от теоретических, описательных и пояснительных исследований, где воздействие зависит от запоздалой мысли и реакции, интервенционные исследования устанавливают воздействие уже в непосредственной связи и сотрудничестве с участниками и местными условиями. Например, исследования действий, исследования дизайна и трансформационные методологии (Gutiérrez & Jurow, 2016) используются для изменения образовательной практики во время работы в прямых и формирующих отношениях и сотрудничестве с участниками и учреждениями. Такая тесная связь может разрушить полилогический взгляд и собственную точку зрения.

Чтобы избежать ряда неверных выводов, необходимо бытийной синхронизации сознательно опираться на два дисциплинарных принципа: актуальность и порождаемость. *Принцип актуальности* означает внимательность к настоящему и присутствие людей и условий, которые мы изучаем. А также должен побудить ученого рассмотреть человечность, историчность, свободу действий, множественность и случайность в осмысленном движении людей на практике (Roth, 2018). Это подразумевает как логика в исследованиях соотносится с жизнями людей в определенный момент времени (например, в школьном исследовании усвоения математики можно было бы рассмотреть другие предметы, условия, процессы и ожидания ребенка, беспокойства? А вписывается ли математика в эту картину?).

Или, чтобы синхронизировать такие вопросы со временем COVID-19, значит сообщать о тенденциях во всем мире. Как мы видим, существует стремление к переориентации и реорганизации образовательных систем, чтобы исправить все «отставание». Но и здесь стоит обратить внимание, что студенты как-то заботились о себе и учились, не получая «формального» образования. Сидя по-прежнему дома, они осмысленно двигались в довольно радикальном направлении и, вероятно, тоже узнали много разных спо-

собов: о мире, о науке и обо всех дисциплинах, которые утверждали, что знают, как лучше всего бороться с этим вирусом, о своих соседях, о своих родственниках и о себе. Это, по крайней мере, заслуживает вопроса о том, что для людей стали значить школа, работа и академическая успеваемость. Таким образом, актуальность в первую очередь заключается не в выявлении актуальных тем, а в подчинении и открытии своей эпистемологической и ценностной перспективы бытия более широких жизней людей, какими они есть и всегда становятся новыми. Такой принцип позволяет более обоснованно интерпретировать данные о людях.

Принцип генеративности означает отзывчивость к тому, что создается в будущем, как заботы о том, что дает жизнь и вносит в мир потенциал для дальнейшего развития, хотя и непредсказуемым образом. Ценность порождаемости, отзывчивости и заботы о будущем подчеркивалась и в других областях, в том числе в социальном дискурсе, психосоциальном развитии и социальных изменениях (Bakhtin, 1981; Erikson, 1980; Magatti, 2017). В контексте образовательных исследований речь идет о реакции на то, какие возможности и невозможности в позициях, целях и возникающем потенциале заново производятся людьми и для людей, включая то, какие виды интерпретаций и условий, совместно создаваемые научным трудом, возникают на этом пути. Таким образом, онтологически генеративность включает в себя заботу о том, какое значение имеет обучение для дальнейшей жизни людей в процессе развития и заботу о значении потенциально устойчивых структур для нынешнего и следующих поколений.

Принцип генеративности побуждает нас разумно и ответственно осмыслить нашу дисциплинарную свободу, дающую возможность разумно отклоняться от общепринятой социальной логики или собственных взглядов людей на самих себя; он не ограничивается обыденным осознанием, а предлагает знать альтернативы и потенциалы. Все это позволяет образовательным исследованиям быть актуальными и продуктивными, даже если их воздействие может быть не таким немедленным или заметным.

Список источников / References

- Akkerman S.F., & Bakker A. (2011) Boundary crossing and boundary objects. *Review of Educational Research*. No. 81(2). P. 132-169.
- Akkerman S.F., & Bakker A. (2019) Persons pursuing multiple objects of interest in multiple contexts. *European Journal of Psychology of Education*. No. 34(1). P. 1-24.
- Akkerman S.F., & Meijer P.C. (2011) A dialogical approach to conceptualizing teacher identity. *Teaching and Teaching Education*. No. 27(2). P. 208-319.
- Bakhtin M. M. (1981) *The dialogical imagination*. University of Texas Press.
- Bakhtin M. M. (1993) *Toward a philosophy of the act*. University of Texas Press.
- Bang M., & Vossoughi S. (2016) Participatory design research and educational justice: Studying learning and relations within social change making. *Cognition and Instruction*. No. 34(3). P. 173-193.
- Bang M. (2020) Learning on the move toward just, sustainable, and culturally thriving futures. *Cognition and Instruction*. No. 38(3). P. 434- 444.
- Bergeron P., & Rivard L. (2017) How to engage in pseudoscience with real data: A criticism of John Hattie's arguments in visible learning from the perspective of a statistician. *McGill Journal of Education*. No. 52(1), P. 237-246.
- Biesta G.J. (2015) *Good education in an age of measurement: Ethics, politics, democracy*. Routledge.
- Broekkamp H., & van Hout-Wolters, B. (2007) The gap between educational research and practice: A literature review, symposium, and questionnaire. *Educational Research and Evaluation*. No. 13(3). P. 203-220.
- Bronkhorst L. H., & Akkerman, S. F. (2016) Continuities and discontinuities in learning across school and out-of-school contexts. *Educational Research Review*. No. 19. P. 18-35.
- Cole M. (2016) Designing for development: Across the scales of time. *Developmental Psychology*, 52(11). P. 1679-1689.
- Dewey J. (2013) *The school and society and the child and the curriculum*. University of Chicago Press. (Original work published 1915).
- Dewey J. (1916) *Democracy and education: An introduction to the philosophy of education*. Macmillan.
- Dewey J. (1938) *Experience & education*. Kappa Delta Pi.
- Engeström Y. (2015) *Learning by expanding: An activity-theoretical approach to developmental research* (2nd ed.). Cambridge University Press.
- Erikson E.H. (1980) *Identity and the life cycle*. W. W. Norton.
- Farley-Ripple E., May H., Karpyn A., Tilley K., & McDonough K. (2018) Rethinking connections between research and practice in education: A conceptual framework. *Educational Researcher*. No. 47(4). P. 235-245.
- Farley-Ripple E., May H., Karpyn A., Tilley K., & McDonough K. (2018) Rethinking connections between research and practice in education: A conceptual framework. *Educational Researcher*. No. 47(4). P. 235-245.
- Flyvbjerg B. (2001). *Making social science matter: Why social inquiry fails and how it can succeed again*. Cambridge University Press.
- Gutiérrez K.D., & Jurow, A.S. (2016) Social design experiments: Toward equity by design. *Journal of the Learning Sciences*. No. 25(4). P. 565-598.
- Gutiérrez K.D., & Rogoff B. (2003) Cultural ways of learning: Individual traits or repertoires of practice. *Educational Researcher*. No. 32(5). P. 19-25.
- Hattie J. (2009) *Visible learning: A synthesis of over 800 meta-analyses relating to achievement*. Routledge.
- Herrington C.D., & Maynard R. (2019) Editors' introduction: Randomized controlled trials meet the real world: The nature and consequences of null findings. *Educational Researcher*, 48(9). P. 577-579.
- Kim J.S. (2019) Making every study count: Learning from replication failure to improve intervention research. *Educational Researcher*. No. 48(9). P. 599-607.
- Kirschner P. A., & van Merriënboer J.J. (2013) Do learners really know best? Urban legends in education. *Educational Psychologist*. No. 48(3). P. 169-183.
- Knorr-Cetina K. (2009) *Epistemic cultures: How the sciences make knowledge*. Harvard University Press.
- Latour B., & Woolgar S. (2013) *Laboratory life: The construction of scientific facts*. Princeton University Press.
- Lortie-Forgues H., & Inglis M. (2019) Rigorous large-scale educational RCTs are often uninformative: Should we be concerned? *Educational Researcher*. No. 48(3). P. 158-166.
- Magatti M. (Ed.) (2017) *Social generativity: A relational paradigm for social change*. Routledge.
- Makel M.C., & Plucker J.A. (2014) Facts are more important than novelty: Replication in the education sciences. *Educational Researcher*. No. 43(6). P. 304-316.
- McDermott R.P., & Pea R. D. (2020) Learning "how to mean": Embodiment in cultural practices. In N. S. Nasir, C. D. Lee, R. D. Pea, & M. McKinney de Royston (Eds.), *Handbook of the cultural foundations of learning* (pp. 99-118). Routledge.
- Merriam-Webster. (n.d.). Merriam-Webster.com dictionary. Retrieved June 15, 2021, from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/relevance> Merriam-Webster, nd.
- Nzinga K., Rapp D.N., Leatherwood C., Easterday M., Rogers L.O., Gallagher N., & Medin D.L. (2018) Should social scientists be distanced from or engaged with the people they study? *Proceedings of the National Academy of Sciences*. No. 115(45). P. 11435-11441.
- Pashler H., McDaniel M., Rohrer D., & Bjork R. (2008) Learning styles: Concepts and evidence. *Psychological Science in the Public Interest*. No. 9(3). P. 105-119.
- Roth W.-M. (2018) The invisible subject in educational science. *Journal of Curriculum Studies*, 50(3). P. 315-332.
- Sfard A. (2008) *Thinking as communicating: Human development, the growth of discourses, and mathematizing*. Cambridge University Press
- Star S. L. (2010) This is not a boundary object: Reflections on the origin of a concept. *Science, Technology & Human Values*. No. 35(5). P. 601-617.
- Vanderlinde R., & Van Braak J. (2010) The gap between educational research and practice: Views of teachers, school leaders, intermediaries and researchers. *British Educational Research Journal*. No. 36(2). P. 299-316.

Vulperhorst J.P., van der Rijs R.M., & Akkerman S.F. (2020) Dynamics in higher education choice: weighing one's multiple interests in light of available programmes. Higher Education. No. 79(6). P. 1001-1021.
Vygotsky L.S. (1980) Mind in society: The development of

higher psychological processes. Harvard University Press.
WinchC. (2001) Accountability and relevance in educational research. Journal of Philosophy of Education. No. 35(3). P. 443-459.

Информация об авторе

Анатолий Сергеевич Колесников, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9, Россия, kolesnikov1940@yandex.ru

Information about the author

Anatoly S. Kolesnikov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of History of Philosophy Department, St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, 7/9, Universitetskaya Embankment. St. Petersburg, 199034, Russia, kolesnikov1940@yandex

Вклад автора

Анатолий Сергеевич Колесников выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Anatoly S. Kolesnikov performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The final manuscript has been read and approved by the author.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.08.2021; одобрена после рецензирования 28.08.2021; принята к публикации 01.09.2021.

Information about the article

The article was submitted 15.08.2021; approved after reviewing 28.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Научная статья
УДК 378.147

Роль умения управлять своим временем студентами в первый год их обучения в вузе

Светлана Анатольевна Лысуенко¹

Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета «Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт», Нижний Тагил, Россия, slysuenko@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4769-2230>

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы, позволяющие сформировать представление о роли умения управлять индивидуальным временем студентами в период адаптации к условиям обучения в вузе. Описаны возможности успешной учебно-профессиональной адаптации первокурсников при наличии сформированных навыков тайм-менеджмента. Представлены результаты исследования, проведенного среди студентов первого курса Нижнетагильского государственного социально-педагогического института, целью которого стало определение условий успешной их адаптации к обучению в вузе. Установлено, что наличие сформированных умений управления своим временем позволяет молодым людям избежать трудностей в прохождении ими промежуточной аттестации. В качестве достигнутых индивидуальных результатов в первый год обучения студентами, владеющими навыками тайм-менеджмента, обозначено развитие (совершенствование) таких личностных качеств и способностей как ответственность и целеустремленность. Оценка первого года обучения в новых условиях различна у студентов с разным уровнем умения управлять своим временем. Учебный год оказался насыщенным и интересным в большей степени для тех молодых людей, которые не испытывают трудностей в управлении своим временем. В то время как студенты, которые не всегда могли эффективно распоряжаться таким ресурсом отметили, что учиться в вузе им сложно и оценили прошедший учебный год следующим образом – «Учебный год был трудным для меня, обучение в вузе – нелёгкая задача».

Ключевые слова: адаптация к обучению в вузе, студенты, управление своим временем

Для цитирования: Лысуенко С.А. Роль умения управлять своим временем студентами в первый год их обучения в вузе // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 319–325.

PEDAGOGICAL SCIENCES

Original article

The role of the ability to manage the time by students in the first year of their studying at the University

Svetlana A. Lysuenko

Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University «Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute», Nizhny Tagil, Russia, slysuenko@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4769-2230>

Abstract: The article discusses issues that allow to form an idea of the role of the ability to manage individual time by students during the period of adaptation to the conditions of study at a university. The possibilities of successful educational and professional adaptation of freshmen in the presence of formed time management skills are described. The article presents the results of a study carried out among first-year students of the Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute, the purpose of which was to determine the conditions for their successful adaptation to university studies. It was found that the presence of formed skills of managing their time allows young people to avoid difficulties in passing intermediate certification. The development (improvement) of such personal qualities and abilities as responsibility and dedication is indicated as the individual results achieved in the first year of study by students with time management skills. The assessment of the first year of study in the new conditions is different for students with different levels of ability to manage their time. The academic year turned out to be eventful and interesting to a greater extent for those young people who do not experience difficulties in managing their time. While students who could not always effectively manage such a resource noted that it was difficult for them to study at a university and assessed the past academic year as follows – "The academic year was difficult for me, studying at a university is not an easy task".

¹ © Лысуенко С. А., 2021

Keywords: adaptation to studying at a university, students, managing their time

For citation: Lysuenko S.A. (2021) The role of the ability to manage the time by students in the first year of their studying at the University. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 319–325. (In Russ.)

Введение

Как известно, одну из ключевых ролей в развитии личности играет профессиональное обучение. Именно в период профессиональной подготовки происходит профессионально-личностное развитие, отличающееся не только новой социальной ролью и новыми взаимоотношениями в коллективе, но и большей социальной независимостью, политическим и гражданским совершеннолетием (Зеер, 2006. С. 89). Важно понимать, что во многом конкурентный потенциал и конкурентоспособность личности обусловлены образованием, в особенности профессиональным (Шафранов-Куцев, 2019). Так этап профессиональной подготовки можно рассматривать, как целостную педагогическую систему, функционирование которой предполагает создание условий для развития специалиста на основе овладения необходимыми для будущей профессиональной деятельности знаниями, умениями и навыками, а также развития профессионально и личностно значимых качеств, обеспечивающих эффективность профессиональной деятельности (Черемискина, 2016). В свою очередь важно понимать, что в настоящее время знания устаревают очень быстро, поэтому профессиональная подготовка в вузе должна быть ориентирована на относительно широкую подготовку и обучение будущих специалистов навыкам пополнения, обновления знаний, умений и навыков по мере необходимости (Мамбаева, 2014).

Молодые люди, поступившие в образовательное учреждение высшего образования в условиях адаптации, вынуждены также анализировать имеющиеся у них индивидуальные личностные ресурсы, которые помогут не только приспособиться ко всему современному, но и стать успешными в освоении новой для них учебно-профессиональной деятельности. Во многом от имеющегося у вчерашних школьников личностного потенциала зависит успешность их адаптации к жизненному этапу – обучению в вузе. Безусловно, одной из его задач является раскрытие потенциала молодого поколения, как условия

готовности к конкуренции, т. к. подготовка конкурентоспособных выпускников является актуальной тенденцией, которая четко обозначена в текстах миссий университетов (Емельянова, 2016). В тоже же время приобщение молодых людей к практике управления своим временем способствует не только формированию у них профессиональных компетенций, но и позволяет повысить их конкурентоспособность (Грячева, Сироткин, Жукова, 2018). Оказавшись на рынке труда после окончания вуза, молодые специалисты столкнутся с ситуацией неопределенности и многозадачности, сориентироваться в которой позволят способности, умения и навыки рационального распределения времени (Силина, Залыгина, 2018).

Умение управлять своим временем – один инструментов, обеспечивающий высокую продуктивность индивидуальной деятельности человека в различных сферах его жизни (Архангельский, 2012; Лепилин, 2017; Кови, 2017; Зайверт, 2007). Профессиональное обучение и период адаптации к нему – не исключение. Организация собственного времени и управление им позволят первокурсникам минимизировать трудности, которых нельзя не избежать в первый год обучения в вузе. Говоря об умении управлять своим временем, конечно же, речь идет о тайм-менеджменте, суть которого заключается не только в продуктивном выполнении задач, при минимальном затрачивании усилий и получения качественного результата, но и раскрытии и развитии способностей человека, включающие в себя механизмы приспособления к новым условиям бытия (Данкова, Орешкова, 2017).

Методы

В мае 2020–2021 учебного года было проведено исследование среди студентов дневной формы обучения Нижнетагильского государственного социально-педагогического института, целью которого стало определение условий успешной адаптации студентов первого курса к обучению в вузе. Всего в

опросе приняли участие 299 студентов первого года обучения, что составило 87,9 % от общего объема первокурсников. Возраст респондентов составил от 17 до 22 лет, среди них 81 – юноши и 218–девушки. В качестве инструментария использовалась анкета, которая была реализована в формате Google форм. Результаты опроса подвергнуты количественному анализу, выполненному в программе SPSS Statistics 17.0, с применением статистических методов обработки данных (Наследов, 2008).

Результаты

Часть студентов столкнулась с трудностями в обучении, связанными со сложностями в освоении учебного материала (23,4 %), в прохождении промежуточной аттестации (18 %), а также с проблемами управления своим временем, как одного из условий успешного обучения в вузе (28,8 %). Интересным, на наш взгляд, является соотношение наличия сложностей в прохождении контрольных точек промежуточной аттестации первокурсниками и их умений управления своим временем (табл. 1).

Сравнительный анализ двух выборочных совокупностей дифференцированных по признаку «Трудности в управлении своим временем» указывает на наличие статистически значимых различий по показателю «Сложности в прохождении промежуточной аттестации» ($\chi^2 = 26,391$; $p \leq 0,001$). Данные результаты свидетельствуют о том, что одной из причин возникновения сложностей в период промежуточной аттестации, (среди которых необходимость освоить большой объем учебного материала в сжатые сроки, стресс, страх «провалить» сессию и пр.), является неумение распорядиться таким ресурсом как время. Всем известно, что отсутствие способности эффективного его использования может стать преградой на пути к достижению поставленных целей.

Не стоит также забывать о том, что управление временем и анализ временных затрат не только повышает шансы на достижение запланированного, но и придает уверенности в своих действиях, что находит свое отражение в осознании первокурсниками изменений в их индивидуальном профес-

сионально-личностном развитии, характерном для первого года обучения в вузе. Так студентам было предложено перечислить личностные качества и способности, которые, по их мнению, были приобретены или усовершенствованы в прошедшем учебном году (рис.1).

Как показывают результаты, чаще всего студенты-первокурсники отмечают, что в прошедшем учебном году у них развились (или усовершенствовались) такие личностные качества и способности как коммуникабельность (47,16 %), стрессоустойчивость (41,81 %), ответственность (39,8 %), самостоятельность (39,13) и умение работать в команде (38,8 %).

Интересными, на наш взгляд, являются результаты, полученные при выдвижении гипотезы о влиянии умения управлять своим временем на оценку студентами произошедших изменений в их профессионально-личностном развитии в период первого года обучения в вузе (табл. 2).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на изменение уровня развития личной ответственности и целеустремленности за период первого года обучения в вузе чаще всего указывают студенты, которые не сталкиваются с трудностями в управлении своим временем ($\chi^2 = 5,146$; $p = 0,016$ и $\chi^2 = 4,637$; $p = 0,039$ соответственно). Студенты, не испытывающие трудности с сознательным контролем времени, потраченным на достижение желаемых результатов, отмечают, что понимание субъективной обязанности отвечать за поступки и действия, а также их последствия, возросла за прошедший год. Также, во многом благодаря умению эффективно использовать время, более совершенной стала способность помнить о намеченных планах и не терять из виду сформулированные цели, преодолевать возникшие препятствия, а не отказываться от намеченного, встретившись с трудностями.

Характеристика первокурсниками прошедшего учебного года также позволяет сформировать впечатление о том, как проходит их адаптация к обучению в вузе. Именно удовлетворительное психологическое и физическое состояние студентов по итогам первого года обучения в новой среде являются

Таблица 1. Распределение признаков, характеризующих наличие сложностей прохождения промежуточной аттестации у студентов с разным уровнем умений управления своим временем
Table 1. Distribution of signs characterizing the presence of difficulties in passing the intermediate certification for students with different levels of abilities in managing their time

Название переменной		Трудности в управлении своим временем		Критерий χ^2 Pearson	p
		«Нет» (n=213)	«Да» (n=86)		
Сложности в прохождении промежуточной аттестации	«Нет» (n=245)	190 (63,5 %)	55 (18,5 %)	26,391	0,000
	«Да» (n=54)	23 (7,6 %)	31 (10,4 %)		

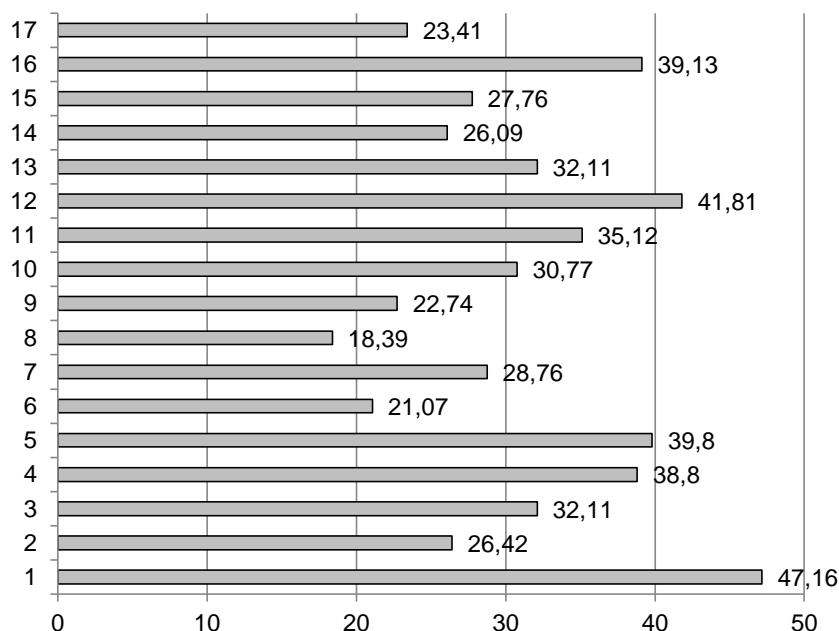

Рис. 1. Распределение личностных качеств и способностей, приобретенных (сформированных) в прошедшем учебном году
Fig. 1. Distribution of personal qualities and abilities acquired (formed) in the past academic year

Примечание: 1 – «Коммуникабельность», 2 – «Навыки самопрезентации», 3 – «Умение владеть собой», 4 – «Умение работать в команде», 5 – «Ответственность», 6 – «Стратегическое мышление», 7 – «Способность рисковать при необходимости», 8 – «Умение формировать команду», 9 – «Умение мотивировать и вдохновлять», 10 – «Целеустремленность», 11 – «Работоспособность», 12 – «Стрессоустойчивость», 13 – «Организованность», 14 – «Серьезность», 15 – «Исполнительность», 16 – «Самостоятельность», 17 – «Умение управлять собственным временем».

Таблица 2. Сравнительный анализ показателей индивидуальных личностных особенностей и способностей у студентов с разным уровнем умений управления своим временем
Table 2. Comparative analysis of indicators of individual personal characteristics and abilities of students with different levels of time management skills

Название переменной		Трудности в управлении своим временем		Критерий χ^2 Pearson	p
		«Нет» (n=213)	«Да» (n=86)		
Ответственность	«Нет» (n=143)	93 (63,5 %)	50 (18,5 %)	5,146	0,016
	«Да» (n=156)	120 (7,6 %)	36 (10,4 %)		
Целеустремленность	«Нет» (n=169)	112 (37,5 %)	57 (19 %)	4,637	0,039
	«Да» (n=130)	101 (33,8 %)	29 (9,7 %)		

показателями адаптированности молодых людей к обучению в вузе (Дубовицкая, Крылова, 2010). В ходе исследования студентам было предложено оценить первый учебный

год, и вновь они с разным уровнем умений управления своим временем оценили прошедший учебный год по-разному (табл. 3).

Таблица 3. Сравнительный анализ показателей оценки первого года обучения в вузе у студентов с разным уровнем умений управления своим временем
Table 3. Comparative analysis of the evaluation indicators of the first year of study at the university for students with different levels of time management skills

Название переменной		Трудности в управлении своим временем		Критерий χ^2 Pearson	p
		«Нет» (n=213)	«Да» (n=86)		
Учебный год оказался насыщенным и интересным	«Нет» (n=121)	77 (25,7 %)	44 (14,7 %)	5,731	0,012
	«Да» (n=178)	136 (45,6 %)	42 (14 %)		
Учебный год оказался трудным	«Нет» (n=214)	173 (57,8 %)	41 (13,7 %)	33,885	0,000
	«Да» (n=85)	40 (13,4 %)	45 (15,1 %)		

Результаты сравнительного анализа указывают на то, что студенты, которые в первый год обучения не испытывали трудности управления своим временем, чаще оценивают прошедший учебный год как насыщенный и интересный ($\chi^2 = 5,731$; $p=0,012$). При этом первый год обучения в вузе оказался трудным для достаточного числа первокурсников, но чаще на это указывают те, которые отмечают, что управлять своим временем для них задача нелегкая ($\chi^2 = 33,885$; $p=0,000$).

Интерпретируя полученные результаты можно предположить, что эффективно управляя временем, первокурсникам удастся спланировать свою деятельность таким образом, что появляется возможность сосредоточиться не только на учебных занятиях и подготовку к ним, но и посещать различные мероприятия внеучебной направленности, знакомиться и общаться с другими студентами вуза, раскрывать свой личностный потенциал и пр. Именно внеучебная жизнь в вузе чаще всего наполняет студенческие годы энергией, жизнерадостностью и позитивом, что и дает возможность в дальнейшем оценивать годы обучения в вузе, как «насыщенные и интересные».

Безусловно, трудности, возникающие в процессе обучения в вузе, нельзя рассматривать как исключительно негативный фактор адаптации обучения, т. к. преодолевая их, происходит развитие личности, в том числе и профессиональное. В тоже время, оценка первого года обучения как «Учебный год оказался трудным» указывает на то, что

обучение в организации высшего образования задача не из легких. Минимизировать адаптационные трудности для первокурсников становится возможным опять же благодаря их умению управлять своим временем, т. к. именно студенты, не испытывающие с этим сложности, чаще всего отмечали, что первый курс не стал для них слишком сложным периодом в их жизни.

Заключение

В ситуации поиска путей успешной адаптации к обучению в вузе необходимо обратить внимание на развитие у студентов умений управления собственным временем. Студенты первого курса в условиях адаптации к качественно другому ритму жизнедеятельности вынуждены максимально мобилизовать индивидуальные личностные возможности, что часто становится сложной задачей. Условием решения первокурсниками учебно-профессиональных задач на начальном этапе профессиональной подготовки могут стать навыки применения технологий тайм-менеджмента, которые позволят не только минимизировать трудности, связанные с прохождением промежуточной аттестации и снизить неудовлетворенность от учебно-профессиональной деятельности, но и реализовать на практике технологию организации, создания структуры деятельности, оперирующую такими понятиями как цель, план, поиск и ресурсов для достижения желаемого.

Библиографический список / References

- Архангельский Г.А. Тайм-менеджмент. М.: Альпина Паблишер, 2012. 311 с.
Arkhangel'skii G.A. (2012) Time management. Moscow: Alpina Publisher. 311 p. (In Russ.)
- Горячева С.А., Сироткин А.С., Жукова В.Б. Тайм-менеджмент как средство успешного обучения студентов // Управление устойчивым развитием. 2018. № 1 (14). С. 83–89.
Goryacheva S.A., Sirotkin A.S., Zhukova V.B. (2018) Time management as a means of successful training of students. *Upravlenie ustoichivym razvitiem = Managing Sustainable Development*. No. 1 (14). P. 83-89. (In Russ.)
- Данкова Ж.Ю., Орешкова В.В. Тайм-менеджмент как эффективный инструмент адаптации студентов к обучению в академии гражданской защиты МЧС России // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2017. № 3 (21). С. 11.
Dankova Zh.Yu., Oreshkova V.V. (2017) Time management as an effective tool for adapting students to training at the Civil Protection Academy of the Ministry of Emergencies of Russia. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii = GosReg: State Regulation of Public Relations*. No. 3 (21). P. 11. (In Russ.)
- Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование. 2010. № 2.
Dubovitskaya T.D., Krylova A.V. (2010) Research methodology of students' adaptability in the university. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. No. 2. (In Russ.)
- Емельянова И.Н. Стратегические приоритеты классического университета // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 105 (5). С. 4–14.
Emel'yanova I.N. (2016) Strategic priorities of the classical university. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = Journal University Management: Practice and Analysis*. No. 105 (5). P. 4-14. (In Russ.)
- Зайверт Л. Если спешишь – не торопись: новый тайм-менеджмент в ускорившемся мире: семь шагов к эффективности и независимости в использовании времени: пер. с нем. М.: АСТ; Астрель. 2007. 255 с.
Zaivert L. (2007) If you are in a hurry, take your time: new time management in an accelerated world: seven steps to efficiency and independence in the use of time: trans. with him. Moscow: AST; Astrel. 255 p. (In Russ.)
- Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2006. 240 с.
Zeer E.F. (2006). Psychology of professional development. Moscow: Academia. 240 c. (In Russ.)
- Кови Стивен Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишер, 2017.
Kovi Stiven R. (2017) The Seven Habits of Highly Effective People: Powerful Personal Development Tools. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Лепилин С.В. Время как ресурс: От Платона и Аристотеля к Л. Альберти и Н. Трубникову // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2017. № 10. С. 41–49.
Lepilin S.V. (2017) Time as a resource: From Plato and Aristotle to L. Alberti and N. Trubnikov. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossiiskii i zarubezhnyi opyt = Actual problems and prospects for the development of the economy: Russian and foreign experience*. No. 10. P. 41-49. (In Russ.)
- Мамбаева С.К. Обучение в вузе в свете Болонского процесса // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2014. № 1 (27). С. 107–110.
Mambaeva S.K. (2014) University education in the light of the Bologna process. *Vestnik Bishkekского гуманитарного университета. = Bulletin of the Bishkek Humanitarian University*. No. 1 (27). P. 107-110. (In Russ.)
- Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2008. 392 с.
Nasledov A.D. (2008) Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data. Saint Petersburg: Rech'. 392 p. (In Russ.)
- Сими́на Т.Е., Залыгина Т.А. Тайм-менеджмент как эффективное средство управления временем работника образовательной организации // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 2 (98). С. 115–121.
Simina T.E., Zalygina T.A. (2018) Time management as an effective means of managing the time of an employee of an educational organization. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian university of economics*. No. 2 (98). P. 115-121. (In Russ.)
- Черемискина Н.П. Профессиональная подготовка студентов: особенности структуры // Проблемы современной науки и образования. 2016. №26 (68). С. 111–115.
Cheremiskina N.P. (2016) Professional training of students: features of the structure. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya = Problems of modern science and education*. No. 26 (68). P. 111-115. (In Russ.)
- Шафранов-Куцев Г.Ф. Место системы профессионального образования в формировании конкурентоспособности выпускников // Образование и наука. 2019. Т. 21 № 4. С. 139–161.
Shafranov-Kutsev G.F. (2019) The place of the vocational education system in the formation of the competitiveness of graduates. *Obrazovanie i nauka = Education and Science Journal*. Vol. 21. No. 4. P. 139-161. (In Russ.)

Информация об авторе

Светлана Анатольевна Лысуенко, кандидат психологических наук, директор Центра тестирования и профориентации, Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета «Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт», 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57, Россия, slysuenko@rambler.ru

Вклад автора

Светлана Анатольевна Лысуенко выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.08.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 02.09.2021.

Information about the author

Svetlana A. Lysuenko, Cand. Sci. (Psychology), Director of Testing and Career Guidance Centre, Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University "Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute", 57 Krasnogvardeyskaya Street, Nizhny Tagil, 622031, Russia, slysuenko@rambler.ru

Contribution of the author

Svetlana A. Lysuenko performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The final manuscript has been read and approved by the author.

Information about the article

The article was submitted 15.08.2021; approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 02.09.2021.

Научная статья
УДК 378.1

Совершенствование механизма демонстрационного экзамена в профессиональном образовании

Андрей Иванович Попов¹

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия,
popov.ai@mail.tstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0297-2076>

Аннотация: Становление инновационной экономики требует интенсивного развития человеческого капитала и обеспечения кадрового резерва предприятий и организаций, готового к качественному выполнению трудовых функций и обладающих психологической устойчивостью к деятельности в условиях конкуренции. Развитие системы подготовки специалистов среднего звена предполагает внедрение комплекса педагогических инноваций, направленных на усиление творческого характера деятельности и интенсификацию практической подготовки. Необходимо использование новых форм контроля результатов освоения образовательной программы. Перспективным способом оценки подготовки выпускников, обеспечивающим их мотивацию к саморазвитию и профессиональному росту, является демонстрационный экзамен. Исследование основывалось на аксиологическом, гуманистическом, интегративном, компетентностном, контекстном и личностно-деятельностном методологических подходах. В работе рассмотрены различные аспекты использования механизма демонстрационного экзамена в системе СПО, выявлены проблемные моменты, обуславливающие необходимость внесения корректив в организацию образовательной деятельности. Предложено предоставить обучающимся возможность выбора формы проведения демонстрационного экзамена, более широко использовать соревнования обучающихся в профессиональном мастерстве, изменить механизм проведения демонстрационного экзамена, организовать переподготовку как педагогического состава образовательных организаций, так и линейных экспертов. Выполнение выявленных психолого-педагогических условий предполагает реализацию организационных мероприятий, основными из которых будут приведение в логическое соответствие нормативно-правовых документов, регламентирующих использование демонстрационного экзамена, и расширение сети центров компетенций. Реализация разработанных мер по совершенствованию использования механизма демонстрационного экзамена в профессиональном образовании позволит повысить его качество, обеспечить более высокую удовлетворенность как обучающихся, так и работодателей результатами освоения профессиональной области выпускниками системы СПО.

Ключевые слова: программы подготовки специалистов среднего звена, итоговая аттестация, профессиональные компетенции, конкурсы профессионального мастерства, качество образования

Благодарности: Кукушкиной Валентине Андреевне, методисту, отличнику народного просвещения, за поддержку и ценные замечания при подготовке статьи.

Для цитирования: Попов А.И. Совершенствование механизма демонстрационного экзамена в профессиональном образовании // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 326–340.

PEDAGOGICAL SCIENCES

Original article

Improving the mechanism of the demonstration exam in vocational education

Andrei I. Popov

Tambov State Technical University, Tambov, Russia,
popov.ai@mail.tstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0297-2076>

Abstract: The formation of an innovative economy requires intensive development of human capital and the provision of a personnel reserve of enterprises and organizations that are ready for high-quality performance of labor functions and have psychological resistance to activity in a competitive environment. The development of the system of training middle-level specialists involves the introduction of a set of pedagogical innovations aimed at strengthening the creative nature of activities and intensifying practical training. It is necessary to use new forms of monitoring the results of mastering the educational program. A demonstration exam is a promising way to assess the training of graduates,

¹ © Попов А. И., 2021

providing them with motivation for self-development and professional growth. The research was based on axiological, humanistic, integrative, competence-based, contextual and personal-activity methodological approaches. The paper considers various aspects of the use of the demonstration exam mechanism in the SPO system, identifies problematic issues that cause the need to make adjustments to the organization of educational activities. It is proposed to provide students with the opportunity to choose the form of conducting a demonstration exam, to use more widely the competitions of students in professional skills, to change the mechanism of conducting a demonstration exam, to organize retraining of both the teaching staff of educational organizations and line experts. The fulfillment of the identified psychological and pedagogical conditions involves the implementation of organizational measures, the main of which will be the logical alignment of regulatory documents regulating the use of the demonstration exam, and the expansion of the network of competence centers. The implementation of the developed measures to improve the use of the demonstration exam mechanism in vocational education will improve its quality, ensure higher satisfaction of both students and employers with the results of mastering the professional field by graduates of the SPO system.

Keywords: training programs for middle-level specialists, final certification, professional competencies, professional skill competitions, quality of education

Acknowledgments: I would like to express my very great appreciation to Kukushkina Valentina Andreevna, a specialist in teaching methods, honorable person in national education, for her support and valuable comments throughout the article preparation.

For citation: Popov A.I. (2021) Improving the mechanism of the demonstration exam in vocational education. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. № 3. P. 326–340. (In Russ.)

Введение

Социальный заказ общества определяет требования к уровню развития человеческого капитала, обеспечивающего инновационный путь развития экономики и повышение благосостояния населения. Задачей системы образования становится подготовка конкурентоспособной личности (Андреев, 2004), готовой как к профессиональной реализации в настоящем, так и к возможной смене области и вида деятельности в дальнейшем.

Педагогическая наука активно разрабатывает механизмы становления в профессиональном образовании подлинно творческой личности, готовой включиться в инновационные преобразования в производстве и социально-экономической сфере (Наумкин, 2008; Новосёлов, 1995). Особое внимание сейчас уделяется системе среднего профессионального образования (СПО), формирующего основу производственных рабочих и специалистов среднего звена. В последнее время разрабатываются и внедряются педагогические технологии, нацеленные на формирование компетенций на деятельностном уровне и усиливающие практическую подготовку обучающихся.

Переход к реализации компетентного подхода в профессиональном образовании актуализировал проблему оценки качества подготовки обучающихся. В образовательной практике доминирующим остаётся оценка классической триады результатов «знания – умения – навыки», несмотря на то, что в регламентирующих документах указываются

именно компетенции. Для значительного количества реализуемых в образовательных организациях основных профессиональных программ характерно то, что достаточно слабо соотносятся результаты изучения отдельных дисциплин и результаты освоения всей программы. В научном сообществе достаточно долго рассматривались различные подходы к пониманию сущности компетенции, но наиболее ёмко это понятие выражено формулой «Компетенция – знания в действии» (Булаев, Козлов, Оводенко, Рудской, 2009). Совокупность компетенций, включённых в федеральные государственные образовательные стандарты, не всегда чётко и понятно определяют результаты обучения; достаточно часто формулировки содержат общие слова, не позволяющие объективно оценить уровень их освоения. Это обуславливает трудности при проектировании инструментально-педагогических средств, направленных на оценивание готовности обучающихся к профессиональной самореализации. Наиболее объективные результаты позволяет получить включение обучающихся в деятельность, близкую к профессии, и оценка уровня их способностей по результатам деятельности. Выполнение на приемлемом уровне определенных трудовых функций, входящих в область профессиональной ответственности, позволит в значительной мере оценить навыки практической деятельности работника, но в тоже время не даёт полноценной информации о его потенциале и готовности к развитию. Ограничением ис-

пользования этого способа является и то, что оценивать можно только сформированность готовности к выполнению трудовых функций, результатом которых является конкретный материальный объект (например, для работников материалообработывающих производств, пищевой промышленности, строительства и т. п.).

По рабочим профессиям существует движение World Skills, которое позволяет выбирать лучших в своей профессиональной области и мотивировать их к совершенствованию мастерства. Данное движение предполагает соревновательность деятельности и нацеленность участников на развитие профессиональных качеств, что обуславливает сходство по методологическим основам с олимпиадным движением студентов, направленным на развитие креативности в определенной области знаний и формирование чувства ответственности за принимаемые решения (Попов, Пучков, 2010; Попов, 2011). При разработке ФГОС СПО идеи движения World Skills были положены в основу итоговой аттестации по специальности и по отдельным профессиональным модулям. С одной стороны, реализация принципов World Skills в форме демонстрационного экзамена позволяет оценивать сформированность практических навыков выпускника по программам профессионального обучения (например, «Кирпичная кладка», «Плотницкое дело», «Изготовление изделий из полимерных материалов» и т. п.). Но в тоже время в классической версии движения World Skills отсутствует значительное количество специальностей, определяющих подготовку специалистов среднего звена. Это обусловило появление целой группы компетенций в движении World Skills Russia, которые были направлены на оценку результатов обучения в различных областях. Появилась отдельная область «Образование», развивается движение «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)».

Закрепление в нормативно-правовых документах необходимости проведения государственной итоговой аттестации с использованием механизма демонстрационного экзамена, используя методологический аппарат движения World Skills, актуализировало ряд

проблемных моментов, что предполагает дополнительные исследования как с позиции педагогики и психологии, так и в контексте совершенствования управления образованием.

В контексте организации образовательной деятельности по программам подготовки специалистов среднего звена ключевыми проблемами будут:

- активизация использования средств формирования психологической готовности к деятельности в условиях, соответствующих реальной профессиональной деятельности, формирование способности максимально реализовать интеллектуальный и креативный потенциал личности в стрессовой ситуации;

- сохранение системности образования и недопущение доминирования узконаправленного «натаскивания» на выполнение отдельных трудовых действий с учётом негативных моментов, связанных с проведением единого государственного экзамена в общеобразовательных организациях;

- обеспечение связи и логического единства демонстрационного экзамена с выпускной квалификационной работой, частью которой он является.

Значимыми компонентами успешности использования демонстрационного экзамена в профессиональном образовании будет выполнение методических условий, и, прежде всего, обеспечение единства содержания обучения по образовательной программе и проверяемых на экзамене дидактических единиц, а также разработка иных, чем в чемпионатах World Skills, подходов к оценке деятельности участников мероприятия.

Копирование требований чемпионатов профессионального мастерства в процедуру государственной итоговой аттестации не позволяет образовательным организациям в полной мере сосредоточить материальные, финансовые и трудовые ресурсы на действительно важном компоненте – методической подготовке и сопровождении образовательного процесса, создает ненужную нервность в организации. Существующий механизм демонстрационного экзамена не всегда обеспечивает объективность и достоверность создаваемого цифрового компетентностного профиля обучающихся.

Методы

Основными методологическими подходами, используемыми при определении психолого-педагогических условий повышения эффективности демонстрационного экзамена, являются: аксиологический, гуманистический, интегративный, компетентностный, контекстный и личностно-деятельностный.

Только специалист, обладающий как высоким уровнем сформированности кластера творческих компетенций, духовно-нравственными качествами и аналитическим мышлением, так и готовностью к качественному выполнению основных трудовых функций в соответствии с профессиональным стандартом, может быть по-настоящему конкурентоспособным в инновационной экономике. Совокупность указанных качеств позволит выпускнику образовательного учреждения системы СПО максимально реализовать свой потенциал в профессиональной деятельности и выгодно продать рабочую силу на рынке труда в условиях совершенной конкуренции.

Аксиологический подход, как методологическая основа формирования и оценки конкурентоспособности специалиста, рассматривает профессиональную деятельность как одну из ведущих ценностей личности, коллектива, общества, выступающую системообразующим фактором процесса обучения в образовательной организации, позволяющую субъекту обучения как реализовать себя в профессии, так и развиваться самому.

Гуманистический подход, реализуемый при разработке теоретических основ гармоничного включения демонстрационного экзамена в программу подготовки специалистов среднего звена, раскрывает сущность образовательного процесса в профессиональном образовании, направленного на развитие личности как субъекта творческого труда, познания и общения в духе гуманизма, как профессионала и активного участника процесса экономического возрождения страны.

Интегративный подход в нашем исследовании реализован через рассмотрение образовательного процесса в среднем профессиональном образовании как интегративной целостности, функционирование элементов которой направлено на достижение обо-

щественной цели в виде формирования качеств специалиста и духовно-нравственной личности, готовой к жизни и профессиональной деятельности на благо своей страны.

Компетентностный подход был реализован через представление целей и задач обучения в виде перечня профессиональных компетенций и индикаторов их достижения, определяющих возможность обучающегося реализовать себя в инновационной сфере экономики через способности личности успешно выполнять деятельность в своей профессиональной области, требующую эвристического или креативного уровня интеллектуальной активности, готовности максимально использовать личностный потенциал при решении производственных задач. Названные качества обеспечивают профессиональную конкурентоспособность выпускника и высокий уровень его творческой самореализации.

При разработке предложений по совершенствованию механизма демонстрационного экзамена в профессиональном образовании использовалась концепция знаково-контекстного (контекстного) обучения (Вербицкий, 1991). Под контекстным обучением понимается такое, в котором осуществляется деятельностная реконструкция профессиональной деятельности специалиста в формах учебной деятельности обучающихся системы СПО при подготовке к итоговой аттестации в форме демонстрационного экзамена. Одно из важнейших положений концепции контекстного обучения – единство содержания обучения и формы организации учебной деятельности, в которой это содержание динамизируется и тем самым усваивается обучающимися. Согласно концепции контекстного обучения, формы организации учебной деятельности человека, как и её содержание, должны быть адекватны содержанию и формам практической деятельности людей. Контекстное обучение как активная форма организации учебной деятельности приближается к формам профессиональной деятельности, и это облегчает процесс перехода от обучения к труду. Использование контекстного обучения позволяет воссоздать в процессе освоения профессиональных модулей, а затем и при выполнении заданий

демонстрационного экзамена предметный и социальный контексты будущей профессиональной деятельности специалиста, востребованного современной экономикой.

Социальный контекст включает в себя два основных компонента – ценностно-ориентационный и личностный. Ценностно-ориентационный компонент отражает социально-политическую направленность общества. Личностный компонент социального контекста определяет морально-этические правила и нормы поведения в трудовом коллективе и взаимоотношения специалистов как представителей данной общественной системы, их социально-психологические качества и характеристики.

Ценностно-ориентационный компонент создаётся и поддерживается высоким социальным статусом достижения вершин профессионального мастерства, в том числе и системой мероприятий в рамках движения World Skills. Всё больше участников собирают конкурсы World Skills, проектируются новые компетенции, освоение которых способствует повышению профессионального уровня работников. Личностный компонент социального контекста определяется, прежде всего, преподавателем, выполняющим функции воспитателя в процессе профессионального становления и подготовки к демонстрационному экзамену.

Конечная цель деятельности специалиста не в знаниях и умениях как таковых, не в приспособлении к действительности, а в активном её преобразовании на основе полученных знаний, приобретенных умений и навыков. Активизации учебно-познавательной деятельности обучающихся будет способствовать применение положений личностно-ориентированного обучения, основанного на идеях воспитания Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталози, Г.Д. Торей, М. Монтесори и др.

Состояние проблемы

Необходимость развития кадрового потенциала инновационной экономики предопределило использование прогрессивных форм мотивации обучающихся к качественному освоению профессиональной области, развитию личностных качеств и творческой направленности интеллекта. Включение обу-

чающихся в деятельность, отражающую предметный и социальный контексты профессии, позволяет закрепить ценностные ориентации молодежи, её стремление к профессиональному росту и готовность к саморазвитию. Соревновательная деятельность при освоении профессиональной области обеспечивает выход на эвристический или креативный уровни интеллектуальной активности, что предопределило её активное использование в различных формах внеучебной деятельности обучающихся и их самостоятельной работе. Для развития теоретических знаний и способности их применять при творческом разрешении проблемных ситуаций в деятельности широко используется олимпиадное движение, зародившееся в стране в середине прошлого века. В последнее время для побуждения к профессиональному росту активно используются инструменты движения World Skills, адаптированные под задачи российской экономики.

Используя конкурсы World Skills в различных профессиональных областях, государство получает инструмент развития человеческого капитала, который обеспечивает повышение производительности труда (Панов, Тараканова, 2020). В повышении квалификации работников особенно заинтересованы работодатели, которые получают развитие бизнеса и увеличение прибыли. Но для большинства из них в современных социально-экономических условиях значимым будет готовность работников к выполнению узкоспециализированных трудовых функций, востребованных на данном предприятии или в организации. Общий уровень профессиональной подготовки несколько отходит на второй план.

Участие в профессиональных конкурсах обучающихся образовательных организаций позволяет последним подтвердить качество подготовки по своим программам, что способствует росту конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

В эпоху цифровизации всех аспектов деятельности для обеспечения конкурентоспособности на рынке труда все большее значение приобретает цифровой компетентный профиль работника. В настоящее время постепенно разрабатываются подходы к его

формированию, поэтому данные об участии в конкурсах профессионального мастерства, а также результаты демонстрационного экзамена по профессиональным модулям и при защите ВКР позволят через цифровой профиль подтвердить молодым работникам свою квалификацию, обеспечат востребованность на рынке труда и заинтересуют в дальнейшем профессиональном росте.

Популярность движения World Skills и результаты профессионального совершенствования по рабочим профессиям предопределили использование данного способа организации образовательной деятельности и в системе среднего профессионального образования.

Актуализированные ФГОС СПО предполагают изменение механизма оценки результатов обучения посредством проверки сформированности умений и навыков при выполнении трудовых функций во время демонстрационного экзамена. Но сама формулировка включения этой идеи в стандарты оставляет значительную неопределенность. Например, в соответствии с большинством актуализированных стандартов ФГОС СПО государственная итоговая аттестация проводится в форме защиты выпускной квалификационной работы (ВКР), которая выполняется в виде дипломной работы (дипломного проекта) и демонстрационного экзамена².

При этом неясно, что понимается под защитой ВКР в части демонстрационного экзамена, должны ли быть задания экзамена связаны с преддипломной практикой, может ли образовательная организация устанавливать требования к демонстрационному экзамену с учетом специфики образовательной программы и направленности на потребности конкретных работодателей. Отсутствие четких регламентирующих документов, (а действующие рекомендации о проведении аттестации с использованием механизма демонстрационного экзамена³ строго говоря не предполага-

ют их обязательное выполнение), может вызвать спорные ситуации при проверке деятельности образовательного учреждения.

Идея проведения конкурсов профессионального мастерства в рамках движения World Skills заключается в том, что перед участниками будет поставлена задача повышенной сложности, соответствующая выполняемым ими трудовым функциям, которую предлагается решить за ограниченное время. Организация демонстрационного экзамена как упрощенной версии заданий чемпионата предполагает, что «моделируется реальная производственная ситуация, при которой задача выпускника – на практике продемонстрировать свои умения и навыки, приобретенные в процессе освоения образовательной программы» (Чеховская, 2020).

Отличие конкурсов профессионального мастерства от олимпиад в том, что направленность задания известна заранее, что снижает творческую активность обучающихся и достаточно часто обуславливает специфику подготовки к таким действиям (т. е. осуществляется усиленное формирование только части навыков, требуемых в демонстрационном экзамене).

Мнение о том, что «проведение демонстрационных испытаний предоставляет образовательным организациям возможности проанализировать содержание и особенности качества образовательных программ» (Горбунова, Огандеева, 2020) дискуссионно, т. к. в значительной мере содержание обучения определяется в примерных программах (не всегда утвержденных, но уже рассмотренных на заседаниях учебно-методических объединений по специальности). При этом иногда наблюдается несоответствие заданий демонстрационного экзамена и содержания обучения по соответствующей программе. Например, согласно ФГОС по специальности 38.02.07 «Банковское дело» обучающийся готовится к выполнению двух видов профессиональных функций – способности выполнять расчетные и кредитные операции, а демонстрационный экзамен в основном прове-

² Приказ Министерства образования и науки РФ от 5 февраля 2018 г. №67 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.07 «Банковское дело».

³ Распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 1 апреля 2019 года N P-42 «Об

утверждении методических рекомендаций о проведении аттестации с использованием механизма демонстрационного экзамена» (с изменениями на 1 апреля 2020 года).

рит готовность именно к осуществлению кредитных операций.

Выполнение требований инфраструктурного листа демонстрационного экзамена действительно позволит дать оценку материально-технической базе учебного заведения, будет способствовать обновлению фондов и программного обеспечения, создаст условия для подготовки кадров к работе на современном оборудовании. Но в ряде случаев это слишком большая финансовая нагрузка на бюджет образовательных организаций. Материально-техническая база большинства профессиональных образовательных организаций не соответствует требованиям стандартов World Skills (Роголева, Третьякова, 2020).

Результат независимой оценки деятельности обучающихся отчасти будет свидетельствовать о качестве образовательного процесса, позволит участвовать в рейтинге образовательных организаций по качеству подготовки кадров, дать объективную оценку квалификационному уровню преподавателей и мастеров производственного обучения. Анализ функционирования образовательной организации при подготовке и проведении демонстрационного экзамена, а также его результатов позволит определить дальнейшие точки её развития и роста согласно современным международным требованиям и принципам работы мирового рынка труда (Горбунова, Огандеева, 2020).

Включение обучающихся в профессиональную деятельность во время демонстрационного экзамена обеспечивает интенсификацию образовательного процесса, закрепляет ценностные ориентиры на творческое овладение профессией. В тоже время, по большинству специальностей провести конкурсные мероприятия в процессе профессионального становления (до итоговой аттестации) не представляется возможным ни с позиции наличия у обучающихся всех необходимых знаний на промежуточном этапе, ни с позиции учебного плана и возможности обеспечивать необходимую материальную базу (т. к. приходится периодически выводить оборудование и аудиторный фонд из образовательного процесса во всей организации). Поэтому лишь по небольшому числу

специальностей возможно проведение пробных демонстрационных экзаменов. При этом «логика проведения пробных демонстрационных экзаменов требует выстраивания и изменения персональной траектории развития студента (Попова, 2020). Полученные данные цифрового компетентностного профиля не всегда в полной мере позволяют осуществить адаптивное управление образовательным процессом (прежде всего, в силу нормативно-правовых ограничений), но обеспечивают предпосылки по мере овладения компетенцией по стандартам World Skills и прохождения постоянных профессиональных испытаний для дополнения компетентностного профиля студента новыми приобретенными навыками, полученным опытом выполнения трудовых функций.

Традиционные образовательные технологии и используемые формы организации образовательной деятельности не всегда позволяют формировать психологическую готовность обучающихся к деятельности в условиях ограничения времени и необходимости комплексно использовать полученные знания и умения. Включение демонстрационного экзамена в образовательные программы отчасти решает проблему психологической подготовки, но предполагает дополнительное проведение комплекса мер воспитывающего обучения. Только в этом случае будет справедливо, что «данная образовательная технология обеспечивает индивидуальный маршрут обучения и способствует повышению качества подготовки специалистов среднего звена» (Головина, 2020).

Существующая система профессионального образования (как среднего, так и высшего) в большей части обеспечивает формирование теоретической основы будущей профессиональной деятельности. При активной работе в области педагогической инноватики и осуществляемых многочисленных попытках модернизации содержания и педагогических технологий, доминирование теоретической подготовки остаётся. Это, безусловно, важно, но «недостаточно для формирования и оценки профессиональных компетенций обучающихся» (Богуш, 2021). Поэтому включение демонстрационного экзамена в образовательные программы обеспечивает сбалансиро-

рованный характер освоения профессиональной области, дополняя теоретические знания и опыт выполнения трудовых функций приобретением навыка использования личного потенциала в условиях, максимально приближенных к реальному производству.

Стремление обеспечить высокий уровень показанных во время демонстрационного экзамена результатов может привести к перегибам на практике. Нельзя полностью согласиться с мнением, что для «улучшения результатов в части повышения баллов за выполненные задания необходимо увеличить практическую подготовку в рамках тех дисциплин, которые по учебному плану данных образовательных программ необходимы для подготовки к демонстрационному экзамену» (Сафронович, 2021). Во-первых, как было показано, задания демонстрационного экзамена не всегда охватывают всю область профессиональной деятельности и решаемые специалистами задачи. Во-вторых, усиленное внимание при подготовке на конкретные позиции приведет к снижению заинтересованности обучающихся в освоении других модулей программы. Целесообразно усилить интенсивность практической подготовки по всем видам деятельности, к которым готовятся выпускники программ СПО, и максимально использовать время учебных и производственных практик, в достаточном количестве включенных в образовательные программы.

Усиление практической подготовки (как во время практики, так и в рамках освоения междисциплинарных курсов), использование педагогических средств, повышающих интеллектуальную активность обучающихся, применение практико-ориентированных технологий, обучение на высоком уровне сложности при отражении в выполняемых заданиях предметного и социального контекстов профессиональной деятельности способствуют решению аксиологических задач, закреплению внутренней мотивации на профессиональный рост и нацеленности на непрерывное творческое саморазвитие. Практико-ориентированное обучение, построенное на разрешении реальных производственных проблем и выполнении трудовых функций, предполагает вариативность дея-

тельности, что обеспечивает возможность выбора способов решения задач или проблем. Обучающиеся по программам СПО ощущают собственную компетентность; осознают собственную автономию. «Специалист, который умеет применять полученные профессиональные компетенции в практической деятельности, будет результатом практико-ориентированного обучения» (Иванова, Кузнецова, Никонова, 2020).

В современной организации демонстрационного экзамена есть значительное количество объективных и субъективных недостатков. Отсутствует дидактически верная методика разработки оценочных материалов. Например, в компетенции «Банковское дело» предлагается оценить по системе «да/нет» следующие моменты:

- пользование персональным компьютером, программными продуктами;

- осуществление коммуникации с клиентом (использует доброжелательную интонацию, улыбку; поинтересовался, как обращаться к клиенту, в конце общения поблагодарил клиента за обращение в дальнейшем).

Умение пользоваться компьютером в современном мире есть у всех молодых людей, без этого немыслимо само образование. Но при использовании программных продуктов у студента могут возникнуть проблемы. Как тогда оценить по данному критерию его компетентность? Поставить «0» баллов не логично, ведь работа выполнена на компьютере, поставить максимальный балл – значит не учесть недостатки в работе (что особенно важно при сравнении двух участников). И таких спорных моментов в оценочных материалах есть множество.

Не ясны критерии, по которым происходит оценка следующих составляющих компетентности специалиста в области «Банковское дело»:

- владение средствами оргтехники и профессиональным программным обеспечением;

- поддержание порядка на рабочем месте;

- умение понимать и верно использовать общепринятую терминологию по компетенции, дресс-код.

Есть показатели, выполнение которых во-

обще не предполагается во время демонстрационного экзамена:

- использовать знания судебно-арбитражной практики в профессиональной сфере;
- организация мероприятий по повышению эффективности потребительского кредитования.

Показанные примеры из оценочных материалов только по одной компетенции определяют необходимость разработки методологии проектирования оценочных средств для демонстрационного экзамена.

Значительное количество выпускников по программам СПО и большая продолжительность демонстрационного экзамена часто препятствуют активному включению работодателей в оценивание компетентности обучающихся (например, если на защиту ВКР в среднем отводится 0.5 часа на человека, то продолжительность демонстрационного экзамена может быть до двух полных дней при оцениваемой одновременно группе 5 человек). Это приводит к тому, что часто в качестве линейных экспертов выступают представители других образовательных организаций (т. о. нарушается принцип независимости). К сожалению, есть случаи, когда представители работодателя лишь по бумагам присутствуют при проведении конкурсных испытаний.

При этом «имеется несовпадение компетенций World Skills с квалификациями, признаваемыми на российском рынке труда» (Роголева, Третьякова, 2020), что делает формируемый цифровой компетентный профиль не актуальным для работодателей.

При проведении демонстрационного экзамена важно мнение потенциальных работодателей, обязательность их включения в экспертные комиссии повысило бы объективность оценки профессиональной готовности выпускников. В тоже время установление критерия участия работодателей в оценке как показателя качества деятельности образовательной организации (Павлова, 2020) не представляется оправданным. Отрыв от производственной деятельности на достаточно длительный период нескольких ведущих специалистов не всегда возможен, и определяется текущей экономической ситуацией в данной отрасли, а не работой образователь-

ной организации. В тоже время обязательно привлекать работодателей к разработке и корректировке заданий демонстрационного экзамена, их адаптации к текущим задачам хозяйствующего субъекта. Это позволяет включать в оценочные материалы ряд вопросов и заданий, рассмотренных обучающимися в ходе преддипломной практики. Данный подход не изменит единства системы оценки и формирования компетентного профиля обучающихся в стране, но позволит учесть региональные особенности и личностные устремления выпускников.

Как подчеркивалось ранее, качество подготовки и проведения демонстрационного экзамена затруднено недостатком финансовых ресурсов у образовательных организаций. Образовательные организации системы СПО достаточно часто не успевают из-за экономических проблем, недостатка места в учебных лабораториях адаптироваться к изменяющимся условиям и создать на своей базе специализированные площадки для подготовки к демонстрационному экзамену по стандартам World Skills (Алешин, 2021). Необходимо помнить, что при создании экзаменационной площадки приходится обеспечить и оснастить дополнительные помещения для главного эксперта, линейных экспертов, участников. И саму площадку затем затруднительно полноценно использовать в учебном процессе, поскольку достаточно часто она рассчитана только на 10 человек. Целесообразно за счёт бюджетных средств в рамках региональных центров создавать интегрированные площадки, которые возможно использовать для оценки нескольких компетенций. Например, проверка компетенций «Бухгалтерский учёт» и «Банковское дело», в основном, требует одинаковое оснащение рабочих мест – персональные компьютеры с установленным программным обеспечением. Использование таких площадок должно быть бесплатным для образовательных организаций.

Подготовка к демонстрационному экзамену затруднена и тем, что часть хозяйствующих субъектов России находится в трудном финансовом положении, и зачастую использует фонды и технологии, не соответствующие мировому уровню. К сожалению, это по-

следствия кризисных явлений в экономике; «недостаточность финансовых средств и высокая конкуренция не дает возможности работодателям выйти на высокий технологический уровень» (Симон, 2021). Обучающиеся, проходившие практику в таких организациях, не приобретают навыка работы на современном оборудовании, т. к. реальные производственные процессы далеки от требований стандартов, а материально-техническая база работодателей, особенно не крупных, слабее и примитивнее базы профессиональных образовательных организаций.

Модернизация системы СПО и включение демонстрационного экзамена в значительное количество ФГОС предполагают ориентацию образовательных организаций на использование деятельностного подхода и подготовку обучающихся к успешной профессиональной реализации в условиях реального сектора экономики. В тоже время остаются недостаточно проработанными многие вопросы методологии демонстрационного экзамена в контексте повышения качества образования.

Результаты

На основе анализа различных подходов к формированию компетенций, обеспечивающих конкурентоспособность выпускника на рынке труда, механизмов развития творческой направленности личности и становления её психологической готовности к осуществлению трудовых функций в условиях конкуренции, мы пришли к выводу, что цель деятельности образовательной организации по подготовке специалистов среднего звена для инновационной экономики – специалистов, осуществляющих профессиональную деятельность на высоком уровне, сознательно изменяющих и развивающих себя в трудовом процессе, вносящих индивидуальный творческий вклад в профессию, нашедших индивидуальное предназначение, стимулирующих в обществе интерес к результатам своей профессиональной деятельности, достигается:

- подготовкой индивидуума к наиболее эффективной деятельности с позиций общества (в том числе инновационной готовности) на основе усиления практической подготовки;
- формированием профессиональных

компетенций (и в первую очередь творческих) для обеспечения конкурентоспособности индивидуума на рынке труда посредством включения в образовательные программы (в том числе и в рамках демонстрационного экзамена) творческих заданий;

- реализацией личных устремлений индивидуума (в том числе стремления к личному и совместному творчеству) через вариативность мероприятий итоговой аттестации.

Демонстрационный экзамен, включенный в образовательную программу, должен интенсифицировать образовательный процесс, побуждать педагогический коллектив к активному использованию педагогических инноваций, обеспечивать нацеленность обучающихся на непрерывное совершенствование трудовых навыков.

Выделены ключевые проблемные моменты реализации механизма демонстрационного экзамена в современном профессиональном образовании:

- экзамен в существующем виде недостаточно побуждает обучающихся к творчеству и часто направлен на развитие репродуктивных навыков;

- содержание заданий демонстрационного экзамена не всегда совпадает с требованиями профессиональных и образовательных стандартов;

- методика проведения демонстрационного экзамена в качестве мероприятия итоговой аттестации не учитывает возможности образовательной организации и личностный потенциал обучающихся;

- не используется соревновательный эффект конкурсов профессионального мастерства в процессе государственной итоговой аттестации;

- содержание заданий экзамена в большинстве случаев не учитывает пожелания работодателей, а также трудовую деятельность обучающихся во время практической подготовки, и, прежде всего, преддипломной практики;

- по многим компетенциям методика оценивания деятельности обучающихся не позволяет всесторонне и объективно оценить уровень сформированности отдельных компетенций; работодатели слабо привлекаются к разработке оценочных материалов;

– по ряду специальностей нет соответствия между направленностью образовательной программы и получаемой квалификации с содержанием демонстрационного экзамена, нет практической возможности использовать данный механизм как форму контроля освоения профессиональных модулей;

– образовательные организации лишены возможности самостоятельно проектировать демонстрационный экзамен только на основе пожеланий работодателей и требований профессиональных стандартов;

– недостаточный уровень сформированности креативно-педагогических компетенций части преподавателей СПО, не позволяющий им вносить корректировки в образовательный процесс для формирования психологической готовности обучающихся к работе в условиях реальной экономики.

Повышение качества подготовки специалиста среднего звена при использовании в образовательной программе механизма демонстрационного экзамена будет обеспечиваться выполнением следующих психолого-педагогических условий.

1. Целесообразно предоставить обучающимся возможность выбора формы проведения демонстрационного экзамена.

а) По стандартам World Skills в рамках региональных чемпионатов по соответствующим компетенциям. Участие в таком формате экзамена должно стать обязательным для обучающихся, претендующих на диплом с отличием. Соревнование лучших обучающихся региона позволит им объективно позиционировать себя на рынке труда, работодателям объективно выбрать лучших и предложить им соответствующие трудовые контракты, а образовательным учреждениям сравнить свои достижения и наметить план корректировки действий посредством повышения квалификации преподавателей и дидактического совершенствования образовательных программ. Время проведения регионального чемпионата должно совпадать с периодом государственной итоговой аттестации или преддипломной практики, когда все профессиональные компетенции сформированы.

б) По заданиям конкретного работодателя (готового предоставить значительное коли-

чество рабочих мест для выпускников по данной специальности) на его производственной базе и на основе производственных проблем данного предприятия или организации. Такая форма позволит учесть специфику профессиональной деятельности на данном хозяйствующем субъекте, обеспечит активное участие ведущих специалистов в оценивании компетенций.

в) По заданиям образовательной организации, предполагающим оценку порогового уровня сформированности необходимых умений и навыков. Данный вариант аттестации направлен на обучающихся со слабо сформированным профессиональным самоопределением, сомневающимися в дальнейшем профессиональном пути, либо в силу субъективных причин недостаточно качественно освоивших образовательную программу.

Первые два варианта предполагают формирование цифрового компетентностного профиля. Наличие последнего позволяет учитывать реалии современной жизни, когда поступление в профессиональную образовательную организацию не всегда вызвано четким осознанием будущего жизненного пути. Достаточно часто учреждения СПО выполняют функции социализации молодежи и воспитания правового сознания, и гражданской ответственности. Предложенный упрощенный вариант демонстрационного экзамена позволит избежать и формализма в его проведении и организации «натаскивания» на задания определенно слабых обучающихся, снизит психологическое напряжение среди студентов и педагогического коллектива.

2. Проектировать на основе профессиональных стандартов как направленность образовательной программы, так и компетенции в движении World Skills.

3. Более широко использовать в формах образовательной деятельности соревнований обучающихся, способствующих становлению психологической устойчивости в стрессовых ситуациях. Развивать олимпийское движение обучающихся СПО как по дисциплинам, так и по междисциплинарным курсам, используя их результаты в цифровом компетентностном профиле.

4. Изменить механизм проведения де-

монстрационного экзамена, учитывая как специфику профессиональной области, так и прохождение обучающимися преддипломной практики на конкретном предприятии или в организации.

Например, для специальности 09.02.07 «Информационные системы и программирование» целесообразно давать задания для демонстрационного экзамена перед началом преддипломной практики по разработке какого-либо программного продукта, востребованного потенциальным работодателем и отвечающего общим требованиям к результатам экзамена. Сам же демонстрационный экзамен будет состоять из двух частей – презентации функционирования разработанного программного продукта и его корректировка по пожеланиям членов экзаменационной комиссии в режиме реального времени. Такой порядок обеспечит создание качественного продукта, который будет действительно частью ВКР (как и предписано ФГОС СПО), а внесение изменений в него в течение экзамена покажет уровень самостоятельности выполнения работы и умений адекватно реализовывать пожелания заказчиков.

В качестве другого примера рассмотрим компетенцию «Банковское дело», соответствующую специальности 38.02.07. Сейчас основные составляющие задания заранее известны, а на экзамене обучающемуся случайным образом определяется финансовая организация (банк), данные которой он должен использовать. Более предпочтительным будет выполнение во время демонстрационного экзамена одной из трудовых функций, определенных профессиональным стандартом, по данным конкретного банка, в котором студент проходил преддипломную практику с использованием всего собранного им материала.

Использование различных процедур демонстрационного экзамена и отказ от выполнения задания по абстрактной для обучающегося информации в ограниченный период времени, использование времени и информации, навыков и умений, приобретенных в рамках преддипломной практики, сделает экзамен действительно составной частью ВКР, обеспечит системность итоговой аттестации.

5. Организовать профессиональную переподготовку преподавателей специальных дисциплин, предполагающую не только формальное знакомство с идеями движения World Skills, но и освоение разделов, связанных с психологией деятельности в стрессовых ситуациях и методологией профессионального творчества при разрешении профессиональных проблем.

6. Организовать педагогическую подготовку линейных экспертов, представляющих работодателей. Это обусловлено тем, что некоторые из них воспринимают задания на демонстрационном экзамене как часть производственного процесса, выполнение которого является единственно приемлемым результатом. Но экзаменационные задания все же вырваны из контекста деятельности и не всегда позволяют даже добросовестным студентам успешно и в полном объеме с ними справиться вследствие отсутствия знаний о тех факторах, которыми составители заданий сочли возможным пренебречь. Поэтому целесообразно оценивать не только результат, но и деятельность обучающихся, а линейным экспертам выявлять те факторы, которые препятствовали полному выполнению поставленной задачи. Это позволит сделать этап рефлексии после экзамена полноценным, а обучающимся наметить мероприятия неформального образования, доводящие их компетенции в профессиональной области до конкурентоспособного уровня.

7. Успешность выполнения заданий демонстрационного экзамена во многом определяется универсальными компетенциями обучающегося, его духовно-нравственным стержнем, умением сконцентрировать имеющиеся интеллектуальные и креативные ресурсы, накопленный опыт для выполнения ответственного задания. Воспитание личностных качеств в этих условиях становится одной из первоочередных задач профессионального образования, происходит закрепление ценностных ориентиров на саморазвитие и стремление к получению нового уровня образования.

Обсуждение

Наряду с психолого-педагогическими условиями повышению эффективности де-

монстрационного экзамена будет способствовать и выполнение организационных условий, позволяющих сбалансировано использовать имеющиеся у образовательной организации в ограниченном количестве финансовые, материальные и трудовые ресурсы.

Во-первых, нормативно-правовая база использования механизма демонстрационного экзамена достаточно несовершенна, имеются противоречия между отдельными документами (Люлина, 2020). Отсутствие четких правовых основ и регламентирующих документов приводит к различному пониманию сущности данной проверочной процедуры и затрудняет ее реализацию в образовательных учреждениях.

Во-вторых, необходимо создание большего числа региональных центров компетенций (и, прежде всего, на промышленных предприятиях и в организациях, заинтересованных в развитии своего кадрового потенциала). Для этого требования инфраструктурного листа должны предполагать адаптацию к

реальным условиям деятельности предприятий, причем при проведении демонстрационного экзамена в рамках промежуточной и итоговой аттестации в образовании нецелесообразно жестко следовать перечню материального обеспечения, необходимого для чемпионатов.

В-третьих, нельзя полностью переносить формальные процедуры, сопровождающие демонстрационный экзамен, с регламентов международных чемпионатов. Даже информационная система, которая сейчас используется при проведении демонстрационного экзамена, не предназначена для работы на русском языке, а формат и механизм ее заполнения вызывает трудности у персонала образовательных организаций.

Устранение указанных организационных препятствий и соблюдение выявленных психолого-педагогических условий позволят повысить качество подготовки кадров для нужд российской экономики.

Список источников / References

Алешин Б.С. Демонстрационный экзамен по стандартам World Skills как фактор повышения качества подготовки выпускников колледжей // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 2(82). С. 148–152.

Aleshin B.S. (2021) Demonstration exam according to World Skills standards as a factor in improving the quality of training college graduates. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. No, 2(82). P. 148–152. (In Russ.)

Андреев В.И. Конкуренентология: учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. 468 с.
Andreev V.I. (2004) *Competitionology: a training course for creative selfdevelopment of competitiveness*. Kazan: Tsentri innovatsionnykh tekhnologii. 468 p. (In Russ.)

Богуш Т.В. Подготовка будущих учителей для сдачи демонстрационного экзамена по стандартам World Skills Russia (компетенция «преподавание в младших классах») // Вопросы педагогики. 2021. № 4-1. С. 41–45.

Vogush T.V. (2021) Preparation of future teachers for passing a demonstration exam according to World Skills Russia standards (competence «teaching in junior classes») *Voprosy pedagogiki = Pedagogical Issues*. No. 4-1. P. 41–45. (In Russ.)

Булаев Н.И., Козлов В.Н., Оводенко А.А., Рудской А.И.

Системные ресурсы качества высшего образования России и Европы. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. 460 с.

Bulaev N.I., Kozlov V.N., Ovodenko A.A., Rudskoi A.I. (2009) *System resources for the quality of higher education in Russia and Europe*. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 460 p. (In Russ.)

Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М: Высшая школа. 1991. 204 с.
Verbitskii A.A. (1991) *Active learning in higher education: a contextual approach*. Moscow: Vysshaya shkola. 204 p. (In Russ.)

Головина Н.А. Демонстрационный экзамен по стандартам World Skills как форма государственной итоговой аттестации // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 2(11). С. 55–60.

Golovina N.A. (2020) Demonstration exam according to World Skills standards as a form of state final certification. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva = Education and problems of development of society*. No. 2(11). P. 55–60. (In Russ.)

Горбунова Т.В., Огандеева Е.В. Демонстрационный экзамен в профессиональном образовании // Казанский педагогический журнал. 2020. № 2(139). С. 185–192.

Gorbunova T.V., Ogandeeva E.V. (2020) Demonstration exam in vocational education. *Kazanskii pedagogicheskii*

zhurnal = *Kazan Pedagogical Journal*. No. 2(139). P. 185–192. (In Russ.)

Иванова М.А., Кузнецова Е.В., Никонова Ю.В. Образовательные технологии в подготовке к государственной итоговой аттестации с применением механизма демонстрационного экзамена // *Проблемы педагогики*. 2020. № 1(46). С. 104–107.

Ivanova M.A., Kuznetsova E.V., Nikonova Yu.V. (2020) Educational technologies in preparation for the state final certification using the demonstration exam mechanism. *Problemy pedagogiki = Problems of pedagogy*. No.1(46). P. 104–107. (In Russ.)

Люлина Е.И. Демонстрационный экзамен по версии «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» как процедура государственной итоговой аттестации // *Вестник Воронежского института экономики и социального управления*. 2020. № 2. С. 37–40.

Lyulina E.I. (2020) Demonstration exam according to the version «Young Professionals (WorldSkills Russia)» as a state final certification procedure. *Vestnik Voronezhskogo institute ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya = Vestnik of the Voronezh Institute of Economics and Social Management*. No. 2. P. 37–40. (In Russ.)

Наумкин Н.И. Методическая система формирования у студентов технических вузов способностей к инновационной инженерной деятельности: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 172 с.

Naumkin N.I. (2008) Methodical system of formation of students of technical universities of abilities for innovative engineering activity: monograph. Saransk: Ogarev Mordovia State University. 172 p. (In Russ.)

Новоселов С.А. Технология развития изобретательства учащихся в процессе сбора и анализа технической и патентной информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1995. 168 с.

Novoselov S.A. (1995) Technology for the development of students' invention in the process of collecting and analyzing technical and patent information. Ekaterinburg: Ural State Vocational Pedagogical University. 168 p. (In Russ.)

Павлова О.А. Подходы к организации демонстрационного экзамена: европейский опыт и российская практика // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2020. № 3. С. 104–110.

Pavlova O.A. (2020) Approaches to organizing a demonstration exam: European experience and Russian practice. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda = Vocational education and labor market*. No. 3. P. 104–110. (In Russ.)

Панов Н.А., Тараканова А.Н. Модели демонстрационного экзамена для промежуточной/итоговой аттестации // *Академический вестник*. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. 2020. № 1(47). С. 49–55.

Panov N.A., Tarakanova A.N. (2020) Demo Exam Models for Midterm / Final Attestation. *Akademicheskii vestnik*.

Vestnik Sankt-Peterburgskoi akademii postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Academic Bulletin. Bulletin of the St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education. No. 1(47). P. 49–55. (In Russ.)

Попов А.И., Пучков Н.П. Методологические основы и практические аспекты организации олимпиадного движения по учебным дисциплинам в вузе: монография. Тамбов, Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. 212 с.

Popov A.I., Puchkov N.P. (2010) Methodological foundations and practical aspects of the organization of the Olympiad movement in academic disciplines at the university: monograph. Tambov: Tambov State Technical University. 212 p. (In Russ.)

Попов А.И. Теоретические основы формирования кластера профессионально важных творческих компетенций в вузе посредством олимпиадного движения: монография. Тамбов, Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. 80 с.

Popov A.I. (2011) Theoretical foundations of the formation of a cluster of professionally important creative competencies in a university through the Olympiad movement: monograph. Tambov: Tambov State Technical University. 80 p. (In Russ.)

Попова Н.А. Формирование персонального компетентного профиля обучающихся в процессе прохождения промежуточной аттестации в форме демонстрационного экзамена // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2020. Т. 12. № 1(47). С. 103–111.

Popova N.A. (2020) Formation of a personal competence profile of students in the process of passing intermediate certification in the form of a demonstration exam. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Contemporary higher education: innovative aspects*. Vol. 12. No. 1(47). P. 103–111. (In Russ.)

Рогалева Е.В., Третьякова Л.Р. Особенности проведения демонстрационного экзамена через независимую оценку квалификации // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2020. № 2(38). С. 165–170.

Rogaleva E.V., Tret'yakova L.R. (2020) Features of the demonstration exam through an independent qualification assessment. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*. No. 2(38). P. 165–170. (In Russ.)

Сафронович И.Е. Демонстрационный экзамен как элемент проверки знаний, умений и навыков обучающихся вуза // *Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАИТ)*. 2021. № 2(5). С. 44–53.

Safronovich I.E. (2021) Demonstration exam as an element of testing the knowledge, skills and abilities of university students. *Innovatsionnaya nauchnaya sovremennaya akademicheskaya issledovatel'skay atraektoriya (INSAIT) = Innovative scientific modern academic research trajectory (INSIGHT)*. No. 2(5). P. 44–53. (In Russ.)

Симон С.С. Некоторые проблемы подготовки и уча-

ствия обучающихся в чемпионатном движении и демонстрационном экзамене по компетенции «Электро-монтаж». // Достижения науки и образования. 2021. № 2 (74). С. 32–33.

Simon S.S. (2021) Some problems of preparation and participation of students in the championship movement and the demonstration exam in the competence «Electrical installation». *Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of Science and Education*. No.2 (74). P. 32-33. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Иванович Попов, кандидат педагогических наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет,
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, Россия,
olimp_popov@mail.ru, popov.ai@mail.tstu.ru

Вклад автора

Андрей Иванович Попов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.08.2021; одобрена после рецензирования 15.08.2021; принята к публикации 01.09.2021.

Чеховская И.В. Демонстрационный экзамен как инновационный элемент государственной итоговой аттестации в системе среднего профессионального образования // Наука и образование сегодня. 2020. № 6-2(53). С. 74–76.

Chekhovskaya I.V. (2020) Demonstration exam as an innovative element of the state final certification in the system of secondary vocational education. *Nauka i obrazovanie segodnya = Science and education today*. No. 6-2(53).P. 74-76.(In Russ.)

Information about the author

Andrei I. Popov, Cand. Sci. (Pedagogical sciences), Associate Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya Street, Tambov, 392000, Russia,
olimp_popov@mail.ru, popov.ai@mail.tstu.ru

Contribution of the author

Andrei I. Popov performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interests.

The final manuscript has been read and approved by the author.

Information about the article

The article was submitted 01.08.2021; approved after reviewing 15.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Научная статья
УДК 316.454.5

Трансформация управленческих практик коммерческих организаций в ходе пандемии: итоги социологического исследования

Владимир Вениаминович Кривошеев^{1✉}, Юлия Бейс², Елизавета Геннадьевна Ерохина³

^{1,2,3} Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия,

¹ VKrivosheev@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1380-6041>

² beys.yuliya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0983-9753>

³ liz1130736@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2791-3195>

Аннотация: В статье раскрывается трансформация системы управления в коммерческих организациях в ходе продолжающейся пандемии COVID-19. Авторы считают исключительно важным в этих условиях не только сохранение достигнутого уровня функционирования предприятий, поддержание высокого показателя числа занятых, но и развитие солидаристских отношений между всеми участниками производственного процесса. Подчеркивается важность сохранения должного уровня межличностной и межгрупповой коммуникации в коммерческих организациях, что в известной степени было нарушено в условиях перехода значительной части персонала на удаленный режим работы. Эмпирическое исследование, проведенное в группе компаний «Гидрокомфорт» Калининграда, с использованием различных методов, показало, что в ходе пандемии произошло преобразование управленческих практик, что в целом позитивно повлияло на развитии предприятия. В частности, удалось удерживать на высоком уровне экономические результаты деятельности организации. Показано также, что выросли показатели объективности и адекватности в оценке работы сотрудников со стороны руководителей. В целом их отношение к подчиненным улучшилось, они стали больше внимания уделять социальным аспектам функционирования своих организаций. Исследование также показало, что пандемия значительно повлияла на психологический климат в коллективе. Соблюдение социальной дистанции и удаленная работа сказались на отдалении сотрудников друг от друга. Представляется, что такая ситуация может характеризовать и иные коммерческие и не только коммерческие организации, чему, безусловно, необходимо будет уделять особое внимание руководителями предприятий и учреждений после полного преодоления пандемии COVID-19.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, управленческие практики, коммерческие организации, сплоченность персонала, экономические показатели

Для цитирования: Кривошеев В.В., Бейс Ю., Ерохина Е.Г. Трансформация управленческих практик коммерческих организаций в ходе пандемии: итоги социологического исследования // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 341–347.

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Original article

Transformation of management practices of commercial organizations during the pandemic: results of sociological research

Vladimir V. Krivosheev^{1✉}, Yuliya Bejs², Elizaveta G. Erohina³

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,

¹ VKrivosheev@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1380-6041>

² beys.yuliya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0983-9753>

³ liz1130736@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2791-3195>

Abstract: The article reveals the transformation of the management system in commercial organizations during the ongoing COVID-19 pandemic. The authors consider it extremely important in these conditions not only to maintain the achieved level of functioning of enterprises, to maintain a high level of employment, but also to develop solidarity relations between all participants in the production process. The importance of maintaining the proper level of interpersonal and intergroup communication in commercial organizations is emphasized, which to a certain extent was violated in the

¹ © Кривошеев В.В., Бейс Ю., Ерохина Е.Г., 2021

context of the transition of a significant part of the staff to a remote mode of work. An empirical study carried out in the Hidrocomfort group of companies in Kaliningrad using various methods showed that during the pandemic there was a transformation of management practices, which in general had a positive effect on the development of the enterprise. In particular, we managed to keep the economic results of the organization at a high level. It is also shown that the indicators of objectivity and adequacy in assessing the work of employees by managers have increased. In general, their attitude towards subordinates improved, they began to pay more attention to the social aspects of the functioning of their organizations. The study also showed that the pandemic had a significant impact on the psychological climate in the team. Maintaining social distance and working remotely affected the distance between employees. It seems that such a situation can characterize other commercial and not only commercial organizations, which, of course, will need to be given special attention by the heads of enterprises and institutions after the complete overcoming of the COVID-19 pandemic.

Keywords: pandemic COVID-19, management practices, commercial organizations, staff cohesion, economic performance

For citation: Krivosheev V.V., Bejs Y., Erohina E.G. (2021) Transformation of management practices of commercial organizations during the pandemic: results of sociological research. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 341–347. (In Russ.)

Введение

Продолжающаяся пандемия COVID-19 неизбежно предопределяет многие непростые и во многом незавершенные, трудно прогнозируемые процессы как в экономической сфере общества, так и в его социальной составляющей. В свою очередь это вызывает необходимость трансформации системы управления на разных уровнях социальной организации, в частности, не в последнюю очередь в коммерческом секторе. Актуальность этих проблем побудила бизнес-сообщество интенсивно разрабатывать и использовать новые формы предпринимательской деятельности, изменять управленческие структуры организаций, применять инновационные социальные технологии как в работе с внешним окружением, так и со своим персоналом. В настоящее время одним из глобальных трендов стало введение дистанционных форм занятости людей, а режим самоизоляции, примененный по сути всех регионах России, заставил предпринимателей, руководителей учреждений и организаций приспосабливаться к необычным условиям, чтобы не только не потерять достигнутый уровень развития, но и по возможности обеспечить рост производства товаров и услуг.

К настоящему времени, как известно, уже есть немало исследований, посвященных работе предприятий и организаций в условиях пандемии. При этом есть такие, в которых делаются попытки обобщения пусть пока не слишком значительного опыта, практик функционирования российского социума в

настоящее время. В частности, можно назвать работы О.Д. Гараниной (Гаранина, 2021), Г.А. Малышевой (Малышева, 2020), М.О. Макушевой, Т.А. Нестика (Макушева, Нестик, 2020). Имеются статьи, в которых раскрываются социально-культурные риски, связанные с постковидным периодом развития общества, социальных групп и категорий, возможным нарушением солидаристских отношений, угрозой атомизации социума. Это, например, работы Н.Х. Гафиатулиной, В.В. Касьянова, С.И. Самыгина (Гафиатулина, 2020), Т.В. Семиной, А.А. Тертышного (Семина, 2020), Н.С. Безуглой, И.Н. Шамрай (Безуглая, 2020), С.Е. Туркулец, А.В. Туркульца, Е.В. Листопадовой, М.В. Сокольской (Туркулец, 2020).

Понятно, что есть анализ воздействия пандемии на функционирование российской экономики, различных её секторов. Как пример можно назвать статью М.Ю. Головнина, С.А. Никитиной (Головнин, 2020). Есть конкретизация ситуации на промышленных предприятиях в работе Д.А. Иванкович, А.Д. Чуприной (Иванкович, 2021). Появляются публикации, в которых рассматриваются различные аспекты изменений в управленческой практике предприятий и организаций. В этой связи характерны работы М. Мескона, М. Альберта, Ф. Хедоури (Мескон, Альберт, Хедоури, 2020), Н.С. Данакина (2019). Появились публикации, в которых рассматривается деятельность по управлению персоналом в условиях пандемии. В частности, это статьи Т.Н. Субботиной, Н.В. Барановой (2021), А.А. Кучеровой, Т.Н. Субботиной

(2020). Есть материалы, посвященные анализу состояния рынка труда в современных условиях. Это, например, работы А.А. Михайлова (2020), А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновской (2021).

Проведенное исследование в известной степени дополняет этот анализ на примере работы одной из групп компаний в Калининграде. Изучение трансформации управленческих практик позволит, на наш взгляд, выявить возможные модели поведения коммерческих организаций в ходе пандемии, которая, к сожалению, продолжается, определить их жизнеспособность и практическую применимость в экстремальных условиях.

Методы

В качестве методов в исследовании использовались: опрос сотрудников группы компаний «Гидрокомфорт»; интервью с экспертами, в качестве которых были руководители различных направлений данной организации; социометрия. Генеральная совокупность составила 248 человек. Однако различные антиковидные ограничения привели к невозможности доступа к ряду внутренних компаний, составляющих группу, а также из-за соблюдения оговоренных условий конфиденциальности было опрошено только 56 сотрудников. Положительной стороной этого является постоянное взаимодействие работников друг с другом, потому как, если добавить закрытые для исследования сегменты группы компаний получится значительное искажение под влиянием включения в исследования сотрудников, которые никогда не взаимодействуют с основным составом персонала. Для нас это было принципиально важно, поскольку ставилась задача оценить не только экономические последствия работы в ходе пандемии, но и социальную составляющую деятельности группы компаний.

Для изучения мнения сотрудников, посвященного трансформации управленческих практик в ходе пандемии, была составлена анкета, состоящая из 15 вопросов, три из которых направлены на определение социально-демографических характеристик респондентов, таких как пол, возраст, занимаемая должность. Для выявления точки зрения экспертов относительно трансформации управ-

ленческих практик был разработан сценарий-интервью, состоящий из 23 вопросов, разделенных на три части. В первую входят 4 вопроса, предполагающие получение общих сведений об эксперте и его согласии или несогласии с использованием полученных материалов диалога в открытом виде. Во второй части было 13 вопросов, посвященных основным аспектам управленческой деятельности, позволяющих сделать выводы об эффективности влияния трансформации системы управления в ходе пандемии. В третью часть вошли шесть вопросов, посредством которых возможен анализ тенденций развития организаций, а также замер влияния трансформаций управленческих практик на удовлетворенность и лояльность сотрудников.

Социометрия позволила изучить изменения в межличностных отношениях и предпочтениях сотрудником компаний, а также диагностировать влияние трансформации системы управления на сплоченность коллектива. Для проведения исследования были составлены социометрические карточки, состоящие из шести вопросов-выборов с ограничением до четырех сотрудников.

Таким образом, данный комплекс методов был подобран с учетом специфики изучаемого объекта и процессов, которые в нем происходят.

Результаты

Как уже отмечалось, задачи нашего исследования заключались в том, чтобы показать, как изменения управленческих практик в ходе пандемии сказались не только на экономическом положении группы компаний, но и на социальном самочувствии коллективов, уровне солидаристских отношений в них, состоянии межличностной коммуникации.

Социометрический анализ показал, что несмотря на продолжающуюся значительную активность взаимодействий между сотрудниками группы компаний, трансформация управленческих практик в период неопределенности, что было характерно для начала пандемии, а потом и в её ходе, оказала значительный негативный эффект на сплоченность, наличие устойчивых и многообразных связей элементов в ядре коллектива. У со-

трудников было зафиксировано очень низкое чувство общности, что является одним из факторов не нормального функционирования группы компании как системы, а, следовательно, негативно воздействует на реализацию управленческих решений. В тоже время рассчитанные социометрические индексы показали высокий уровень стремления к сохранению стабильности состава коллектива. Это можно объяснить естественным желанием работников закрепиться на предприятиях, когда повсеместно, хоть и не столь масштабно, стала расти безработица.

Интервью экспертов, а всего их было 11, показало, что среди них не было тех, которые были бы не довольны своей работой и местом в компании. Напротив, высказывались мнения, связанные с повышением лояльности респондентов к компании из года в год. Вот одно из наиболее характерных мнений: *«Я полностью доволен своей должностью, своей работой, условиями, уровнем лояльности компании ко мне»* (представитель ООО «Гидрокомфорт»). С точки зрения экспертов, очень важными аспектами ситуации в коллективе являются возможность принимать самостоятельно решения без постоянного жесткого контроля со стороны руководства, баланс между ориентацией на стабильность и динамичное развитие, квалифицированный руководящий состав и демократический стиль руководства. Высказывались, например, такие соображения: *«Нравится, наверное, открытость, то есть, нет такого, если человек руководитель, то к нему не подойти, как в больших корпорациях, это хорошо, это позволяет какие-то вещи оперативно решать, обсуждать»* (представитель ООО «Гидрокомфорт»). *«Из того, что нравится, это, скорее всего, стабильность, руководящий состав, хороший график работы»* (ООО «Лотос»). *«Самый важный фактор – это свобода выбора. В компании поощряется очень сильная инициатива»* (представитель ГК «Гидрокомфорт»). *«Ну, если перечислить то, что устраивает – эта возможность, прежде всего, самостоятельно принимать решения и без какого-то контроля со стороны вышестоящего руководства»* (представитель ООО «БалтТрейд»).

Что касается социального самочувствия в коллективе, то опасения, связанные с возможностью заразиться коронавирусом от тех, кто продолжал трудиться контактно, не мог не сказаться на обстановке в организации. *«Психологически кому-то было сложно. Люди отдалились друг от друга»* (представитель ООО «МТК»). Вызывало отдаление индивидов друг от друга и стремление поделиться с сотрудниками информацией, которая не всегда соответствует действительности. *«Очень сильно влияет общественное мнение, когда люди передают друг другу информацию не всегда подтвержденную. Но тем не менее, люди прислушиваются и сначала верят всему»* (представитель «ИП Бут И.С.»).

Если говорить об экономической составляющей жизнедеятельности группы компаний, то здесь, по мнению экспертов, все оказалось в целом положительно. *«Компания вообще развивается постоянно. Процесс идет во всех направлениях. Расширение клиентской базы и скажем так, есть клиенты, по каким-то причинам плохо работают с нами. Мы пытаемся их вернуть всеми способами»* (представитель ООО «МТК»); *«На данный момент компания пытается интегрировать в свою работу все более современные и удобные инструменты для работы»* (представитель ООО «Лотос»).

Массовый опрос, итоги которого подводились на основе частотного анализа, показал, что, по мнению респондентов, трансформация системы управления в компаниях произошла. Так считают большинство сотрудников (48,2 %), однако примерно половина из опрошенных (47 %) заметили, что изменений не было, а 4,8 % затруднились с ответом. Уже одно это может позволить сделать вывод, что с внутрифирменной коммуникацией далеко не все благополучно. Также достаточно рассогласованно выглядит оценка текущей ситуации в организациях. Результаты опроса показали, что 16 % респондентов считают, что пандемия притормозила развитие, а ситуация в компании осложнилась (16 %). При этом среди позитивных процессов 16 % отмечают, что стало больше полномочий для самостоятельного принятия решений, а 24 %

опрошенных полагают, что кризис уже пройден. Как видим, несмотря на преобладание условно положительных оценок, треть сотрудников говорит о негативных последствиях пандемии для группы компаний. Большинство определенно считают, что удаленная работа повлияла на сплоченность коллектива. Такую оценку дали 69,6 % респондентов. Еще 8,9 % выбрали оценку «скорее да, чем нет».

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к следующим заключениям. Достаточная квалификация менеджеров компании позволила успешно трансформировать управленческие практики, что позитивно сказалось на развитии предприятий по ряду показателей. В частности, удалось преобразо-

вать работу многих вспомогательных служб, оптимизировать деятельность подразделений. Но, к сожалению, изучение работы группы компаний показало, что пандемия негативно повлияла на сплоченность коллектива, уровень коммуникации между сотрудниками. Соблюдение социальной дистанции и удаленная работа сказались не только на эмоциональном отдалении людей, но на и их стремлении в большей мере опираться на знания и опыт друг друга. Можно предположить, что аналогичная ситуация может быть свойственна не только данным коллективам, что, с одной стороны, требует дальнейшего глубокого анализа их функционирования в новых условиях, а с другой – востребует социальные технологии восстановления и развития в чем-то утраченного уровня отношений на предприятиях и в организациях.

Библиографический список / References

Безуглая Н.С., Шамрай И.Н. Национальная безопасность и пандемия коронавирусной инфекции COVID-19: вызовы экономической системе государства и перспективы по обеспечению ее безопасности // Регионология. 2020. Т. 28. № 3. С. 449-469.

Bezuglaya N.S., Shamrai I.N. National security and the pandemic of coronavirus infection COVID-19: challenges to the economic system of the state and prospects for ensuring its security. *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 449–469. (In Russ.)

Гаранина О.Д. Российские реалии в контексте пандемии // Chronos: общественные науки. 2021. Т. 6-1 (21). С. 28–31.

Garanina O.D. (2021) Russian realities in the context of the pandemic. *Chronos: obshchestvennye nauki = Chronos: Social sciences*. Vol. 6–1 (21). P. 28–31. (In Russ.)

Гафиатулина Н. Х., Касьянов В.В., Самыгин С.И. Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации // Гуманитарий юга России. 2020. Т. 9 (42). № 2. С.147-158.

Gafiatulina N. Kh., Kas'yanov V.V., Samygin S.I. (2020) Social immunity of Russian society under the threat of coronavirus: risks of socio-cultural traumatization. *Gumanitarii yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. Vol. 9 (42). No. 2. P. 147–158. (In Russ.)

Головнин М.Ю., Никитина С.А. Каналы воздействия пандемии COVID-19 на экономику России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 9-23.

Golovnin M.Yu., Nikitina S.A. (2020) Channels of impact of the COVID-19 pandemic on the Russian economy.

Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the IE RAS. No. 5. P. 9–23. (In Russ.)

Данакин Н.С., Захаров В.М. Теоретические и технологические основы компетентностного подхода к государственному и муниципальному управлению: монография. Белгород: НИУ «БелГУ», 2019. 269 с.

Danakin N.S., Zakharov V.M. (2019) Theoretical and technological foundations of the competence-based approach to state and municipal management: monograph. Belgorod: NIU "BelGU". 269 p. (In Russ.)

Иванкович Д.А., Чуприна А.Д. Промышленные предприятия в условиях пандемии коронавирусной инфекции // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. № 1. С. 35-38.

Ivankovich D.A., Chuprina A.D. (2021) Industrial enterprises in the context of the coronavirus pandemic. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii = Business education in the knowledge economy*. No. 1. P. 35–38. (In Russ.)

Кучерова А.А., Субботина Т.Н. Особенности управления персоналом в условиях пандемии COVID-19 // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. Т. 12-20 (70). С. 75–78.

Kucherova A.A., Subbotina T.N. (2020) Features of personnel management in the context of the COVID-19 pandemic. *Ekonomiki i biznesa: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. Vol. 12–20 (70). P. 75–78. (In Russ.)

Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и соци-

альные перемены. 2020. № 6. С. 427-447.

Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-psychological prerequisites and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427-447. (In Russ.)

Малышева Г.А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. С. 60-74.

Malysheva G.A. (2020) Socio-Political Aspects of the Pandemic in the Digital Networking Society: Russian Experience. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal) = Bulletin of Moscow State Regional University*. No. 3. P. 60-74. (In Russ.)

Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. Классическое издание. Москва: Вильямс, 2020. 672 с.

Meskon M., Al'bert M., Khedouri F. (2020) Fundamentals of management. Classic Edition. Moscow: Vil'yams. 672 p. (In Russ.)

Михайлов А.А. Влияние пандемии COVID-19 на российский рынок труда // Московский экономический журнал. 2020. № 11. С. 597-604.

Mikhailov A.A. (2020) Impact of the COVID-19 pandemic on the Russian labor market. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. No.11. P. 597-604. (In Russ.)

Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Влияние экономических кризисов 2008–2009 гг. и 2020 г. на рынок труда // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 55-60.

Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2021) The impact of the economic crises of 2008-2009 and 2020 to the labor market. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Development*. Vol. 28. No. 1. P. 55-60. (In Russ.)

Семина Т.В., Тертышный А.А. Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: социальные и правовые аспекты // Образование и право. 2020. № 7. С. 11-20.

Semina T.V., Tertyshnyi A.A. (2020) Social solidarity and confrontation during the COVID-19 coronavirus pandemic: social and legal aspects. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. No. 7. P. 11-20. (In Russ.)

Субботина Т.Н., Баранова Н.В. Особенности мотивации труда персонала предприятия в условиях пандемии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. Т. 5-3 (75). С. 104-108.

Subbotina T.N., Baranova N.V. (2021) Features of labor motivation of enterprise personnel in a pandemic. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. Vol. 5-3 (75). P. 104-108. (In Russ.)

Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Листопадова Е.В., Сокольская М.В. Социальная стигматизация в период пандемии // Социодинамика. 2020. № 5.

Turkulets S.E., Turkulets A.V., Listopadova E.V., Sokol'skaya M.V. (2020) Social stigma during a pandemic. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. No. 5. (In Russ.)

Информация об авторах

Кривошеев Владимир Вениаминович Кривошеев, профессор, доктор социологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Институт гуманитарных наук, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14, Россия, VKrivosheev@kantiana.ru

Юлия Бейс, руководитель отдела аналитики группы компаний «Гидрокомфорт», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Институт гуманитарных наук, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14, Россия, beys.yuliya@gmail.com

Information about the authors

Vladimir V. Krivosheev, Dr. Sci. (Sociological Sciences), Professor, Associate Professor of Kant Baltic Federal University, Institute of Humanities of Immanuel, 14 Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236016, Russia, VFKrivosheev@kantiana.ru

Yuliya Bejs, Head of the Analytics Department of the Hydrocomfort Group of Companies, Kant Baltic Federal University, Institute of Humanities of Immanuel, 14 Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236016, Russia, beys.yuliya@gmail.com

Елизавета Геннадьевна Ерохина, ведущий специалист по анализу группы компаний «Гидрокомфорт», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Институт гуманитарных наук, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14, Россия, liz1130736@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10.08.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 01.09.2021.

Elizaveta G. Erohina, Leading analyst of the Hydrocomfort group of companies, Kant Baltic Federal University, Institute of Humanities of Immanuel, 14 Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236016, Russia, liz1130736@gmail.com

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interests.

The final manuscript has been read and approved by all the coauthors.

Information about the article

The article was submitted 10.08.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Научная статья
УДК 314.6

Оценка влияния нематериальных факторов на формирование человеческого потенциала детей¹

Лейла Натиговна Нацун²

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
<https://orcid.org/0000-0002-9829-8866>, leyla.natsun@yandex.ru

Аннотация: Вопросы формирования человеческого потенциала детей остаются неизменно актуальными вне зависимости от текущей социально-экономической и демографической ситуации, поскольку прямо или косвенно затрагивают ключевые вопросы социального развития страны. Факторы, которые могут повлиять на результаты воспитания детей в семье, имеют разную природу и часто действуют в сочетании друг с другом. В исследованиях российских авторов задача дифференцированного рассмотрения воздействия нематериальных факторов на формирование человеческого потенциала детей ставится редко. Настоящее исследование посвящено выявлению и характеристике взаимосвязи уровня сформированности компонент человеческого потенциала детей с уровнем образования родителей в семьях с разным уровнем покупательной способности дохода. Информационную базу исследования составили данные репрезентативного социологического опроса семей с детьми, проживающих на территории Вологодской области, проведенного в 2018 году. Полученные результаты свидетельствуют о наличии статистически значимой положительной корреляционной связи между уровнем образования матери и степенью сформированности потенциала здоровья у детей в семьях с высокими доходами и доходами выше среднего уровня. Установлено также, что в семьях, где хотя бы один родитель имеет высшее образование, сформированность человеческого потенциала детей выше. Значимые положительные корреляции наблюдаются между наличием высшего образования у родителей и значениями субиндексов здоровья и интеллектуального развития детей. Полученные результаты подтверждают сочетанное действие материальных и нематериальных факторов, а также значимость последних для формирования потенциала подрастающего поколения.

Ключевые слова: детское население, человеческий потенциал, воспитательный потенциал семьи, факторы формирования человеческого потенциала, поддержка семьи

Для цитирования: Нацун Л.Н. Оценка влияния нематериальных факторов на формирование человеческого потенциала детей // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 348–361.

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Original article

Evaluation of the influence of intangible factors on the formation of Human potential of children

Leila Natigovna Natsun

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
leyla.natsun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9829-8866>

Abstract: The issues of forming the human potential of children remain invariably relevant regardless of the current socio-economic and demographic situation, since they directly or indirectly affect the key issues of the country's social development. The factors that can affect the results of raising children in the family are of different nature and often act in combination with each other. In the studies of Russian authors, the task of differentiated consideration of the impact of non-material factors on the formation of the human potential of children is rarely set. The present study is devoted to identifying and characterizing the relationship between the level of formation of the components of children's human potential with the level of education of parents, the content and duration of their communication with children in families with

¹ Статья подготовлена на основе данных, собранных в рамках выполнения научного проекта РФФИ №18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества» (2018–2020 гг.).

² © Нацун Л. Н. 2021

different levels of income purchasing power. The information base of the study was made up of data from a representative sociological survey of families with children living in the Vologda Region, conducted in 2018. The obtained results indicate the presence of a statistically significant positive correlation between the level of education of the mother and the degree of formation of the health potential of children in families with high incomes and incomes above the average level. It is also established that in families where at least one parent has a higher education, the formation of the human potential of children is higher. Significant positive correlations are observed between the availability of higher education among parents and the values of the sub-indices of children's health and intellectual development. In families with high incomes and incomes above the average level. The results obtained confirm the high importance of nonmaterial factors in the formation of the potential of the younger generation. In the final part of the article, recommendations are formulated to increase the educational potential of parents.

Keywords: child population, human potential, educational potential of the family, factors of human potential formation, family support

For citation: Natsun L.N. (2021) Evaluation of the influence of intangible factors on the formation of Human potential of children. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 348–361. (In Russ.).

Введение

Благополучие семьи служит базовым фактором, определяющим жизненные перспективы подрастающего поколения. В отечественной литературе приводятся аргументы в пользу того, что благополучные в профессиональной сфере родители с большей вероятностью будут успешны и в выполнении воспитательных функций в отношении своих детей (Гурко, 2018). Резкие трансформации основных социальных институтов, которые происходили в России в постсоветский период, привели, в том числе, к обострению проблемы низкого уровня благосостояния семей с детьми (Римашевская, 2011; Римашевская и Бреева, 2011). В последние годы государство приняло целый ряд мер, направленных на улучшение материального положения семей с детьми (Волкова и Кудяева, 2019). Однако ключевая дилемма современных родителей – совмещение профессиональной самореализации и успешного воспитания детей в рамках проводимой семейной политики осталась нерешённой.

Наряду с социально-демографическими характеристиками семей заметное влияние на их возможности в сфере воспитания детей имеют уровень образования родителей, а также характер их трудовой деятельности (тип, график и напряжённость труда, принадлежность к профессиональной группе) (Багирова и Бледнова, 2019). В современной России основным препятствием для воспитания благополучного подрастающего поколения служит не столько бедственное материальное положение семьи, сколько отсутствие у родителей свободного времени на общение с детьми и нехватка воспитательного потенци-

ала (Гурко, 2018). Высказывается точка зрения о необходимости введения мер материальной поддержки за выполняемый родительский труд (Багирова и Быкова, 2015). Проблематика родительского труда выступает одной из наиболее востребованных в российской социологии семьи (Багирова и Шмарова, 2018). В работах современных авторов показано, что необходимо учитывать не только двойную нагрузку на родителей в форме профессионального и родительского труда, но и неравномерное распределение воспитательной нагрузки внутри семьи. Несмотря на наблюдаемое перераспределение повседневных обязанностей мужей и жён и на переосмысление отцовства (Рождественская, 2020; Ильдарханова, Барсуков, 2019) основная нагрузка по воспитанию детей и большая часть домашнего труда остаётся обязанностью женщин (Калачикова, Груздева, 2019).

О влиянии нематериальных факторов на формирование качеств подрастающего поколения чаще говорят в контексте обсуждения вопросов сохранения и укрепления здоровья детского населения, в том числе, посредством создания благоприятных («дружественных») условий для получения образовательных и медицинских услуг, устранения неравенства в доступе к этим благам. Среди нематериальных факторов формирования человеческого потенциала детей выделяют уровень образования родителей, образ жизни членов семьи, продолжительность и содержание детско-родительского общения. Целью настоящего исследования является проверка наличия (или отсутствия) статистически значимой взаимосвязи между показа-

телями сформированности компонент человеческого потенциала детей и действием такого фактора, как уровень образования родителей в семьях с разным уровнем покупательной способности дохода.

Задачи исследования:

1) сопоставление уровня сформированности отдельных компонент человеческого потенциала детей (ЧПДН) с уровнем материального благосостояния семей, а также уровнем образования родителей;

2) выявление социально-демографических характеристик наиболее обеспеченных семей с детьми, проживающих на территории Вологодской области;

3) рассмотрение сформированности компонент ЧПДН в наиболее обеспеченных семьях в разрезе отдельных возрастных групп детей с учётом влияния образования родителей.

Методы

Ранее при проведении исследования взаимосвязи уровня дохода и сформированности человеческого потенциала детей нами было выявлено, что в наиболее обеспеченных семьях по сравнению со среднеобеспеченными наблюдается снижение показателей сформированности у детей основных навыков в сфере заботы о здоровье, интеллектуальных и социокультурных навыков. Очевидно, что нарушение чёткой положительной корреляции между доходом семьи и потен-

циалом детей, наблюдаемой для средне- и низкодоходных семей, свидетельствует о том, что материальный фактор в высокодоходных группах теряет лидирующую роль (табл. 1).

На основе указанных фактов можно предположить, что после достижения семьями определённого уровня удовлетворения материальных потребностей более значимую роль в обеспечении прироста человеческого потенциала детского населения (ЧПДН) начинают играть нематериальные факторы, в частности, образование родителей, продолжительность и содержание детско-родительского общения.

Ранее было установлено, что между продолжительностью общения детей и родителей и степенью сформированности человеческого потенциала детей существует положительная взаимосвязь. При этом на примере семей, где родители уделяют минимальное время общению с детьми, показано, как различия в содержании общения, ценностных ориентирах семейного воспитания, а также в волевых качествах самих детей соотносятся с разными уровнями сформированности их человеческого потенциала. При условии равных затрат времени на воспитание наиболее высокими показатели сформированности человеческого потенциала детей были в семьях, которые достаточное внимание уделяли ценностям эстетического, личностного развития, творчества, достижений,

Таблица 1. Распределение средних значений индекса сформированности человеческого потенциала детей и его компонент в семьях с разной самооценкой покупательной способности дохода

Table 1. Distribution of the average values of the index of the formation of the human potential of children and its components in families with different self-assessments of the purchasing power of income

Варианты ответа респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, возможности удовлетворения потребностей Вашей семьи исходя из ее совокупного дохода»	СиЗ	СиИР	СиСР	ИСЧПд
1. Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	0.846	0.825	0.825	0.829
2. Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	0.855	0.823	0.829	0.832
3. Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	0.818	0.786	0.789	0.794
4. Денег хватает только на приобретение продуктов питания	0.804	0.763	0.766	0.774
5. Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	0.721	0.683	0.726	0.706

Обозначения: СиЗ – субиндекс здоровья, СиИР – субиндекс интеллектуального развития, СиСР – субиндекс социокультурного развития, ИСЧПд – индекс сформированности человеческого потенциала детей.

Источник здесь и далее: данные социологического опроса семей с детьми, проведённого в Вологодской области в 2018 году.

где родители и дети часто проводили время вместе, занимаясь спортом и физкультурой, трудом по дому, в саду и огороде, выезжали на природу. Более высокие показатели сформированности компонент человеческого потенциала наблюдались у детей, которые, согласно родительской оценке, обладали ярко выраженными положительными волевыми качествами (инициативность, целеустремлённость, принципиальность, выдержка и др.) (Нацун, 2020). В проведённом исследовании не учитывалось влияние такого фактора, как материальное положение семьи. Возможно, что введение этой дополнительной переменной скорректирует полученные результаты.

Настоящая работа направлена на выявление взаимосвязей между сформированностью отдельных компонент человеческого потенциала детей и уровнем образования их родителей с учётом материального положения семей и возраста детей.

Информационная база исследования

Информационную базу проведённого исследования составили данные российской и региональной статистики, а также результаты социологического опроса 1500 семей с детьми в возрасте от 3 до 17 лет, проживающих на территории Вологодской области, проведённого в 2018 году. Сбор эмпирических данных проводился путём раздаточного анкетирования родителей детей. Были опрошены семьи в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Междуреченском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между городским и сельским населением; между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); возрастной структуры детского населения области. Квоты для формирования выборки определялись на основании статистических данных о возрастном-половом составе населения Вологодской области по состоянию на 01.01.2017 г.³ Ошибка выборки

³ Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2016 г.: статистический сборник. Вологда: Вологдастат, 2017. 93 с.

не превышала 3 % при доверительном интервале 4-5 %. Отбор респондентов осуществлялся методом поквартирного обхода. Заполнение анкеты проводилось в письменном виде в присутствии интервьюера. В каждом из опрошенных домохозяйств заполнялась анкета только на одного ребёнка. Для данного опроса анкетёрам задавалось дополнительное условие – желательно, чтобы среди опрошенных около 30 %⁴ относились к категории неполных семей (с одним родителем).

Методика проведения полевого этапа исследования, а также методика построения интегрального индекса сформированности человеческого потенциала детей представлены в работе членов научного коллектива проекта А.В. Короленко и А.Н. Гордиевской (2018). Отметим, что в основу методики расчёта интегрального индекса были взяты балльные оценки сформированности у детей в соответствии с возрастными нормами навыков в отношении заботы о здоровье, навыков, характеризующих интеллектуальное и социокультурное развитие. Интегральный индекс может принимать значения от 0 до 1, где «0» означает несформированность навыков, а 1 балл указывает на то, что навыки полностью сформированы. Расчёт индекса интенсивности воспитательного воздействия семьи на формирование человеческого потенциала детей производился на основе данных социологического опроса, а именно, ответов респондентов на вопрос о воспитательных мерах, применяемых ими в отношении своих детей. Индекс и его компоненты могут принимать значения от 0 до 1, где минимальное значение шкалы указывает на полное отсутствие воспитательного воздействия, а максимальное – на использование родителями всех предложенных воспитательных мер. Методика подробно раскрыта в статье И.Н. Развариной, А.Н. Гордиевской и М.А. Груздевой (2019).

⁴ По данным микропереписи 2015 г. в среднем по Вологодской области около 30 % обследованных семейных ячеек относились к категории неполных семей. Источник: Итоги микропереписи населения 2015 года. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/vol9.html (дата обращения: 8.08.2021).

Результаты

Среди семей, принимавших участие в социологическом опросе, большинство имели средний уровень дохода. Около 25 % опрошенных располагали более скромным доходом, в том числе 6 % семей не могли позволить себе даже полноценное питание. Наблюдается территориальная дифференциация: наибольшая доля высокообеспеченных семей проживала в городе Череповце (29 %), а наименьшая – в сельской местности муниципальных районов области (7 %). По малообеспеченным семьям картина дифференциации обратная – они сконцентрированы в сельской местности муниципальных районов области (табл. 2).

Гипотеза о значимости образования родителей для формирования человеческого потенциала детей проверялась нами посредством проведения корреляционного анализа между переменными, характеризующими уровень образования каждого из родителей и величины субиндексов сформированности человеческого потенциала детей, а также его интегрального индекса. Анализ был проведён для каждой из доходных групп семей и для всей выборки в целом. В среднем по вы-

борке наблюдается очень слабая положительная корреляционная связь между образованием матери и сформированностью человеческого потенциала детей и таких его компонент, как интеллектуальное и социокультурное развитие. Поскольку значения коэффициентов корреляции очень низкие, нельзя утверждать, что они подтверждают предположение о взаимосвязи рассматриваемых переменных. По крайней мере, этот вывод неприменим для всей выборки в целом. В разбивке по доходным группам значимая слабая положительная корреляционная связь наблюдается только между уровнем образования матери и значением индекса здоровья детей и только в группе семей с высокими доходами или доходами выше среднего уровня. При этом в наиболее обеспеченных семьях величина коэффициента корреляции переменных заметно выше (коэффициент Пирсона 0,289, значимость на уровне 0,01). В категории семей с доходами выше среднего указанная связь также значима, но в меньшей степени (коэффициент Пирсона 0,289, значимость на уровне 0,01) (табл. 3).

Таблица 2. Распределение семей с детьми по самооценке уровня покупательной способности дохода (на основе распределения ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, возможности удовлетворения потребностей Вашей семьи исходя из её совокупного дохода»; 100 % по столбцу)

Table 2. Distribution of families with children by self-assessment of the level of purchasing power of income (based on the distribution of answers to the question: "Please rate the possibilities to meet the needs of your family based on its total income"; 100% by column)

Категории семей	Среднее	Вологда	Череповец	Районы	В районах:	
					городская местность	сельская местность
Высокообеспеченные, в т. ч.:	19,2	28,3	29,0	8,4	10,5	6,6
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать	6,9	9,4	8,4	4,6	5,1	4,2
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	12,3	18,9	20,6	3,8	5,4	2,4
Среднеобеспеченные						
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	56,0	59,4	62,6	50,3	48,6	51,7
Малообеспеченные, в т.ч.:	24,9	12,3	8,4	41,3	40,9	41,6
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	19,3	11,5	7,6	30,3	30,4	30,3
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	5,6	0,8	0,8	11,0	10,5	11,3

Таблица 3. Значения корреляционных коэффициентов Пирсона для переменных, характеризующих уровень образования матери и сформированность компонент человеческого потенциала детей в семьях с разным уровнем покупательной способности дохода

Table 3. Values of Pearson's correlation coefficients for variables characterizing the level of education of the mother and the formation of the components of the human potential of children in families with different levels of purchasing power of income

Уровень покупательной способности дохода семьи	Субиндекс здоровья	Субиндекс интеллектуального развития	Субиндекс социокультурного развития	Индекс сформированности человеческого потенциала детей (ИЧПД)
Высокий	0,289**	0,041	0,123	0,152
Выше среднего	0,202**	0,115	0,102	0,156*
Средний	-0,034	0,018	0,014	0,005
Ниже среднего	-0,117	0,054	-0,041	-0,03
Низкий	-0,03	0,185	0,041	0,083
<i>Все семьи</i>	0,035	0,077**	0,052*	0,064*

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Полученные результаты говорят о том, что выдвинутая исследовательская гипотеза получила частичное подтверждение, поскольку ни для одной из доходных групп семей не было обнаружено значимых корреляционных связей образования матери со сформированностью у детей интеллектуальных и социокультурных навыков. Также не было выявлено значимых корреляций между образованием отца и сформированностью компонент человеческого потенциала детей. В то же время, уровни образования родителей демонстрировали наличие значимой парной корреляционной связи (коэффициент Пирсона 0,49 при уровне значимости 0,01), причём её сила была максимальной в высокодоходной группе семей (коэффициент Пирсона составил 0,751 при уровне значимости 0,01). Поэтому проверке подверглось также и сочетанное влияние образования обоих родителей на сформированность человеческого потенциала детей и его отдельных компонент.

Сопоставление переменной, отражающей наличие высшего образования у родителей, с показателем интеллектуального развития детей продемонстрировало наличие между ними очень слабой положительной корреляции (коэффициент Пирсона 0,077 при уровне значимости 0,01). Выявлена также положительная корреляционная связь между наличием высшего образования у кого-либо из родителей и интенсивностью воспитательного воздействия родителей на детей в семье (коэффициент Пирсона 0,167 при уровне

значимости 0,01). Интенсивность воспитательного воздействия оценивалась нами с применением индексной методики. Интегральный индекс интенсивности воспитательного воздействия тем выше, чем выше итоговое расчётное значение индекса интенсивности воспитательного воздействия, тем более разнообразны и последовательны воспитательные меры, применяемые в семье. Полученные оценки корреляционной связи переменных свидетельствуют, что воспитательный потенциал ожидаемо выше в семьях, где высшее образование имеют оба родителя (табл. 4).

Несмотря на отсутствие статистически значимой корреляции между высшим образованием родителей и степенью сформированности таких компонент человеческого потенциала детей, как здоровье и социокультурное развитие, эти переменные могут быть связаны опосредовано. Так, наблюдается соответствие между более высоким уровнем образования родителей и более высокими значениями субиндексов сформированности человеческого потенциала детей (рис. 1).

Источник здесь и далее: данные социологического опроса семей с детьми, проживающих в Вологодской области, 2018 г.

Значения индекса интенсивности воспитательного воздействия и его компонентов последовательно возрастают в направлении от семей, где ни один из родителей не имеет высшего образования к семьям, где оба родители обладают этой характеристикой (рис. 2). В данном случае значимые корреля-

ции переменных достоверно отражают наблюдаемое распределение их значений. Следует отметить, что вне зависимости от уровня образования родителей во всех семьях интенсивность воспитательных мер выше всего в сфере социокультурного развития детей, а ниже всего – в сфере их интеллектуального развития. Несмотря на то, что воспитание у детей навыков заботы о своём здоровье характеризуется меньшей интенсивностью, данные приведённые выше (рис. 1), показывают, что именно этот компонент человеческого потенциала сформирован у детей в наибольшей степени.

Выше было указано, что в высокообразованных семьях уровни образования отца и матери наиболее достоверно коррелируют между собой. Анализ сочетанного действия этих переменных на формирование компонент человеческого потенциала детей в этих семьях показал, что наличие высшего образования у обоих родителей положительно коррелирует со значениями субиндекса здоровья детей. Но при этом не подтвердилась выявленная для выборки в целом корреляция высшего образования родителей со значением субиндекса интеллектуального развития детей (табл. 5).

Таблица 4. Значения корреляционного коэффициента Пирсона для переменных, характеризующих наличие высшего образования у родителей, сформированность человеческого потенциала детей и интенсивность воспитательного воздействия в семье

Table 4. Values of the Pearson correlation coefficient for variables characterizing the presence of higher education in parents, the formation of the human potential of children and the intensity of the educational impact in the family

Переменные	ИЧПД	Субиндекс ...			Индекс интенсивности воспитательного воздействия в семье в сфере ...			
		здоровья	интеллектуального развития	социокультурного развития	здоровья	интеллектуального развития	социокультурного развития	Интегральный
Наличие высшего образования у родителей ¹	0,056*	0,026	0,077**	0,04	0,122**	0,151**	0,157**	0,167**
Число ответивших	1491	1491	1491	1491	1476	1476	1476	1476

¹ Переменная принимала следующие значения: 1 – отсутствие высшего образования у обоих родителей, 2 – наличие высшего образования только у одного из родителей, 3 – наличие высшего образования у обоих родителей.

* Уровень значимости корреляционной связи 0,05; ** уровень значимости корреляционной связи 0,01.

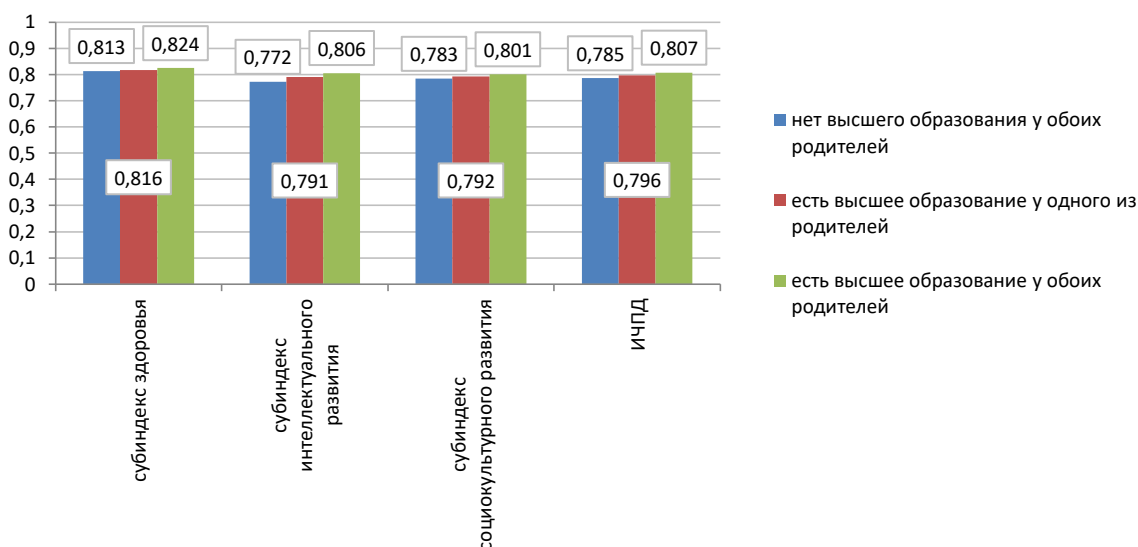

Рис. 1. Значения индекса сформированности человеческого потенциала детей (ИЧПД) и его субиндексов в семьях в зависимости от наличия высшего образования у родителей

Fig. 1. Values of the human potential development index of children (HDI) and its sub-indices in families, depending on the availability of higher education among parents

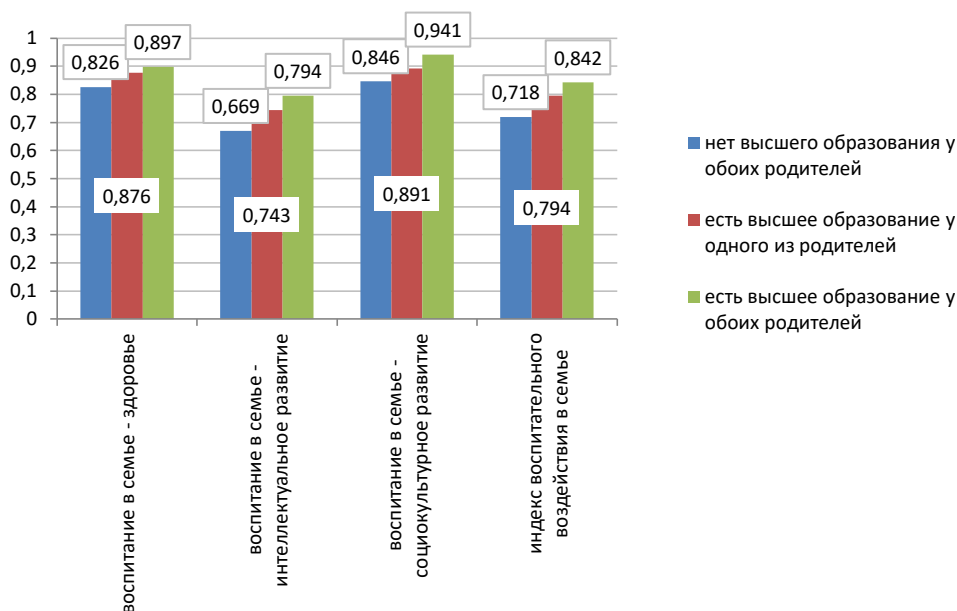

Рис. 2. Значения индекса интенсивности воспитательного воздействия семьи и его субиндексов в семьях в зависимости от наличия высшего образования у родителей

Fig. 2. Values of the index of the intensity of the educational influence of the family and its sub-indices in families, depending on the presence of higher education from the parents

Источник: данные социологического опроса семей с детьми, проживающих в Вологодской области, 2018 г.

Таблица 5. Корреляционные связи переменных, характеризующих наличие высшего образования у родителей, сформированность человеческого потенциала детей и интенсивность воспитательного воздействия в семьях, имеющих доход выше среднего уровня или высокий

Table 5. Correlation relationships of variables characterizing the presence of higher education among parents, the formation of the human potential of children and the intensity of educational impact in families with an income above the average or high

Переменные	ИЧПДН	Субиндекс здоровья	Субиндекс интеллектуального развития	Субиндекс социокультурного развития	Индекс интенсивности воспитательного воздействия в семье
Наличие высшего образования у родителей ¹	0,139*	0,164**	0,099	0,121	0,233**
Число респондентов, ответы которых учтены при оценке	279	279	279	279	275

¹ Переменная принимала следующие значения: 1 – отсутствие высшего образования у обоих родителей, 2 – наличие высшего образования только у одного из родителей, 3 – наличие высшего образования у обоих родителей.

* Уровень значимости корреляционной связи 0,05; ** уровень значимости корреляционной связи 0,01.

Для уточнения полученных данных в группе высокодоходных семей было проведено сравнение вклада семьи и школы в воспитание интеллектуальных навыков у детей. Рассмотрение дифференциации оценок родителями интенсивности воспитательного воздействия на интеллектуальное развитие детей в семье и в образовательной организации показало, что респонденты без высшего образования склонны давать более высокую оценку воспитательным усилиям школы и детского сада, тогда как среди родителей с

высшим образованием соотношение оценок зависит от возраста детей. Семьи, где только один родитель имеет высшее образование, дают наиболее высокую оценку своим воспитательным усилиям по интеллектуальному развитию детей в возрасте 7–10 лет и 11–14 лет. В дошкольном и старшем школьном возрасте такие семьи дают более высокие оценки воспитательным усилиям образовательной организации. Семьи, где оба родителя имеют высшее образование, только в дошкольный период оценивают свои воспитательные уси-

лия по интеллектуальному развитию ребёнка выше, чем усилия детского сада. Семьи того же типа, воспитывающие детей школьного возраста, склонны выше оценивать вклад образовательной организации в развитие их интеллектуальных навыков (рис. 3).

Даже у высокообразованных родителей интенсивность воспитательного воздействия на интеллектуальное развитие детей снижается по мере их взросления. Между тем, именно к интеллектуальным качествам современное общество и экономика предъявляют повышенные требования. Родители, безусловно, знают об этом, а нехватка воспитательных усилий в направлении интеллектуального развития детей может быть обусловлена рядом причин:

1) родители передали свои функции в этой сфере образовательным организациям, и с определённого возраста детей не занимаются деятельностью, направленной на развитие их интеллекта;

2) родители не считают навыки в интеллектуальной сфере необходимыми для достижения успеха в жизни и потому не акцентируют внимание на их развитии;

3) родители не обладают достаточными компетенциями для того, чтобы обеспечить формирование у детей актуальных в современ-

ных условиях навыков.

Последняя из перечисленных проблем особенно ярко проявляется в форме межпоколенческого «разрыва в цифровых компетенциях» (в пользу младшего поколения), владение которыми является обязательным условием успешности в современном мире (Глухов, Стаховская, 2021). Российскими исследователями также ставилась проблема непонимания родителями конкретных механизмов развития у детей таких востребованных качеств, как самоконтроль, сила воли и способность к самостоятельному мышлению (Меренков, 2013) и предлагались конкретные методические разработки, призванные помочь родителям и педагогам преодолеть сложившуюся ситуацию.

Представляется важным затронуть такой аспект семейного воспитания, как обеспечение соответствия воспитательных практик возрасту ребёнка. Как правило, изменения семейного воспитания происходят стихийно, под влиянием сложившихся у родителей взглядов на модели отношений с детьми разного возраста. Ведущий тип деятельности ребёнка меняется по мере его взросления. Если для детей дошкольного возраста важны успехи в играх, развитии речевых навыков и общения, то для школьников на первый план

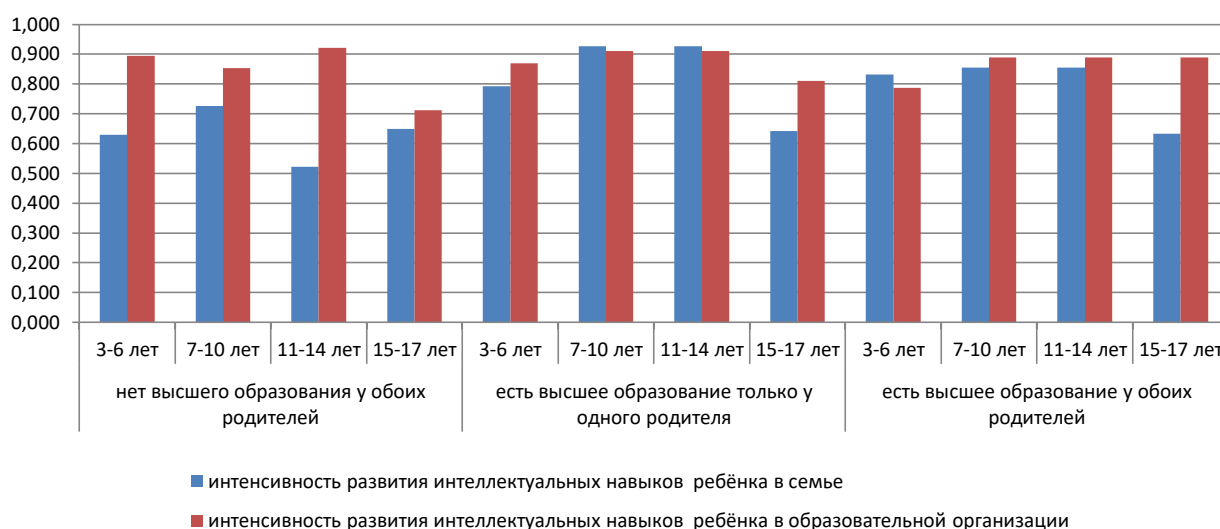

Рис. 3. Значения индексов интенсивности воспитательного воздействия семьи и образовательной организации на интеллектуальное развитие детей по оценкам родителей (в зависимости от наличия у родителей высшего образования и от возраста детей)
Fig. 3. Values of the indices of the intensity of the family's upbringing influence and an educational organization for the intellectual development of children according to the estimates of parents (depending on whether the parents have higher education and on the age of the children)

Источник: данные социологического опроса семей с детьми, проживающих в Вологодской области, 2018 г.

выходит комплекс качеств, определяющих успешность освоения учебной программы, а также навыки взаимодействия со взрослыми (учителями, педагогами дообразования) и сверстниками, которые формируют их социальное окружение. В соответствии с этим меняются и приоритеты родителей при организации семейного воспитания. Рассмотрим, влияют ли эти изменения на формирование компонент человеческого потенциала детей в разных возрастах.

В рамках проведённого социологического опроса была предусмотрена дифференциация анкет в зависимости от возраста ребёнка. Отличия касались в том числе вопросов, на основании которых рассчитывались значения субиндексов сформированности человеческого потенциала детей. Данные обстоятельства дают возможность проверить взаимосвязь между образованием родителей и сформированностью отдельных компонент человеческого потенциала детей в разных возрастах. Поскольку ранее взаимосвязь образования с данными компонентами была подтверждена только в семьях с высокими или выше среднего уровня доходами, то именно на их примере будет рассмотрен вопрос о наличии возрастной дифференциации данной взаимосвязи. Расчёт коэффициентов корреляции, проведённый для переменных, характеризующих наличие высшего образования у родителей и сформированность отдельных компонент человеческого потенциала у детей, не выявил между ними статистически значимых взаимосвязей. Сравнение средних значений индексов, характеризующих человеческий потенциал детей, в разных по уровню образования родителей группах семей показало, что наблюдается возрастная дифференциация соотношений данных переменных. Так, в семьях, воспитывающих детей дошкольного возраста, заметна тенденция к увеличению средних значений субиндексов интеллектуального и социокультурного развития детей, а также индекса интенсивности воспитательного воздействия от минимальных уровней, наблюдаемых в семьях, где родители не имеют высшего образования, к максимальным уровням в семьях, где оба родителя имеют высшее образование. В категории семей с детьми младшего школьного воз-

раста наиболее высокие показатели сформированности компонент человеческого потенциала детей наблюдаются в семьях, где только один родитель имеет высшее образование. В то же время, в группе семей, воспитывающих подростков 11–14 лет, наличие высшего образования только у одного из родителей сопровождается наименьшими значениями индексов сформированности компонент человеческого потенциала детей. При этом среднее значение индекса интенсивности воспитательного воздействия максимально в семьях, где оба родителя имеют высшее образование. В семьях с детьми в возрасте 15–17 лет картина распределения значений индекса воспитательного воздействия обратная: его максимальное значение зафиксировано в семьях, где оба родителя не имеют высшего образования. При этом среднее значение индекса интеллектуального развития тем выше, чем выше уровень образования родителей (табл. 6).

Приведённые данные могут указывать на нелинейный характер влияния образовательного фактора на формирование человеческого потенциала детского населения. В отношении семей, где оба родителя имеют высшее образование справедливо наблюдение о снижении общей интенсивности воспитательного воздействия семьи по мере увеличения возраста детей. Аналогичной закономерности в отношении других групп семей не выявлено. При этом у высокообразованных родителей дети демонстрируют относительно высокие уровни человеческого потенциала во всех возрастных группах. Это указывает на отсутствие отрицательного влияния снижения интенсивности воспитательного воздействия со стороны родителей на показатели развития детей в таких семьях.

Обсуждение и выводы

Проведённый анализ позволяет предположить, что уровень образования родителей, в первую очередь, влияет на их воспитательный потенциал, то есть на интенсивность и разнообразие применяемых ими воспитательных практик, ориентированных на развитие детей. Вторичный эффект от уровня образования родителей – повышение средних показателей сформированности человечес-

Таблица 6. Средние значения компонент индекса сформированности человеческого потенциала детей разных возрастных групп и индекса интенсивности воспитательного воздействия в зависимости от наличия высшего образования у родителей в семьях имеющих доход выше среднего уровня или высокий

Table 6. Average values of the components of the index of the formation of the human potential of children of different age groups and the index of the intensity of educational impact, depending on the availability of higher education from parents in families with an income above average or high

Возрастные группы детей	Образование родителей	ИЧПДН	Субиндекс здоровья	Субиндекс интеллектуального развития	Субиндекс социокультурного развития	Индекс интенсивности воспитательного воздействия в семье
3–6 лет	1	0,804	0,828	0,805	0,785	0,717
	2	0,834	0,874	0,817	0,822	0,883
	3	0,855	0,866	0,855	0,855	0,913
7–10 лет	1	0,771	0,762	0,774	0,786	0,710
	2	0,892	0,909	0,876	0,902	0,948
	3	0,845	0,870	0,839	0,837	0,877
11–14 лет	1	0,833	0,837	0,838	0,831	0,590
	2	0,803	0,832	0,771	0,823	0,829
	3	0,846	0,858	0,828	0,858	0,899
15–17 лет	1	0,832	0,868	0,824	0,819	0,770
	2	0,845	0,868	0,844	0,832	0,692
	3	0,853	0,900	0,849	0,820	0,592

Обозначения: 1 – нет высшего образования у обоих родителей, 2 – есть высшее образование у одного из родителей, 3 – есть высшее образование у обоих родителей.

кого потенциала детей. Причём, если образование матери имеет значимую положительную корреляционную связь только с показателем здоровья детей, то наличие высшего образования у обоих родителей повышает вероятность лучшей сформированности интеллекта у детей.

Противоречивость полученных результатов состоит в том, что наличие положительной корреляционной связи между образованием родителей и человеческим потенциалом детей в целом проявляется слабо, только для некоторых групп семей, либо только в том случае, когда речь идёт об уровне образования матери. Все эти наблюдения указывают, что фактор «образование родителей» сам по себе не является однородным, а также на то, что его воздействие корректируется под влиянием других факторов, в частности, материального положения семей и возраста детей. На воспитательное воздействие со стороны родителей по мере взросления детей, как правило, накладываются дополнительные воздействия со стороны педагогов образовательных организаций, со стороны других родственников, знакомых и друзей, а также ценности и практики, тиражируемые в

СМИ. Значимость родительского влияния по мере взросления ребёнка неизбежно ослабевает. Как отмечают исследователи, к подростковому периоду у детей формируется собственный круг общения, референтная группа, что отражается, в первую очередь, на их социокультурном развитии и признаваемых ценностях (Керимова, 2016).

Результаты, полученные в отношении группы высокодоходных семей, где оба родителя имеют высшее образование, свидетельствуют о том, что родительские практики в них сильно привязаны к возрасту ребёнка. Поиск причин наблюдаемого распределения должен стать предметом отдельного изучения. В рамках данной работы можно лишь высказать несколько предположений. Во-первых, высокообразованные (и, одновременно, обеспеченные) родители, вероятно, стремятся прилагать максимальные усилия к воспитанию ребёнка до достижения им школьного возраста, а позднее направляют воспитательное воздействие на формирование у него тех качеств, которые считают наиболее важными для данного периода взросления. Во-вторых, возможно также, что для данной категории родителей актуально

разделение ответственности за воспитание детей с образовательными организациями. Качественное образование детей среди высокодоходных групп населения – одно из востребованных направлений инвестиций. Поэтому родители стремятся выбрать для детей такую образовательную среду, где будут обеспечены и благоприятные условия для всестороннего развития их потенциала. Это предположение также можно соотнести с тем, что высокообразованные и обеспеченные родители, как правило, являются востребованными специалистами и параллельно с взрослением детей происходит их продвижение в карьере, что снижает временные ресурсы, которые они могут расходовать на общение с детьми. Следствием этого также может выступать снижение интенсивности воспитательного воздействия на детей. Здесь значимым дополнительным фактором, который необходимо учитывать, будет выступать именно характер занятости обоих родителей.

Методические ограничения представленного исследования определяются тем, что корреляционный анализ не даёт однозначного ответа на вопрос о существовании взаимосвязи рассматриваемых переменных. Поэтому выявленные положительные корреляции между уровнем образования родителей и сформированностью таких компонентов человеческого потенциала детей, как здоровье и интеллектуальное развитие, могут носить случайный характер и быть обусловлены

действием неучтённых факторов. Представляется, что наличие у семей характеристик, однозначно детерминирующих возможности развития человеческого потенциала детей, маловероятно. В действительности наблюдается сочетание действия различных факторов, характеризующих семейное воспитание. Выявление их наиболее приемлемых комбинаций является одной из задач при анализе факторов формирования человеческого потенциала детского населения. Её решение обладает высокой прикладной значимостью, поскольку тесно сопряжено с достижением высоких показателей развития человеческого потенциала детей. Новизна настоящего исследования состоит в том, что показана дифференциация воздействия образовательного уровня родителей на человеческий потенциал детей в зависимости от уровня покупательной способности доходов семей, а также обоснованы внутренняя неоднородность самого образовательного фактора и взаимосвязь его влияния с другими характеристиками семей.

В перспективе для уточнения взаимосвязи характеристик человеческого потенциала детей и семейного воспитания предполагается дополнительно проанализировать другие нематериальные факторы, дифференцирующие воспитательные практики семей – ценности родителей, приоритеты семейного воспитания, образ жизни и состав семьи, местность проживания.

Список источников / References

Гурко Т.А. Жизненные стили российских родителей: динамика, региональные, возрастные и профессиональные особенности // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 2(22). С. 94-109. DOI 10.19181/snsp.2018.6.2.5859
Gurko T.A. (2018) Life Styles of Russian Parents: Dynamics, Regional, Age and Professional Features. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociologicheskaja nauka i social'naia praktika*. Vol. 6. No. 2(22). P. 94– 109. DOI 10.19181/snsp.2018.6.2.5859
Римашевская Н.М. Детское население в России: основные проблемы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1(13). С. 59-70.
Rimashevskaya N.M. (2011) Children's population in Russia: basic development problems. *Ekonomicheskie i sotsi-*

al'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. No. 1(13). P. 59–70. (In Russ.)
Римашевская Н.М., Бреева Е.Б. «Поле» детства // Народонаселение. 2011. № 4(54). С. 17-26.
Rimashevskaya N.M., Breeva E.B. (2011) "Field" of childhood. *Narodonaselenie = Population*. No. 4(54). P. 17–26. (In Russ)
Волкова А.С. О поддержке материнства и детства в семейной политике России // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 4. С. 1491-1504. DOI 10.18334/et.6.4.41215.
Volkova A.S. (2019) On support for motherhood and childhood in Russian family policy. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*. Vol. 6. No. 4. P. 1491-1504. DOI 10.18334/et.6.4.41215

- Короленко А.В., Калачикова О.Н. «Время на детей»: ресурсные возможности современных родителей // Социальное пространство. 2019. № 5(22). С. 1. DOI 10.15838/sa.2019.5.22.1
- Korolenko A.V., Kalachikova O.N. (2019) "Time for Children": Resource Opportunities of Modern Parents. *Sotsial'noe prostranstvo = Social Area*. No. 5(22). P. 1. DOI 10.15838/sa.2019.5.22.1
- Багирова А.П. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // Женщина в российском обществе. 2021. Т. 0. № S. С. 150-167. DOI 10.21064/WinRS.2021.0.10
- Bagirova, A. P. (2021) Combining professional and parental labor in estimates of the Urals: objective and subjective barriers. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*. Vol. 0. No. S. P. 150–167. DOI 10.21064/WinRS.2021.0.10
- Гурко Т.А. Жизненные стили российских родителей: динамика, региональные, возрастные и профессиональные особенности // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 2(22). С. 94-109. DOI 10.19181/snsp.2018.6.2.5859
- Gurko T.A. (2018) Life Styles of Russian Parents: Dynamics, Regional, Age and Professional Features. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociologicheskaja nauka i social'naia praktika*. Vol. 6. No. 2(22). P. 94–109. DOI 10.19181/snsp.2018.6.2.5859
- Багирова А.П. Оценка результатов родительского труда: актуальность и подходы // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 4. С. 6-10.
- Bagirova A.P. (2015) Evaluation of the results of parental labor: relevance and approaches. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Herald of Omsk University. Series Economics*. No. 4. P. 6–10. (In Russ.)
- Багирова А.П. Затраты родительского труда как элемент стоимостной оценки человеческого капитала // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2018. Т. 13. № 4. С. 487- 501. DOI 10.17072/1994-9960-2018-4-487-501
- Bagirova A.P. (2018) Parent labor costs as an element of valuation of human capital. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Perm University Herald. ECONOMY*. 2018. Vol. 13. No.4. P. 487– 501. DOI 10.17072/1994-9960-2018-4-487-501
- Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5(159). С. 155-185. DOI 10.14515/monitoring.2020.5.1676
- Rozhdestvenskaya E.Yu. (2020) Paternity involved, caring masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5(159). P. 155–185. DOI 10.14515/monitoring.2020.5.1676
- Ильдарханова Ч.И. Состояние и трансформация института отцовства: обзор зарубежных исследований // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 211-227. DOI 10.23683/2227-8656.2019.6.14
- I'darkhanova Ch.I. (2019) Condition and Transformation of the Institute of Fatherhood: Overview of Foreign Research. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. Vol. 8. No. 6. P. 211–227. DOI 10.23683/2227-8656.2019.6.14
- Калачикова О.Н. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 64-76. DOI 10.21064/WinRS.2019.1.6
- Kalachikova O.N. (2019) Gender stereotypes in a modern family: women and men (on materials of a sociological study). *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*. No. 1. P. 64–76. DOI 10.21064/WinRS.2019.1.6
- Керимова И.А. Особенности ценностных ориентаций подростков, ориентированных на различные референтные группы (на примере коренных жителей и мигрантов) // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 2. С. 7-11.
- Kerimova I.A. (2016) Features of the value orientations of adolescents focused on various reference groups (on the example of indigenous people and migrants). *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian pedagogical journal*. No. 2. P. 7–11. (In Russ.)
- Керимова И.А. Особенности ценностных ориентаций подростков, ориентированных на различные референтные группы (на примере коренных жителей и мигрантов) // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 2. С. 7-11.
- Kerimova I.A. (2016) Features of the value orientations of adolescents focused on various reference groups (on the example of indigenous people and migrants). *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian pedagogical journal*. No. 2. P. 7–11. (In Russ.)
- Нацун Л.Н. Взаимосвязь характеристик семейного досуга и уровня сформированности человеческого потенциала детей (на примере семей с детьми школьного возраста) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 79-92.
- Natsun L.N. (2020) Interrelation of family leisure characteristics and the formation of the human potential of children (on the example of families with school children). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 8. No.1 (29). P. 79–92. (In Russ.)
- Короленко А.В., Гордиевская А.Н. Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка // Социальное пространство. 2018. № 5 (17).
- Korolenko A.V., Gordievskaya A.N. (2018) Human potential of the child population: understanding and evaluation. *Sotsial'noe prostranstvo = Social Area*. No. 5 (17). (In Russ.)
- Разварина И.Н. Формирование волевых качеств детей в городской и сельской местности // Научный журнал Дискурс. 2019. № 8(34). С. 70- 88.
- Razvarina I.N. (2019) Formation of the volitional qualities of children in urban and rural areas. *Nauchnyi zhurnal Diskurs = Scientific magazine Discourse*. No. 8(34). P. 70– 88. (In Russ.)
- Глухов А.П., Стаховская Ю.М. Цифровой разрыв в

фокусе межпоколенческой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59.
Glukhov A.P., Stakhovskaya Yu.M. (2021) Digital gap in the focus of inter-floor communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science*. No. 59. (In Russ.)

Информация об авторе

Лейла Натиговна Нацун, научный сотрудник лаборатории исследования проблем управления в социальной сфере отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», 160014, Вологда, ул. Горького 56а, Россия

Вклад автора

Лейла Натиговна Нацун выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.08.2021; одобрена после рецензирования 28.08.2021; принята к публикации 01.09. 2021.

Меренков А.В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2(346). С. 101-110.
Merenkov A.V. (2013) Trends in family education in modern society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013. No. 2(346). P. 101–110. (In Russ.)

Information about the author

Leila N. Natsun, Researcher of the Laboratory for Research of Management Problems in the Social Sphere of the Department for Research of the Level and Lifestyle of the Population, Federal budgetary institution of science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences". Vologda, Street Gorky 56a, 160014, Russia

Contribution of the author

Leila N. Natsun performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the article

The article was submitted 08.08.2021; approved after reviewing 18.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Научная статья
УДК 316.354.4

Социальный, человеческий и политический капитал олимпийских волонтеров

Марина Петровна Сухарькова¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Москва, Россия, MSukharkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5461-7925>

Аннотация: Олимпийские волонтерские программы представляют собой разновидности событийного волонтерства, предполагающие работу добровольцев на таких крупных спортивных мероприятиях как Олимпийские и/или Паралимпийские игры. Программы по работе с волонтерами реализуются в международной практике применительно к каждому современному Олимпийскому и Паралимпийскому играм. В России практики олимпийского волонтерства осуществлялись на базе комплексной программы, на основе межсекторного взаимодействия на протяжении не только подготовки и проведения Олимпийских и Паралимпийских игр, но и после их окончания. Участие в программе приняли более 25 000 волонтеров. На основе теорий социального, человеческого и политического капитала Пьера Бурдьё, Джеймса Коулмана и Роберта Патнэма и интервью с волонтерами, принимавшими участие в олимпийской программе «Сочи-2014», в данной статье предпринимается попытка проанализировать – как участие в практиках олимпийского волонтерства может способствовать развитию социального, человеческого и политического капитала добровольцев. В ходе анализа полученных результатов исследования было определено, что олимпийское волонтерство может способствовать развитию социального, человеческого и политического капитала. Результаты вносят свой вклад в совокупность знаний в области изучения социального, человеческого и политического капиталов, а также дают возможность получения дополнительной информации о последствиях волонтерской деятельности для экспертов и организаторов волонтерских программ и могут использоваться для повышения качества работы с добровольцами и эффективности волонтерских программ.

Ключевые слова: волонтерство, олимпийские волонтерские программы, социальный капитал, человеческий капитал, политический капитал

Для цитирования: Сухарькова М.П. Социальный, человеческий и политический капитал олимпийских волонтеров // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 362–372.

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Original article

Social, human and political capital of Olympic volunteers

Marina P. Sukharkova

National Research University Higher School of Economics (HSE), Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, Moscow, Russia, MSukharkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5461-7925>

Abstract: Olympic volunteer programs are types of event-driven volunteering. These programs involve volunteering at major sporting events such as the Olympic and / or Paralympic Games. Volunteer programs are implemented internationally for every modern Olympic and Paralympic Games. In Russia, the Olympic volunteer program is a comprehensive program that is implemented on the basis of intersectoral interaction during not only the preparation and holding of the Olympic and Paralympic Games, but also after their end. About 25,000 volunteers took part in the program. Based on the theories of social, human and political capital by Pierre Bourdieu, James Coleman and Robert Putnam and interviews with volunteers participating in the Sochi 2014 Olympic program, this article attempts to analyze how participation in the practices of Olympic volunteering can contribute to the development of social, human and political capital of volunteers. The analysis of the results of research, we determined that the Olympic volunteering can contribute to the social, human and political capital of volunteers. This study contributes to the study of social, human and political capital, as well as

¹ © Сухарькова М. П., 2021

provides an opportunity to obtain additional information about the consequences of volunteering for experts and organizers of volunteer programs and can be used to improve the quality of work with volunteers and the effectiveness of volunteer programs.

Keywords: volunteering; Olympic volunteer programs; social capital; human capital, political capital

For citation: Sukharkova M.P. (2021) Social, human and political capital of Olympic volunteers. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 362–372. (In Russ.)

Введение

В настоящее время в России происходит развитие движения волонтерства. При этом можно отметить как количественный рост числа волонтеров, так и увеличение направлений волонтерской работы, повышение качества волонтерских программ. Эксперты говорят о том, что рост числа волонтеров в нашей стране произошел во многом благодаря популяризации спортивного волонтерства, которое связано с крупными мероприятиями (Телепаева, Певная, Кузьминчук, 2018. С. 111). Кроме этого, волонтерские проекты поддерживаются на государственном уровне, эта тема часто используется в общественном дискурсе.

Волонтерство – это деятельность во благо других людей, предполагающая добровольность и отсутствие прямого материального вознаграждения за результаты труда (Певная, 2013. С. 114). Волонтерство может реализовываться во многих направлениях, например, экологическом или социальном, событийном или спортивном. К одному из них относится событийное волонтерство на спортивных мега-событиях, таких как Олимпийские и Паралимпийские игры.

В 2014 году стартовала первая комплексная программа по работе с олимпийскими волонтерами (волонтерами, принимавшими участие в организации и/или проведении Олимпийских и/или Паралимпийских игр), включающая обучение, подготовку, сопровождение работы и последующую перепрофилизацию. Данный проект представляет собой инновационную для нашей страны организованную инфраструктуру, базирующуюся на межсекторном взаимодействии государственных, образовательных, некоммерческих и коммерческих организаций.

В этой статье мы присоединяемся к дискуссии о социальных результатах волонтерства, рассматривая степень, в которой участие в олимпийских волонтерских программах может способствовать развитию соци-

ального, гуманитарного и политического капитала. Другие его формы (экономический, культурный, физический, административный и символический) не являются объектами нашего исследования.

Вначале определим, что мы понимаем под понятием «капитал». Данный концепт активно изучен в экономике и экономической социологии. В. Радаев (Радаев, 2003. С. 21) пишет о том, что помимо целей и мотивов, которые побуждают людей вступать в любые социальные взаимодействия, каждый человек имеет совокупность ресурсов, используемых в этих взаимодействиях, именно они называют капиталом.

Наиболее часто изучаемым среди форм капиталов в социологии является социальный капитал (Bourdieu, 1984; Bourdieu, 1991; Coleman, 1994; Giannini, 2000; Putnam, 1993; Schultz, 1961), также были проведены исследования, связанные с развитием социального капитала в сфере спорта и досуга (Barton, 2001; Bourdieu, 1991).

Российский исследователь И.Ю. Киселев (Киселев, 2013. С. 54) считает, что сопоставление двух понятий позволяет выделить три основные сферы выработки социального капитала посредством добровольческой (волонтерской) деятельности: социальный капитал на макроуровне (на уровне общества в целом), так как просоциальная активность волонтеров способствует накоплению социального капитала обществом в целом, усилению солидарности, доверия, идентичности; групповой социальный капитал (на уровне групп, организаций) и индивидуальный социальный капитал. Волонтерская деятельность способствует накоплению социального капитала на индивидуальном уровне.

Мы будем придерживаться трактовки социального капитала как совокупности ресурсов, которые формируются в общественных отношениях, способствуют развитию индивиду и используются им для достижения каких-либо целей (Coleman, 1994. С. 37). Следова-

тельно, применительно к олимпийским волонтерам, социальный капитал, с одной стороны, может выступать как ресурс волонтерства, с другой, как эффект участия в волонтерстве.

Говоря о социальном капитале, который приобретают и расширяют люди, принимающие участие в олимпийском волонтерстве, необходимо уделить внимание мотивации, так как она влияет на то, какой эффект получают волонтеры от своей работы. Люди руководствуются разными мотивами выбирая работу в качестве волонтеров. Волонтеры мероприятий могут быть мотивированы как внутренними, так и внешними причинами (Lee, 2014. С. 40). Среди внутренних, например, можно назвать альтруизм или патриотизм. Исследования показывают, что для событийных волонтеров более актуальны внутренние мотивы (Lee, 2014. С. 40). Что касается волонтеров спортивных мероприятий, то они через волонтерство выражают свои приверженность спорту и здоровому образу жизни (Doherty, 2009. С. 2001). Однако значимыми являются не только внутренние мотивы. Для некоторых особой ценностью являются внешние мотивы, такие как билеты на мероприятия, возможность туризма или фирменная форма для волонтеров (Kim, 2018. С. 382). Индивидуальная мотивация также различается в зависимости от демографических характеристик волонтеров. Например, люди старше 65 лет руководствуются альтруистическим настроем в служении обществу при волонтерской работе, хотя в других возрастных группах преобладают другие мотивы (Kim, 2018. С. 384). Различия в мотивации выявлены в зависимости от уровня образования (Wicker, 2017. С. 332). Таким образом, желания принимать участие в практиках волонтерства варьируются в зависимости от социально-демографических показателей волонтеров. Так можно говорить о том, что человек вступает в практики волонтерства для реализации своих индивидуальных мотивов.

Так как любой капитал представляет собой совокупность ресурсов, то социальные капитал волонтеров может складываться из тех, доступ к которым получают волонтеры из своей деятельности. Например, к таким

ресурсам можно отнести: опыт профессиональной деятельности в определенной сфере, обучение новым навыкам, переживание определенных эмоций, повышение общественного одобрения своей деятельности, возможность развить эмпатию, доброжелательность, самоотверженность, возможность участия в различных мероприятиях. Фактически волонтерство представляет собой вид деятельности, который может способствовать накоплению социального капитала и на индивидуальном и на социетальном уровнях (Киселев, 2013. С. 60).

Рассмотрим человеческий капитал, который приобретают олимпийские волонтеры. В большинстве исследований он трактуется как образовательные возможности и ресурсы, связанные с обучением (Bart, 2001; Barton, 2001; Dickens, 2001; Hunter, 2000). Под человеческим капиталом в этом определении понимаются те знания и навыки, которые приобретаются и затем целенаправленно применяются. Кроме того, Т. Шульц (Schultz, 1961. Р. 10-12) приводит такие примеры человеческого капитала как образование, здравоохранение, внутренняя миграция и определяет, что человеческий капитал – ресурс повышения производительности труда человека и повышения конкурентных преимуществ для возможностей дальнейшего трудоустройства, то есть может способствовать более успешной конвертации своих знаний и навыков в экономические блага.

Классики изучения социального капитала, такие как Р. Патнэм (Putnam, 2000) и Дж. Коулман (Coleman, 2000) также имеют свои взгляды на человеческий капитал. Р. Патнэм (Putnam, 2000) рассматривает его как обучение, которое повышает индивидуальную продуктивность человека, что относится к социальным характеристикам людей, например, таким как высшее образование. Точно также Дж. Коулман (Coleman, 1994. Р. 16) утверждает, что «человеческий капитал создается в результате изменений в людях, которые вызывают навыки и способности, которые позволяют им действовать по-новому». Помимо образования и навыков, Дж. Коулман (Coleman, 1994. Р. 18) предлагает добавить личный опыт к основным элементам человеческого капитала. Вкратце,

человеческий капитал можно понимать как набор элементов, включая образование, навыки, знания и личный опыт, которые намеренно инвестируются для повышения производительности и конкурентных преимуществ его обладателей. На индивидуальном уровне образование признается наиболее важным элементом для создания человеческого капитала (Barton, 2001; Doherty, 2009; Giannini, 2000; Laing, 1999; Lepak, 2002; Nerdrum, 2001). Соответственно, его создание в меньшей степени зависит от социальных сетей или контактов с другими людьми, чем социальный капитал.

Общепризнано, что человеческий капитал увеличивает индивидуальную производительность человека. Р. Нуреев (Nureev, 2010) отмечает важность этого для предоставления людям возможностей в достижении более высоких экономических выгод на протяжении всей жизни. Однако функция человеческого капитала не ограничивается экономической выгодой. Наиболее важно то, что в литературе (Ivanović, Galičić, Krstevska, 2010; Ng, Feldman, 2010; Soboleva, 2010; Weisberg, 1996) консенсус заключается в том, что человеческий капитал является основой для получения конкурентных преимуществ с целью повышения возможностей трудоустройства и развития карьеры.

Политический капитал, как и социальный, и волонтерство, остается концептом, который широко обсуждается исследователями (Bourdieu, 1991). Работа П. Бурдьё «Политическое представление» (Bourdieu, 1984) была одной из первых академических работ на эту тему, где было определено понятие «политический капитал».

П. Бурдьё понимает политический капитал как форму символического капитала, основанного на доверии или вере и признании. Политический капитал – это «те самые силы», которыми обладает человек или объект, посредством которых агенты передают человеку (или объекту) те самые полномочия, которые они узнали в нем. Агенты, упомянутые в этом определении, как расшифровывает П. Бурдьё (Bourdieu, 1984. С. 171), являются политическими агентами, которые являются гражданами, разделенными на две группы: «политически активные агенты и политически

пассивные агенты». Так, согласно логике П. Бурдьё, лицо, обладающее политическим капиталом, называется политиком, а объектами может быть «все, что составляет символическую природу власти» (Bourdieu, 1984. Р. 192). В этом определении также говорится, что политический капитал – это кредит, основанный на вере и признании. Более того, П. Бурдьё (Bourdieu, 1984. Р. 192) расширяет основу политического капитала как «доверие, вера и послушание».

Подводя итог уточним, что политический капитал – это сила, которая основана на доверии, вере и послушании в рамках и посредством политических процессов, которые приводят к политическому результату, имеющему положительный и / или отрицательный характер.

Методы

Исследование социального, человеческого и политического капиталов, которые могут развивать олимпийские волонтеры, мы будем оценивать по следующим показателям: социальный капитал – совокупность ресурсов, доступ к которым получили волонтеры во время участия в олимпийской программе (как участие в олимпийской программе называется на социальных контактах волонтера; можно ли рассматривать олимпийскую волонтерскую программу как базу для получения некоего уникального опыта работы или временной занятости; является ли олимпийское волонтерство социально одобряемым видом общественной деятельности); человеческий капитал представляется, в первую очередь, теми возможностями получения новых знаний и навыков, которые могут оказать влияние на продуктивность человека и его перспективы в профессиональной деятельности (какие знания и навыки могли получить волонтеры во время участия в подготовке и проведении олимпийских мероприятий, существует ли возможность применения этих знаний и навыков в повседневной жизни и профессиональной деятельности); политический капитал мы будем рассматривать через участие волонтеров в общественной активности, в первую очередь, намерениях продолжать волонтерскую деятельность, также через профессиональную деятельность в ор-

ганах власти и общественно-политических организациях. Таким образом, в ходе исследования мы постараемся ответить на следующие вопросы: какие возможности получили волонтеры от участия в олимпийской программе и как они их используют после игр; какие знания и навыки могли получить олимпийские волонтеры во время подготовки и проведения игр и продолжают ли участники олимпийской волонтерской программы эту деятельность спустя несколько лет после игр.

Для изучения вопроса о влиянии участия в олимпийской волонтерской программе на развитие социального, человеческого и политического капитала нами было проведено исследование. На основе специально разработанного гайда, состоящего из блоков вопросов о том, как взаимодействовали волонтеры во время подготовки и проведения игр, а также после их окончания, какие знания и навыки получили во время участия в олимпийской программе и как используют полученный опыт, нами были проведены полуструктурированные интервью в онлайн-формате с 40 олимпийскими волонтерами, принимавшими участие в организации и проведении Олимпийских и/или Паралимпийских игр 2014 года. Участниками нашего исследования были мужчины и женщины, представители разных регионов России, в возрасте от 20 до 58 лет, набранные по сплошной выборке в тематических онлайн-сообществах, посвященных олимпийскому волонтерству в социальных сетях. Исследование состояло из трех волн интервью: до начала игр (январь 2014 года); сразу же после их окончания (апрель 2014 года) и спустя шесть лет после игр (март-апрель 2020 года).

Результаты и обсуждение

Перейдем к анализу того, каким виды капитала могут развивать волонтеры через участие в олимпийской программе.

На всех этапах исследования было определено, что олимпийское волонтерство позволяет волонтерам расширять свои социальные сети. Что, несомненно, может способствовать расширению социального капитала. Потенциальные волонтеры, желающие принять участие в Олимпийских и/или Паралимпийских

игр, были включены в комплексную программу, участие в которой принимало большое количество людей. Это были как и волонтеры, так и специалисты, работающие по разным направлениям организации и проведения Олимпийских и/или Паралимпийских игр, спортсмены, зрители и др. На первом этапе исследования было выявлено, что волонтеры имели возможность развивать как горизонтальные, так и вертикальные социальные связи. При этом социальные сети имели широкую географию, так как во время крупных мероприятий в одном месте собираются люди не только из разных регионов России, но и разных стран.

«Волонтерство на играх – это, в первую очередь, новые знакомства, значительное расширение круга общения. Каждый день вокруг были новые люди, все такие разные, теперь у меня есть друзья во многих городах». Женщина, 21 год, г. Москва.

«Во время игр я был рад тому, что меня воспринимали как специалиста, иногда была возможность работать с менеджерами и другими руководителями. Важно, что волонтеров считали равными. Свои первые знакомства со спортивными менеджерами я приобрел в Сочи». Мужчина, 30 лет, г. Краснодар.

На втором и третьем этапах исследования, обсуждая интенсивность взаимодействий олимпийских волонтеров после игр, его участники отмечали, что используют социальные сети для обмена информацией между собой, но спустя время частота и интенсивность взаимодействий падает.

«Когда вернулись домой, круглосуточно общались в социальных сетях с теми, с кем работали на играх. Конечно, со временем у всех появились другие дела, новые интересы, но мы и сегодня обмениваемся полезной информацией, следим за успехами друг друга». Женщина, 22 года, г. Ставрополь.

Ответы волонтеров на вопросы свидетельствовали о том, что опыт работы в качестве олимпийских волонтеров способствовал повышению ответственности за выполняемую работу и пониманию структуры функционирования сложных систем, таких как организация и проведение крупных мероприятий. Кроме этого, часто в интервью информанты

отмечали, что участие в Олимпийских и/или Паралимпийских играх позволило им повысить уровень владения иностранными языками, узнать особенности межкультурной коммуникации, осознать культурные особенности разных стран и их традиции.

«Только на играх я понял, что для того, чтобы быть хорошим специалистом необходимо уметь выстраивать коммуникации. Раньше об этом не думал. Важно правильно понимать руководителей, менеджеров, знать, как доложить о ситуации, кому предоставить отчет. Поэтому волонтерство помогло уже со студенческих лет понять, что любая организация – это выстроенная структура и как нужно профессионально работать». Мужчина, 24 года, г. Владивосток.

«Когда смотришь по телевизору передачи о том, с какими трудностями сталкиваются люди в чужих странах не задумываешься о том, а как бы ты поступил в аналогичной ситуации. В некоторых странах настолько разные нормы поведения и традиции, что я не переставала удивляться разнообразию культур. Работа на играх для меня была настоящей школой жизни, теперь я могу любому человеку объяснить любую информацию без знания его языка, знаю, чем австралийцы отличаются от китайцев и много еще чего знаю». Женщина, 25 лет, г. Сочи.

Нельзя не уделить внимание тому, что практики олимпийского волонтерства также могут способствовать развитию социального капитала волонтеров через получение общественного одобрения их деятельности. Кроме того, сам опыт работы в качестве волонтеров может рассматриваться как возможность для расширения социального капитала участников олимпийской программы.

«Такое отношение окружающих к нам (волонтерам) придает новые силы. Когда я рассказываю о том, что работала на играх, помогала участникам мероприятий, люди сразу меняют свое отношение, бывали случаи мне открывались те двери, которые были закрыты для других». Женщина, 37 лет, г. Самара.

«Сейчас наступило такое время, люди стали уважительно относиться к волон-

терам, можно сказать ценят тех, кто готов без денег работать, помогать нуждающимся, решать проблемы. Это правильно, так как волонтером может быть не каждый, это как определенная метка, если говоришь, я - волонтер». Мужчина, 31 год, г. Москва.

В дополнение к этому, во время повторных интервью с волонтерами, нами было выявлено, что они замечают, что опыт работы на играх помог, с одной стороны, расширить общий социальный капитал сообщества волонтеров, с другой – сформировать им личный социальный капитал.

«Игры в Сочи помогли нам сформировать сильную базу волонтеров, готовых реализовать любой проект. Мы смогли провести такие масштабные мероприятия, показать нашу страну и людей. Что говорить, конечно, Олимпийские игры помогли выйти на новый уровень, сейчас никто не будет говорить о том, что волонтерство – это несерьезно». Женщина. 41 год, г. Екатеринбург.

Таким образом, участники олимпийской волонтерской программы могли расширить свой социальный капитал за счет приобретения новых контактов и связей, получения общественного одобрения их деятельности и самого опыта волонтерской работы на играх, при этом расширить социальный капитал как на уровне всего сообщества олимпийских волонтеров, так и на уровне индивидуального социального капитала.

Говоря о том человеческом капитале, который смогли получить олимпийские волонтеры стоит выделить то, что в зависимости от конкретной должности волонтеры улучшили свои знания в области делового этикета, получили навыки и методы действий в чрезвычайных ситуациях, а также коммуникативные навыки, связанные с взаимодействиями с людьми разных возрастных групп и людьми с ограниченными возможностями здоровья. Кроме того, некоторые волонтеры заявили, что эта работа помогла им приобрести или повысить свои навыки в документационном сопровождении деятельности отдельных служб или использовании специализированных программ. Важно сказать о том, что волонтеры осознанно отмечали, что в целом их

самооценка и уверенность в себе выросла благодаря волонтерскому опыту на играх, что связывали с богатым опытом работы в разных ситуациях.

«Так как я работала на функции «Протоколы», то имела возможность узнать, как на практике проходит оформление международных документов, сертификатов, какие требования есть, отдельная тема – это организация церемоний подписания документов. Для меня волонтерство на играх стало транжином для будущей работы в международной компании». Женщина, 30 лет, г. Санкт-Петербург.

«Как бы там ни было в любом деле есть свои тонкости. Умение работать с документами для меня всегда было проблемой. А чего боишься – то и наступает. Меня определили на направление «Работа с делегациями». Так вот сопровождение делегаций предполагает и оформление документов. Первое время, конечно, было сложно, потом втянулся». Мужчина, 37 лет, г. Ростов на Дону.

Таким образом, участие в олимпийской волонтерской программе позволило волонтерам умножить свои навыки в разных областях, например, таких как практика международного общения и взаимодействий, документационная работа или коммуникативные навыки. Как отмечали участники нашего исследования, полученные навыки, обеспечили им конкурентное преимущество при поиске работы.

Говоря о том, как олимпийское волонтерство может повысить политический капитал, подчеркнем, что участники не говорили в интервью об опыте активного участия в политических процессах и акциях. Однако олимпийские волонтеры уделяли большое внимание своему членству и участию в волонтерских и других некоммерческих, общественных и студенческих организациях. Что и можно считать их политическим капиталом. Важно, что олимпийское волонтерство стало базой для участия в других программах. Участники интервью отмечали, что после игр их желание работать в качестве волонтеров усилилось и при возможности они трудятся в качестве волонтеров в региональных, федеральных или международных программах.

«После игр у нас (в нашей стране) произошёл бум волонтерства. Было много желающих быть волонтерами, много проектов новых было открыто – все то, что связано с успехом игр в Сочи. Раньше мало кто знал, кто такие волонтеры, что они могут. Моё желание волонтерить тоже сильно выросло. Это как спорт, если начал – то уже без этого не можешь». Мужчина, 30 лет, г. Ханты-Мансийск.

Часть респондентов нашего исследования ссылалась на то, что участие в олимпийской волонтерской программе способствовало формированию у них чувства патриотизма. По их словам, успех проведения крупного спортивного мероприятия продемонстрировал им сплоченность нашей страны, возможность проведения глобального мероприятия и положение России на международной арене. Можно свидетельствовать о том, что повышение патриотизма также является тем политическим капиталом, который приобретает или развивается как результат участия в олимпийской волонтерской программе.

«Мы провели такие яркие игры, мы запомнились всему миру. В Сочи каждый ходил и гордился, что он из России, из такой сильной и мощной страны. Мы должны гордиться своей страной и делать свой вклад в ее развитие». Женщина, 24 года, г. Москва.

Участие в олимпийской программе было для волонтеров значимым событием в жизни, поэтому спустя шесть лет после игр они говорили о том, как используют свой олимпийский опыт. Часть волонтеров реализует свой потенциал в дальнейшей общественной активности, другие, используя полученный знания и навыки, перешли в профессиональную деятельность в сфере спорта или стали специалистами некоммерческого сектора.

«Я плотно общаюсь с ребятами, с которыми мы работали на играх. Тогда это казалось временным, но олимпийское волонтерство перевернуло мою жизнь, сейчас я работаю в спортивном клубе, а все началось с волонтерства в Сочи. Конечно не все, но есть те, кто не смог бросить свою деятельность и сейчас уже стали руководителями в благотворительных и волонтерских организациях. Если говорить о во-

лонтерстве, то я не знаю тех, для кого Сочи стало единственным опытом волонтерства, все находят себе применение и работают в своих городах». Мужчина, 33 года, г. Санкт-Петербург.

Стоит отметить, что олимпийские волонтеры продолжили волонтерскую деятельность после игр, а для части организация волонтерской деятельности и работа в некоммерческом секторе стала профессией, можно интерпретировать как приобретение социального или человеческого капитала. Необходимо отметить, что грани между социальным, человеческим и политическим капиталами не определены четко и исследователи не пришли пока к единому пониманию данных концептов.

Кроме этого, среди участников олимпийской программы были участники исследования, которые предоставили информацию о своей карьере в государственные организации и органы власти.

«Во время работы на играх я прониклась идеей, что мы живем в очень сильной стране. Конечно, у нас есть свои проблемы, но если каждый из нас будет делать свой вклад в их решение мы будем жить лучше. Поэтому я никогда не думала, что захочу работать в государственных учреждениях, но кто если не я, поэтому я пошла трудиться в соцзащиту, помогаю тем, кто нуждается в помощи, и это моя ежедневная работа». Женщина, 32 года, г. Москва.

«Сам не ожидал, но сразу же после защиты диплома на ГМУ (специальность «Государственное и муниципальное управление»), я попал на работу в Департамент архитектуры моего города. Работа не сразу удавалась, но опыт волонтерства и студенческой активности помог мне спустя какое-то время втянуться. Через три года меня повысили в должности. Надеюсь, что моя карьера будет успешной». Мужчина, 28 лет, г. Казань.

Также нам была представлена информация об участии одного из участников исследования в деятельности общественно-политической организации.

«Когда мне предложили выйти на работу в нашу партию, я не сразу дала ответ.

Думала, думала и решила, что надо идти. Пока не жалею. Работа в политике дает хорошую жизненную школу, предоставляет перспективы». Женщина, 37 лет, г. Калуга.

Подводя итог выделим, что участие в олимпийских волонтерских программах может способствовать развитию политического капитала. И не только способствовать повышению чувства патриотизма, как результата успешного проведения глобального мероприятия, но и олимпийская волонтерская программа может служить базой для дальнейшей волонтерской деятельности. Более того, некоторые олимпийские волонтеры сделали выбор в пользу своей профессиональной деятельности в государственных организациях, органах власти или общественной-политических организациях.

Выводы

В ходе анализа полученных результатов нами было определено, что олимпийское волонтерство может способствовать развитию социального, человеческого и политического капитала. Так, волонтеры приобретают новые горизонтальные и вертикальные социальные связи, которые могут использовать в своей повседневной жизни или профессиональной деятельности и других сферах. За счет общественного одобрения их деятельности и самого опыта волонтерства они получили дополнительные возможности для самореализации и решения собственных задач. Более того, участие в олимпийской программе позволило приобрести новые навыки и знания, которые волонтеры могут конвертировать в повышение собственной эффективности и реализовать в соответствии с выбором. Участие в крупной комплексной волонтерской программе послужило базой для дальнейшей успешной общественной деятельности, так олимпийские волонтеры при возможности работают в региональных, федеральных или международных проектах. Некоторые сделали выбор в пользу профессиональной деятельности в государственном и общественно-политическом секторе. Вышеуказанное и составляет основу для развития социального, гуманитарного и политического капитала волонтеров.

Список источников / References

- Киселев И.Ю. Волонтерство как социальный капитал // Вестник социально-политических наук. 2013. №. 12. С. 53–61.
Kiselev I.Yu. (2013) Volunteering as social capital. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk = Vestnik social'no-politicheskikh nauk*. No. 12. P. 53-61. (In Russ.)
- Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. №. 2. С. 110–119.
Pevnaya M.V. (2013) Volunteering as a sociological problem. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2. P. 110-119. (In Russ.)
- Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. №. 4. С. 20–31.
Radaev V.V. (2002) The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. Vol. 3. No. 4. P. 20-31. (In Russ.)
- Телепаева Д.Ф., Певная М.В., Кузьминчук А.А. Социальный капитал спортивных волонтеров крупного российского региона // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. №. 3. С. 108–120.
Telepaeva D.F., Pevnaya M.V., Kuz'minchuk A.A. (2018) Social capital of sports volunteers in a large Russian region. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management*. Vol. 4. No. 3. P. 108-120. (In Russ.)
- Bart C.K. Measuring the mission effect in human intellectual capital // Journal of intellectual capital. 2001. No. 2-3. P. 320-330.
Bart C.K. (2001) Measuring the mission effect in human intellectual capital. *Journal of intellectual capital*. No. 2-3. P. 320-330.
- Barton H., Delbridge R. Development in the learning factory: training human capital // Journal of European Industrial Training. 2001. Vol. 25. No. 9. P. 465-472.
Barton H., Delbridge R. (2001) Development in the learning factory: training human capital. *Journal of European Industrial Training*. Vol. 25. No. 9. P. 465-472.
- Blackshaw T., Long J. What's the big idea? A critical exploration of the concept of social capital and its incorporation into leisure policy discourse // Leisure Studies. 2005. No. 24. P. 239-258.
Blackshaw T., Long J. (2005) What's the big idea? A critical exploration of the concept of social capital and its incorporation into leisure policy discourse. *Leisure Studies*. No. 24. P. 239-258.
- Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. London, RKP. 1984.
Bourdieu P. (1984) Distinction: a social critique of the judgement of taste. London. RKP.
- Bourdieu P. Political Representation: Elements for a Theory of the Political Field // Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press. 1991. P. 171-202.
Bourdieu P. (1991) Political Representation: Elements for a Theory of the Political Field. *Bourdieu P. Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press. P. 171-202.
- Bourdieu P. The weight of the world: social suffering in contemporary society. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 363-384.
Bourdieu P. (1991) The weight of the world: social suffering in contemporary society. Cambridge: Polity Press. P. 363-384.
- Coalter F. Sports clubs, social capital and social regeneration: 'ill-defined interventions with hard to follow outcomes'? // Sport in Society. 2007. No. 10. P. 537-559.
Coalter F. (2007) Sports clubs, social capital and social regeneration: 'ill-defined interventions with hard to follow outcomes'? *Sport in Society*. No.10. P. 537-559.
- Coleman J.S. Social capital, human capital, and investment in youth // Youth unemployment and society. 1994. No. 34. P. 34-50.
Coleman J.S. (1994) Social capital, human capital, and investment in youth. *Youth unemployment and society*. No. 34. P. 34-50.
- Coleman J. Social capital in the creation of human capital // Dasgupta and Serageldin (eds.). Social capital: a multifaceted perspective. Washington D.C.: The World Bank, 2000. P. 13-39.
Coleman J. (2000) Social capital in the creation of human capital // *Dasgupta and Serageldin (eds.). Social capital: a multifaceted perspective*. Washington D.C.: The World Bank. P. 13-39.
- Coleman J. Equality and achievement in education. Boulder: Westview press, 1990. 340 p.
Coleman J. (1990) Equality and achievement in education. Boulder: Westview press. 340 p.
- Coulombe S., Tremblay J.F. Human capital and regional convergence in Canada // Journal of Economic Studies. 2001. Vol. 28. No. 3. P. 154-180.
Coulombe S., Tremblay J.F. (2001) Human capital and regional convergence in Canada. *Journal of Economic Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 154-180.
- Dickens P. Linking the social and natural sciences: is capital modifying human biology in its own image? // Sociology. 2001. Vol. 35. No. 1. P. 93-110.
Dickens P. (2001) Linking the social and natural sciences: is capital modifying human biology in its own image? *Sociology*. Vol. 35. No.1. P. 93-110.
- Doherty A. The volunteer legacy of a major sport event // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure, and

- Events. 2009. No. 1. P. 185-207.
- Doherty A. (2009) The volunteer legacy of a major sport event. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure, and Events*. No. 1. P. 185-207.
- Fukuyami F. Social capital and civil society // *Foreign Affairs*. 1995. No. 74. P. 89-103. Fukuyami F. (1995) Social capital and civil society. *Foreign Affairs*. No. 74. P. 89-103.
- Giannini M. Multiple regimes in human capital accumulation // *International Journal of Power*. 2000. Vol. 21. No. 3. P. 246-263.
- Giannini M. (2000) Multiple regimes in human capital accumulation. *International Journal of Power*. Vol. 21. No. 3. P. 246-263.
- Hunter W., Brown D.S. World Bank directives, domestic interests, and the politics of human capital investment in Latin America // *Comparative Political Studies*. 2000. Vol. 33. No. 1. P. 113-143.
- Hunter W., Brown D.S. (2000) World Bank directives, domestic interests, and the politics of human capital investment in Latin America. *Comparative Political Studies*. Vol. 33. No. 1. P. 113-143.
- Ivanović S., Galičić V., Krstevska G. Transformation of human resources into human capital // *Tourism & Hospitality Management*. 2010. No. 3. P. 917-924.
- Ivanović S., Galičić V., Krstevska G. (2010) Transformation of human resources into human capital. *Tourism & Hospitality Management*. No. 3. P. 917-924.
- Kim E., Fredline L., Cuskelly G. Heterogeneity of sport event volunteer motivations: A segmentation approach // *Tourism Management*. 2018. No. 68. P. 375-386.
- Kim E., Fredline L., Cuskelly G. (2018) Heterogeneity of sport event volunteer motivations: A segmentation approach. *Tourism Management*. No. 68. P. 375-386.
- Laing D., Weir C. Corporate performance and the influence of human capital characteristics on executive compensation in the UK // *Personnel Review*. 1999. Vol. 28. No. 1-j. P. 28-40.
- Laing D., Weir C. (1999) Corporate performance and the influence of human capital characteristics on executive compensation in the UK. *Personnel Review*. Vol. 28. No. 1-j. P. 28-40.
- Lee C.K., Reisinger Y., Kim M.J., Yoon S.M. The influence of volunteer motivation on satisfaction, attitudes, and support for a mega-event // *International Journal of Hospitality Management*. 2014. No. 40. P. 37-48.
- Lee C.K., Reisinger Y., Kim M.J., Yoon S.M. (2014) The influence of volunteer motivation on satisfaction, attitudes, and support for a mega-event. *International Journal of Hospitality Management*. No. 40. P. 37-48.
- Lepak D., Snell S. Examining the human resource architecture: the relationships among human capital, employment, and human resource configurations // *Journal of Management*. 2002. Vol. 28. No. 4. P. 517-543.
- Lepak D., Snell S. (2002) Examining the human resource architecture: the relationships among human capital, employment, and human resource configurations. *Journal of Management*. Vol. 28. No. 4. P. 517-543.
- Nerdrum L., Erikson T. Intellectual capital: a human capital perspective // *Journal of Intellectual Capital*. 2001. Vol. 2. No. 2. P. 127-135.
- Nerdrum L., Erikson T. (2001) Intellectual capital: a human capital perspective. *Journal of Intellectual Capital*. Vol. 2. No. 2. P. 127-135.
- Ng T.W., Feldman D.C. The effects of organizational embeddedness on development of social capital and human capital // *Journal of Applied Psychology*. 2010. Vol. 95. No. 4. P. 696-732.
- Ng T.W., Feldman D.C. (2010) The effects of organizational embeddedness on development of social capital and human capital. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 95. No. 4. P. 696-732.
- Nureev R.M. Human capital and its development in present-day Russia // *Russian Education & Society*. 2010. Vol. 52. No. 3. P. 3-29.
- Nureev R.M. (2010) Human capital and its development in present-day Russia. *Russian Education & Society*. Vol. 52. No. 3. P. 3-29.
- Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival American community. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 2000. 541 p.
- Putnam R. (2000) Bowling alone: the collapse and revival American community. New York: Simon and Schuster Paperbacks. 541 p.
- Putnam R.D. The prosperous community: social capital and public life // *The American Prospect*. 1993. No. 4. P. 11-18.
- Putnam R.D. (1993) The prosperous community: social capital and public life. *The American Prospect*. No. 4. P. 11-18.
- Schultz T. Investment in human capital // *American Economic Review*. 1961. No. 51(J). P. 1-17.
- Schultz T. (1961) Investment in human capital. *American Economic Review*. No. 51(J). P. 1-17.
- Soboleva I. Paradoxes of the measurement of human capital // *Problems of Economic Transition*. 2010. Vol. 52. No. 11. P. 43-70.
- Soboleva I. (2010) Paradoxes of the measurement of human capital. *Problems of Economic Transition*. Vol. 52. No. 11. P. 43-70.
- Weisberg J. Differential teamwork performance: the impact of general and specific human capital levels // *International Journal of Manpower*. 1996. Vol. 17. No. 8. P. 18-29.
- Weisberg J. (1996) Differential teamwork performance: the impact of general and specific human capital levels.

International Journal of Manpower. Vol. 17. No. 8. P. 18-29.

Wicker P. Volunteerism and volunteer management in sport // *Sport Management Review*. 2017. Vol. 20. No. 4.

Информация об авторе

Марина Петровна Сухарькова, аналитик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, 101978, Москва, ул. Мясницкая, 20, Россия, MSukharkova@hse.ru

Вклад автора

Марина Петровна Сухарькова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13.08.2021; одобрена после рецензирования 27.08.2021; принята к публикации 01.09.2021.

P. 325-337.

Wicker P. (2017) Volunteerism and volunteer management in sport. *Sport Management Review*. Vol. 20. No. 4. P. 325-337.

Information about the author

Marina P. Sukharkova, analyst, National Research University Higher School of Economics (HSE), Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, 20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101978, Russia, MSukharkova@hse.ru

Contribution of the author

Marina P. Sukharkova performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the article

The article was submitted 13.08.2021; approved after reviewing 27.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Том 6 № 3
2021

SOCI@COM

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

сетевое издание № 3 2021

Сетевое издание зарегистрировано 26.12.2017
(Свидетельство Роскомнадзора о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-72033).

Главный редактор Е.Н. Струк

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Верстка Н.П. Дзюндзя

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Почтовый адрес ДВФУ:
690922, Приморский край, г. Владивосток,
о. Русский, п. Аякс, 10.
E-mail: sociacom@mail.ru
Тел. +7 902 5 687 647

Учредитель и издатель:
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»